

ISBN 5-7525-0061-3

© Л. Г. Бабенко, 1989

~~ББК Ш 141.12—32~~

✓ Б124

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Ю. А. Гвоздарев*;
кандидат филологических наук, доцент *А. П. Чудинов*

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор *Э. В. Кузнецова*

Редактор *В. И. Первухина*

Л. Г. Бабенко

Лексические средства обозначения эмоций в русском языке.
Свердловск: Из-во Урал. ун-та. 1989. 184 с.

ISBN 5-7525-0061-3

В монографии исследованы системно-языковые и речевые возможности обозначения эмоций в русском языке, представлены типологические классификации эмотивной лексики. Выявление сем эмотивности разного ранга в семной структуре слова (внутрисловная парадигматика) является основой описания структурной организации поля эмоций в русском языке (межсловная парадигматика). Специально рассматриваются закономерности употребления эмотивной лексики в художественной речи, в прозе *В. М. Шукшина*. В монографии имеется словник эмотивной лексики.

Для филологов-лингвистов, учителей средних школ.

Б 460200000—61

182 (02)—89

ББК Ш 141.12—32

сближаясь по лексической семантике и функционально, различаются грамматической семантикой. Разная грамматическая семантика этих слов влечет за собой различие их текстового поведения и,

ПОСВЯЩАЕТСЯ

светлой памяти

Эры Васильевны

КУЗНЕЦОВОЙ,

дорогого Учителя и Друга

3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эмоции пронизывают жизнь человека, сопутствуют любой его деятельности, они — важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность. Естественно, что богатство мира эмоций отражено прежде всего в языке и речи. Чтобы найти секрет обозначения эмоций в языке, можно выбрать разные поисковые пути: психологический (от системы выявленных психологией чувств — к их изображению в языке), интуитивный (от собственного интуитивного представления о наборе чувств — к их отражению в языке), философско-этический, художественно-эстетический и др. Целый ряд научных дисциплин, особенно в последние годы, обращен к изучению эмоций. В данной монографии содержится опыт собственно лингвистического подхода к описанию эмотивной лексики, ибо в языковой картине мира отражен эмоциональный мир человека, что проявляется в обилии и многообразии арсенала языковых средств, призванных обозначать и выражать эмоции. Нам представляется, что систему эмотивных средств языка в целом и лексическую эмотивную систему в частности можно выявить изнутри, привлекая и иные научные теории, но не ограничиваясь только этими теориями.

Уникальность эмоций сравнительно с другими объектами номинации обнаруживается прежде всего в многообразии и богатстве языковых средств их выражения, которые включают соответствующую лексику, фразеологизированные синтаксические конструкции, особую интонацию, порядок слов. Основная роль здесь принадлежит, безусловно, лексике. Причем в лексическом множестве, участвующем в обозначении эмоций, обнаруживаются слова различной частеречной принадлежности (существительные, глаголы, прилагательные, наречия, слова категории состояния, междометия), которые,

соответственно, своеобразие в характере и способе изображения эмоций, поэтому имеет смысл специально исследовать закономерности изображения чувств словами разных грамматических рядов. Как замечает Ю. Н. Караулов, «при обращении к семантике исследователю приходится оперировать материалом, покрывающим практически весь словарь и грамматику» (1987, с. 237).

В данной монографии рассматривается лексика эмоций русского языка. В зависимости от аспектов ее исследования объект наблюдений конкретизируется. Так, объектом системно-семасиологического анализа являются словарные толкования, содержащие сему эмотивности (около восьми с половиной тысяч лексем и десяти с половиной тысяч словарных определений). При сборе словарного материала использовался Словарь русского языка в 4 томах¹. Объект функционального анализа — множество фраз (около двадцати тысяч), содержащих эмотивные смыслы разного ранга. Речевой материал собран из произведений русских писателей и поэтов. Текстовый анализ осуществлялся на материале сплошной выборки эмотивных фраз из рассказа В. М. Шукшина «Страдания молодого Ваганова» (1975).

Основной целью монографического исследования является выделение корпуса эмотивной лексики русского языка, в разной степени эмотивно заряженной. Главный принцип выявления и описания эмотивной лексики — принцип многоаспектности: на уровне парадигматики выявляются слова различной частеречной принадлежности, в семной структуре которых обнаруживаются семы эмотивности разного ранга; на уровне синтагматики исследуются закономерности функционирования эмотивной лексики в контексте предложения; на уровне индивидуально-художественной синтагматики анализируется специфика манифестации эмотивных смыслов в условиях художественной речи и в условиях законченного текста.

Многоаспектность рассмотрения лексики эмоций обуславливает структуру монографии. Материал, послуживший объектом наблюдения, обобщен и представлен в виде таблиц и в приложении.

¹ Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984. (Малый академический словарь — МАС). Словарные дефиниции в тексте монографии приводятся по этому словарю.

Своеобразие языка влияет на сущность нации, как той, которая говорит на нем, так и той, для которой он чужой, поэтому тщательное изучение языка должно включать в себя то, что история и философия связывают с внутренним миром человека.

В. Гумбольдт

ЭМОЦИИ И ЯЗЫК **(основные проблемы и аспекты изучения)**

Более десяти лет назад, в 1976 г., сразу два автора обратили внимание на неразработанность вопроса, связанного с изучением отображения эмоций в языке. И. Г. Торсуева отметила отсутствие систематизации языковых средств выражения эмоций (1976, с. 228), а В. Н. Гридин заметил, что все пишущие по проблеме эмоций отмечают ее важность и актуальность, однако «за последнее время на эту тему не опубликовано ни одной крупной монографии» (1976, с. 24). Положение принципиально не изменилось и сегодня, хотя в научной литературе накоплен опыт изучения отдельных аспектов названной проблемы. Так, можно приветствовать недавно появившиеся монографии Н. А. Лукьяновой (1986) и В. И. Шаховского (1987), посвященные изучению преимущественно проблем экспрессивной эмотивности.

Эмоции человека и механизмы их лингвистического обеспечения всегда были предметом научных изысканий. Целый ряд наук в их взаимодействии изучают этот психологический феномен: психология, физиология, социология, философия, этика, медицина, кибернетика, биохимия, лингвистика, литературоведение. Очевидно, многообразием позиций и подходов, естественных при исследовании эмоций силами различных наук, объясняется обилие и неупорядоченность терминологии в работах по проблеме эмоций. Как только ни обозначают эту удивительную способность человека переживать, испытывать эмоции: психическая реальность, психическое состояние, внутреннее состояние, эмоциональная деятельность... Есть даже попытки развести эмоции и чувства как две иерархически различные формы отражения мира: «...чувства и эмоции являются различными степенями развития эмоциональной сферы отражения действительности...» (Шингаров, 1971, с. 153). В то же время чувства, эмоции и даже ощущения так тесно связаны между собой, что не всегда дифференцируются и не имеют четких границ (Дерябин, 1980, с. 99). Учитывая это и стремясь к единообразию терминологии, мы употреб-

ляем преимущественно термины «эмоции» и «чувства» как эквивалентные обозначения имеющих место в действительности психических состояний, переживаний, ощущений человека.

Прежде чем обратиться к непосредственному объекту исследования данной монографии — лексике чувств, остановимся на ключевых вопросах, связанных с ее изучением.

Эмоции и действительность. Эмоции и человек

Тезис о том, что эмоции — одна из форм отражения, познания и оценки объективной действительности, признается представителями разных наук, прежде всего психологами и философами (Кузьмин, 1976; Леонтьев, 1971, 1972; Симонов, 1970; Шингаров, 1971; и др.). Это исходное положение у всех исследователей имеет общее уточнение: эмоции — особая, своеобразная форма познания и отражения действительности, так как в них человек выступает одновременно и объектом и субъектом познания, т. е. эмоции связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности (Леонтьев, 1971, 1972; Симонов, 1970; Шингаров, 1971). Кроме того, в эмоциях человек проявляется одновременно в разных своих ипостасях, т. е. как существо мыслящее, чувствующее и материально-телесное. Нерасторжимость эмоционального и рационального, эмоционального и физиологического наблюдается в реальной жизни, а в научных исследованиях мы обычно сталкиваемся с практикой их искусственного разъединения. Правда, в последнее время появился ряд терминов, подчеркивающих эту нерасторжимость: эмоциональное мышление, эмоциональная память (Шаховский, 1987).

Психологическая и психолингвистическая науки нацелены прежде всего на исследование функций эмоций в деятельности человека. Таким образом, взгляд на эмоцию как на единство психического и деятельностного является основополагающим принципом исследования психических процессов.

Однако, несмотря на четкость научных позиций, состояние изучения психологии эмоций, по мнению самих психологов, остается крайне неудовлетворительным. До сих пор не решена задача построения целостной, многоуровневой психологической теории эмоций (Рейнвальд, 1985, с. 162). Это создает определенные трудности для лингвистов, обращающихся к проблемам языкового обеспечения эмоций. Отсутствие удовлетворительной теории эмоций, по мнению В. И. Галунова, является «одной из принципиальных трудностей, с которыми сталкивается исследователь при анализе эмоциональной вариативности речи» (1978, с. 78). Есть еще одна трудность — разнообразие классификаций эмоций, выполненных на разных основаниях (Дерябин, 1980; Додонов, 1975; Изард, 1980; и др.). Подобное положение дел с классификацией эмоций психологи объ-

ясняют по-разному. Так, П. В. Симонов заявляет, что «любая классификация эмоций по сути дела служит лишь ширмой для далеко не всегда осознаваемой и признаваемой классификации потребностей» (1978, с. 91), а Б. И. Додонов еще более категорично утверждает, что «универсальной классификации эмоций создать вообще невозможно и классификация, хорошо служащая для решения одного круга задач, неизбежно должна быть заменена другой, при решении иного круга задач» (1975, с. 21). Сам перечень основных эмоций не установлен окончательно ни в психологии, ни в физиологии (психологи насчитывают более 500 различных эмоций).

Достаточно сложными, неоднолинейными оказываются и процессы означивания эмоций. Так, по наблюдениям Б. И. Додонова, «в разговорной практике мы часто пользуемся одним и тем же словом для обозначения разных переживаний, так что их действительный характер становится ясным только из контекста. В то же время одна и та же эмоция может обозначаться разными словами» (1975, с. 23).

Таким образом, учитывая все трудные и нерешенные вопросы психологической теории эмоций, лингвист в первую очередь должен исследовать собственно языковые механизмы обозначения и выражения эмоций, тем более, что «чувства только тогда приобретают значение для лингвиста, когда они выражены языковыми средствами» (Вандриес, 1937, с. 136). Необходимость собственно лингвистического анализа средств, отображающих эмоции человека, мотивируется неразработанностью проблемы, тем, что «языковое выражение эмоций до сих пор исследовано недостаточно» (Караулов, 1987, с. 211).

Итак, путь описания «от мира эмоций — к их языковому обозначению» пока еще невозможен. Логичнее избрать другой путь: от языка — к набору эмоций, хотя эмоции в лингвистическом аспекте также пока еще недостаточно изучены (Квасюк, 1983, с. 12). Здесь есть как бесспорные достижения, так и дискуссионные и даже совсем еще неразработанные вопросы, на которых следует специально остановиться.

Эмоции и языковая картина мира

Еще в начале XIX в. В. фон Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. В настоящее время лингвистика вновь обратилась к учению В. фон Гумбольдта, призывавшего изучать язык в тесной связи с человеком. Наблюдается бурное развитие антропологической лингвистики (Караулов, 1987; Серебренников, 1988; Роль человеческого фактора в языке, 1988). В свете этой концепции вполне осуществимо и собственно лингвистическое осмысление системы эмотивных средств.

По устоявшемуся представлению, основа характерных свойств человека (наряду с биолого-физиологическими, социально-трудовыми и родственными) — «сфера психической деятельности и эмоциональных оценок человека (способность мыслить, проявлять волю, воображение, эмоции, различные диспозиционные установки, мораль, нравственность и т. п.)» (Серебренников, 1988, с. 127). И одна из важных областей, где особенно ярко проявляется деятельность человека в языке, — это, по мнению В. И. Постоваловой, «формирование картины мира в языке и создание языкового инвентаря» (1988, с. 6). Таким образом, одна из центральных категорий антропологической лингвистики — языковая картина мира. В зависимости от аспектов и объема мира действительности, отображаемого языковой картиной, различаются глобальная картина мира, универсум (мир в полноте и целостности), и локальная картина мира (мир в одной из его составляющих, фрагмент мира).

На данном этапе формирования и создания концепции антропологической лингвистики наблюдается тщательная разработка специфики языкового отображения, в первую очередь различных локальных картин мира. В частности, предлагаемая монография посвящена исследованию одной из них — картине мира человеческих эмоций.

Во все времена люди испытывали, испытывают и будут испытывать одни и те же чувства: радость, горе, любовь, грусть... Накоплен огромный эмоциональный опыт. В связи с этим психологи говорят об универсальности эмоций, сам перечень которых отражает общечеловеческий опыт осмысления психической жизни человека: «Некоторые отдельные эмоции являются универсальными, общекультурными феноменами. И кодирование, и декодирование ряда эмоциональных выражений одинаковы для людей всего мира, безотносительно к их культуре, языку или образовательному уровню» (Изард, 1980, с. 95). Наличие таких эмоциональных универсалий доказывается и экспериментально (Артемьева, 1980; Витт, 1984).

Язык не есть зеркальное отражение мира, поэтому, очевидно, мир эмоций и набор языковых средств, их отображающих, не могут полностью совпадать. В. И. Шаховский даже более категорично высказывается о характере этого взаимодействия. Он считает, что вообще «действительный мир эмоций и их модельный мир (языковое отражение) никогда не будут совпадать» (1987, с. 90). Но тут уместно вспомнить утверждение А. Н. Леонтьева о том, что в значениях языковых единиц представлена «идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» (1972, с. 134).

Таким образом, учитывая наличие в эмоциональном опыте человечества группы ведущих универсальных эмоций, можно предположить существование универсальных эмотивных смыслов и в лексической семантике, что обусловлено семантикой отражения, ибо

опыт человечества в познании эмоций, как и какого-либо другого фрагмента мира, закрепляется в языковых единицах. В лингвистической литературе используются различные обозначения этих универсальных эмоций: доминантные эмоции (Болотов, 1981), ключевые эмоции (Вилюнас, 1976), эмоциональный тон (Лукьянова, 1986), ведущие эмоции, базовые эмоции и др. В то же время психологи отмечают, что «словарь эмоций» в разных языках далеко не одинаков, хотя нет ни одного переживания, которое было бы доступно для одной национальности и недоступно для другой» (Додонов, 1975, с. 23). Как видим, сами эмоции — универсальны, а «типологическая структура эмоциональной лексики не совпадает в разных языках» (Гридин, 1979, с. 123), имеет национальную специфику, так как отражение эмоций в каждом языке самобытно.

Эмоции и оценка

Эмотивная лексика традиционно изучается с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, причем связь ее с оценкой оказываются особенно тесными¹. Еще Н. Я. Грот, обобщая опыт изучения проблемы эмоций с древнегреческого периода до XIX в., выделил 16 направлений, в каждом из которых категория оценки фигурирует рядом с категорией эмоции. И по сей день подобное сопряжение эмоций и оценки оказывается плодотворным, не утрачивает актуальности, при этом исследование их взаимозависимости ведется как с позиции эмоций (вопрос о роли и месте эмоций в оценочных структурах), так и с позиций оценки (структура и сущность оценочности эмотивной лексики) (Арутюнова, 1988; Вольф, 1985; Телия, 1986).

Итак, эмоциональность и оценочность — категории, безусловно, взаимосвязанные, а вот каков характер их связи — на этот счет имеются различные точки зрения.

Согласно первой точке зрения, оценочность и эмоциональность — нерасторжимое единство. Так, например, считает Н. А. Лукьянова: «Оценочность, представленная как соотношенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины» (1986, с. 12). Этому же мнению придерживается и В. И. Шаховский (1987). Е. М. Вольф, наоборот, разводит компоненты «эмоциональность» и «оценочность», рассматривая их как часть и целое (1979, с. 276).

Еще одна позиция: оценочность и эмотивность — компоненты хоть и предполагающие друг друга, но различные (Квасюк, 1983, с. 29).

¹ Н. Д. Арутюнова утверждает, что «литература по этому вопросу необозрима» (1988, с. 5—7). Обзор истории изучения оценки в связи с эмотивностью дается в ряде работ (Арутюнова, 1988; Вольф, 1985; Телия, 1986).

Различие этих компонентов подтверждает тот факт, что «отдельным подклассам эмоциональных явлений функция оценки свойственна не в одинаковой степени» (Виллюнас, 1976, с. 48). По мнению сторонников этой позиции, оценочность не в равной степени свойственна эмоциональной лексике. Так, долгое время в параметре оценки не рассматривалась лексика эмоций типа *любовь, грусть*, но в последние годы исследуется характер оценочности и подобных слов (Арутюнова, 1978, 1988; Вольф, 1979, 1985; Другова, 1984; Пальчун, 1983; Телия, 1986; Шмелев, 1977). В результате выделены типы оценочных слов: общеоценочная лексика типа *нравиться/не нравиться, одобрение/неодобрение*; частнооценочные слова, или интерпретирующие «эмотивный аспект» оценки слова, типа *любовь, презрение*. Вторые отличаются от первых совмещением оценочного и дескриптивного смыслов, комбинирующихся в разных пропорциях (Вольф, 1985, с. 29). Они содержат наряду с оценочной модальностью обозначение эмоции.

Разновидности частнооценочных эмотивных значений подробно освещены в монографии Н. Д. Арутюновой. Она выделяет среди них психологические (интеллектуальные и эмоциональные) и этические оценки (1988, с. 75). Особенно перспективной для дальнейших изысканий представляется дифференциация внутри оценочных значений модуса эмотивного плана с совокупностью средств его выражения и диктумных эмотивных пропозиций (Арутюнова, 1988).

Благодаря фундаментальным исследованиям Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, Е. С. Кубряковой, В. Н. Телии, мы имеем сегодня достаточно полное представление о системе оценочных значений, в том числе и о структуре оценки эмотивной лексики. Принципиально важным является признание различия оценочного значения и оценочных структур нейтральной и экспрессивной эмотивной лексики, в том числе и образной.

Хотя положение о том, что эмотивная лексика включает в свое значение оценочный компонент и что оценочная структура различных классов эмотивной лексики неодинакова, можно считать общепризнанным, но избирать оценочные слова в качестве центрального критерия при выборе материала, как это предлагает В. Н. Гридин (1976), нецелесообразно, так как функциональная природа оценки различна. Это проявляется в несовпадении типологии оценок в трудах различных авторов (Гридин, 1976; Арутюнова, 1988; Телия, 1986).

Эмоциональный лексический фонд

Главная трудность изучения языка эмоций объясняется сложностью и уникальностью самого объекта изучения. Эмоции связаны только с человеком, они составляют с ним нерасторжимое, хотя и не всегда наблюдаемое единство. Так же, как и другие оценочные

слова, лексика эмоций относится к сфере «человеческого» (Вольф, 1985, с. 88). А человек — это «центральная фигура языка и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» (Золотова, 1982, с. 5). (Об идее антропоцентризма в языкознании см.: Бенвенист, 1974, с. 259; Солганик, 1984, с. 176; Степанов, 1984, с. 13; Уфимцева, 1986, с. 39). Язык фиксирует двойной модус приоритета человека и в характере изображения его чувств. Эмоции имеют двоякий способ обнаружения в языке. Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речь говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок. Эту способность А. А. Уфимцева считает «неповторимой чертой естественного языка по сравнению с другими видами семиотических систем» (1986, с. 43). Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобная любой другой конкретно наблюдаемой реальности.

Механизмы языкового выражения эмоций говорящего и языкового обозначения, интерпретации эмоций как объективной сущности говорящего и слушающего принципиально различны. По замечанию Е. М. Вольф, можно говорить о языке описания эмоций и языке выражения эмоций (1985, с. 41). Подобное раздвоение языка эмоций объясняет наличие в лингвистической традиции разных путей их исследования.

До сих пор в научной литературе обнаруживаются различные подходы в выделении и описании эмоционального лексического фонда русского языка, что обусловлено в первую очередь различиями в понимании природы эмотивности и ее места в семантической структуре слова.

В соответствии с концепцией панэмоциональности, любое слово языка потенциально эмотивно (Балли, 1961, с. 184; Гридин, 1983, с. 115; Говердовский, 1977, с. 56; Звегинцев, 1957, с. 56; Квасюк, 1983, с. 31; Мальцев, 1963, с. 5; Шаховский, 1987, с. 10; Шмелев, 1973, с. 245). Исходя из презумпции потенциальной эмотивности любого слова, В. И. Шаховский делает вывод о невозможности определить «число словарных эмотивов ни в одном языке» (1987, с. 19). С этим, конечно, согласиться трудно, если учитывать дихотомию язык — речь, т. е. если разграничивать системно-языковые, визуальные, и речевые, окказиональные, лексические средства. Вероятно, действительно трудно выявить все эмотивы в реальной речи, но выделить их из словаря возможно.

Принимая во внимание гипотезу о потенциальной эмотивности любого слова, нужно учитывать, что «слова не в одинаковой степени способны наполняться эмоционально-экспрессивным содержанием» (Говердовский, 1977, с. 64), поэтому можно говорить об определенной шкале переходности эмоциональной лексики (Гридин, 1976, с. 51).

Научная литература насчитывает множество попыток описать эмоциональную лексику (обзор литературы см.: Гридин, 1976, с. 116), но до сих пор проблема выбора объективных критериев выявления лексики эмоций остается окончательно не решенной.

В пятидесятые годы, когда еще не была разработана в достаточной степени семасиология, а семантическая структура слова не была изучена и описана, наблюдалось интуитивное деление эмотивной лексики. На определенном этапе стало необходимо как-то разграничить лексику, в разной степени эмоционально заряженную, с целью исследования различной природы выражения эмоциональных смыслов. Появилось терминологическое разграничение: лексика эмоций и эмоциональная лексика. Очевидно, выделение двух типов эмотивной лексики на начальном этапе ее изучения учитывало прежде всего различную функциональную природу этих слов: лексика эмоций сориентирована на объективацию эмоций в языке, их инвентаризацию (номинативная функция), эмоциональная лексика приспособлена для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта речи. (экспрессивная и прагматическая функции). Основными работами в этом плане были работа Е. М. Галкиной-Федорук (1958) и «Французская стилистика» Ш. Балли (1961). К сожалению, эти два русла изучения эмотивной лексики, намеченные в пятидесятые годы, сохраняются до сих пор.

Таким образом, традиция научного описания выделила как принципиально различные два класса эмотивной лексики. Так называемая **лексика эмоций** включала слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях (слова типа *боязнь*). К **эмоциональной лексике** относили эмоционально окрашенные слова, содержащие чувственный фон, ореол, дымку. Объектом пристального внимания оказалась прежде всего эмоциональная лексика, связанная с выражением эмоций говорящего. Считалось, что «слова, обозначающие самые ощущения, эмоции и настроения типа *любовь, страх* и под., и слова, выражающие лексически оценку явления и с точки зрения говорящего, и с точки зрения какой-либо общественной группы типа *добрый, злой*... никакого отношения к эмоциональной лексике не имеют» (Тимофеев, Бабкин, 1955, с. 9). На сегодня написан целый ряд капитальных исследований эмоциональной лексики (Гридин, 1976, 1979; Вольф, 1985; Лукьянова, 1986; Телия, 1986; Шаховский, 1987), однако надо учитывать, что искусственное ограничение объекта исследования только эмоциональной лексикой не выявляет истинной картины лексических средств, отображающих эмоции в полном объеме.

В связи с этим нельзя все-таки принять точку зрения В. И. Шаховского, согласно которой только эмотивы (в его понимании — экспрессивная лексика, выражающая эмоции) являются собственно эмотивной лексикой, так как «именно в ней осуществляется семантическая категоризация эмоций, именно она формирует лексический

фонд эмотивных средств языка» (1987, с. 100). Мы считаем, что семантическая категоризация эмоций должна быть осуществлена прежде всего при рассмотрении лексики, называющей эмоции, хотя бы потому, что в ней эмотивные смыслы эксплицитны, более устойчивы, стабильны. Эти слова — непосредственные знаки эмоций.

К сожалению, история вопроса такова, что слова, обозначающие эмоции, не были предметом пристального изучения долгие годы. В этом проявилась общая тенденция, ибо в лексикологии до сих пор «плохо обстоит дело с изучением лексики, обозначающей социальные отношения и внутреннюю жизнь человека» (Григорян, 1983, с. 57. См. также: Караулов, 1987, с. 211). В настоящее время в связи с достижениями в разработке общих проблем семантики (Э. С. Азнаурова, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, И. А. Стернин, В. Н. Телия, Г. В. Степанов, Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.) наблюдается активизация интереса исследователей к изучению номинативных средств эмотивности, приоритетными становятся изыскания, избирающие в качестве предмета исследования слова, непосредственно называющие эмоции. В работах этого плана обнаруживается уже другое, более широкое понимание эмотивности. Но приходится констатировать, что сторонники данного направления также ограничивают и сужают материал исследования: чаще всего они объектом рассмотрения избирают слова, содержащие указания на эмоцию только в логико-предметной части значения слова (эмотивы-номинативы). Здесь имеются различные опыты таксономического описания эмоций, учитывающие различные исходные принципы и аспекты анализа. Так, Л. И. Шахова, показывая иерархическую организацию ЛСГ «чувственные переживания», в вершине таксономии использует категорию положительной и отрицательной оценочности, затем выделяет десять групп с учетом качественного содержания чувств (1980). Г. Л. Другова предлагает типологию лексики с учетом экстралингвистических эмотивных смыслов (1984). Образец классификации семем чувств с точки зрения семантики слова содержит исследование Л. Н. Иорданской (1970).

Все эти и им подобные классификации представляют собой разработку отдельных участков эмотивной лексики: глаголов смеха (Ковалева, 1981), лексико-фразеологического поля обозначения смеха и плача в современном русском языке (Ротова, 1985), поля страха во французском и русском языках (Растопчинская, 1973), ЛСГ чувственных переживаний (Шахова, 1980), отрицательно-эмотивной лексики (Квасюк, 1983), лексики импульсивных отрицательных эмоций (Лысенко, 1969) и др. Причем больше всего исследована глагольная лексика (Васильев, 1971, 1981; Шапилова, 1974; Прокуденко, 1969; Сретенская, 1973; Пальчун, 1983; Жуковская, 1975; Похмелькина, 1975; и др.). Исследования проводятся на материале самых разных языков: английского (Квасюк, 1983),

испанского, японского, китайского (Левина, 1982). Имеется целый ряд сопоставительных исследований: рассмотрены, например, глаголы смеха (Ковалева, 1981), обозначения жестов в русском и английском языках (Ходина, 1981), обозначение отрицательных эмоций (Козырева, 1981) и семантические поля слов со значением «страх» в русском и французском языках (Растопчинская, 1973).

Наряду с собственно семантическим, активно разрабатываются и другие аспекты исследования эмотивной лексики: словообразовательный (Жуковская, 1975; Квасюк, 1983; Растопчинская, 1973; Шахова, 1984), функционально-текстовой (Квасюк, 1983; Болотов, 1981; Гридин, 1983).

Многое сделано в области изучения лексического эмотивного фонда русского языка, но, несмотря на активизацию его изучения, многие проблемы все еще не решены, имеют дискуссионный характер, а некоторые даже не поставлены. Самое главное — не выявлен общий корпус эмотивных средств, в связи с чем нет общего представления о полном объеме эмотивной лексики и, соответственно, нет представления и о системной организации эмотивной лексики русского языка. Таким образом, главная цель сегодня — выявление в полном объеме, без каких-либо ограничений, корпуса эмотивной лексики и создание ее глобальной классификации.

Эта задача может быть выполнена, если будет, наконец, снято искусственное разделение лексики на два класса (лексику эмоций и эмоциональную лексику) и преодолено раздельное изучение этих классов слов. Принимая во внимание различие природы эмотивной заряженности этих слов, надо учитывать, что лексика и того и другого множества участвует в отображении (обозначении или выражении) эмоций человека (говорящего, слушающего или какого-либо другого лица). Она соотносится с миром эмоций и отображает этот мир, следовательно, правильнее будет слить эти два направления в одно русло. Сохраняя за терминами «лексика эмоций» и «эмоциональная лексика» их традиционное осмысление, предлагаем назвать совокупность обозначаемых ими средств эмотивной лексикой, ибо за этим сочетанием слов пока еще нет устойчивых терминологических ассоциаций.

Категория эмотивности

Накопленный опыт описания отдельных частных группировок эмотивной лексики позволяет перейти к следующему этапу изучения этого множества слов с единых методологических позиций. Основанием единой модели глобального описания всего множества эмотивной лексики может служить категория эмотивности. Эта категория пока имеет дискуссионный характер (Квасюк, 1983, с. 23), содержательная ее природа не раскрыта достаточно четко и полно, термино-

логический аппарат также до конца не оформлен, но статус ее как категории доказывается рядом исследований. Прежде всего раскрывается отличие эмотивности от эмоций: «На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность, эмоции — психологическая категория, эмотивность — языковая» (Шаховский, 1987, с. 13). На необходимость разработки этой категории указывает и В. Н. Телия (1986, с. 129).

Соглашаясь с тем, что эмотивность — категория языка, исследователи понимают объем ее неоднозначно. Можно обнаружить узкое и широкое понимание эмотивности. В первом случае эта категория соотносится с экспрессивной эмотивной лексикой и либо отождествляется в целом с коннотацией (Шаховский, 1987; Телия, 1986, 1988), либо отождествляется с каким-либо из компонентов коннотации: эмоциональным компонентом (Гальперин, 1982, с. 37), оценочностью (Вольф, 1985, с. 38). Во втором случае эта категория охватывает все языковые, в том числе и лексические средства отображения эмоций (Квасюк, 1983, с. 28). Подобное осмысление категории эмотивности предполагает, что она объединяет семантически близкие языковые единицы разных уровней, в том числе и лексику. Мы придерживаемся подобного осмысления категории эмотивности.

При рассмотрении категории эмотивности на материале лексики обычно встает и проблема эмотивного значения.

Эмотивное значение. Место эмотивного компонента в семантической структуре слова

Современные исследователи эмотивной лексики отмечают, что некоторые спорные до недавнего времени проблемы эмотивности уже решены (Шаховский, 1987, с. 19). Такой оптимизм нам кажется преждевременным, ибо изучение эмотивной семантики фактически только начинается. Объективно история лингвистических учений складывалась таким образом, что только сейчас в семасиологии появилась благоприятная ситуация для подобного изучения, так как сегодня имеется убедительная концепция семантической структуры слова и появились различные методы и методики ее описания (Гак, 1971, 1976; Васильев, 1971; Караулов 1976, 1981; Кузнецова, 1975, 1982; Шмелев, 1973; и др.).

Долгое время дискуссионным было выделение категории эмотивного значения (Квасюк, 1983, с. 33; Шаховский, 1987, с. 15). Убедительную попытку определения сущности этого значения предпринял В. И. Шаховский, который привел целый ряд доказательств в его пользу (1987, с. 63—64). Как показало изучение научной литературы по этому вопросу, трактовка эмотивного значения тесно

связана с пониманием категории эмотивности. В связи с этим выделяется узкое понимание эмотивного значения, когда оно рассматривается как способ выражения эмоций говорящего и охватывает соответственно междометия и эмоционально окрашенную лексику (Азнаурова, 1973; Арнольд, 1981; Гальперин, 1982; Шаховский, 1987; и др.). Суженное понимание эмотивного значения соответствует пониманию эмотивности, свойственному концепции В. И. Шаховского. Наше понимание этой категории несколько иное, поэтому мы иначе понимаем и эмотивное значение: это значение (семема), в семной структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т. е. это значение, в котором каким-либо образом представлены (выражены или обозначены) эмотивные смыслы. Эти смыслы могут быть полностью равны лексическому значению слова (как у междометий), могут быть коннотативными (как у экспрессивов) или могут входить в логико-предметную часть значения (эмотивы-номинативы).

Подвижность эмотивного компонента в слове, его способность «скользить» по иерархии семантических компонентов не позволяли долгое время ухватить суть эмотивной семантики слова и адекватно ее описать. Трудность усугублялась тем, что не была до последнего десятилетия разработана семная семасиология. В последние годы в связи с активной разработкой методов анализа семной структуры слова появилась возможность описания и эмотивного компонента слова. Многие сделал в этом отношении В. И. Шаховский, он ввел в научный оборот понятие эмосемы, эмотивной семы, сущность которой так раскрывается в его концепции: «Это специфический вид сем, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака «эмоция» и семных конкретизаторов «любовь», «презрение», «унижение» и др., список которых открыт, и которые варьируют упомянутый семантический признак (спецификатор) в разных словах по-разному» (1987, с. 84). Соглашаясь в принципе с таким определением, мы считаем, что сема эмотивности может отображать эмоциональный процесс относительно любого лица: говорящего, слушающего или какого-либо третьего лица. Такое понимание семы эмотивности позволяет считать возможным ее присутствие в сфере денотативной семантики слова.

Осмысление категории эмотивности и семы эмотивности позволит в перспективе создать описание функционально-семантического поля (ФСП) эмотивности. В современной концепции функционально-семантического поля, активно разрабатываемой А. В. Бондарко (1972, 1983), компонентами его считаются языковые средства разных уровней, объединяемые функционально-семантически, реализующие одно категориальное содержание. Если вернуться к эмотивности, то можно предположить, что сейчас возможно описание лексической части ФСП эмоций — лексико-семантического поля эмоций (ЛСПЭ).

Это тем более важно и необходимо, поскольку именно семантическое поле является, как считает Ю. Н. Караулов, основным содержательным элементом языковой картины мира (1988).

Наше внимание в данной монографии направлено на микромир души человека, его характерные эмоциональные состояния, процессы и свойства. К настоящему времени убедительно доказано, что языковые средства, которыми создается языковая картина мира — это «слова, формативы и средства связи между предложениями, а также синтаксические конструкции» (Серебренников, 1988, с. 107), но основа, ядро этих средств, безусловно, слова, так как именно «лексикон тесно связан с членением окружающей нас действительности, с выделением во внешнем мире (природе и обществе) и внутреннем мире человека (его психике) некоторых отдельных величин» (Кубрякова, 1988, с. 148). По мнению Е. Е. Кубряковой, это определяет и «путь исследования: от лексики языка — к анализу... классификаций, а от классификаций — к вынесению суждения о главных категориях, классах, разрядах и т. п., в рамках которых мир отражен и представлен в словаре человека» (там же, с. 149). С подобной логикой анализа языковой картины мира согласуется и позиция А. А. Уфимцевой (1988, с. 135).

Структура нашей монографии ориентирована именно на этот путь исследования: в качестве материала берется эмотивная лексика, из ее множества вычлениаются повторяющиеся в лексической семантике и группирующиеся в связи с этим эмотивные смыслы, отражающие мир эмоций человека, затем осуществляется типологическое исследование этой лексики, позволяющее выявить главные тенденции языкового отображения мира человеческих эмоций.

Исследуя природу языковой картины мира, надо помнить, что она не является застывшим, мертвым отображением действительности. Это живое, многокрасочное полотно, способное меняться и дополняться новыми штрихами и красками, создается относительно подвижным множеством меняющихся тонов, основа которых (базовые, универсальные тона), однако, остается неизменной. В связи с этим предлагается исследование языковой картины мира вести с учетом двух аспектов: статического и динамического. «Первый дает представление о языковой картине мира как результате уже свершившегося процесса. Второй решает проблему, как делается языковой образ действительности средствами того или иного языка» (Телия, 1988, с. 174). Применительно к нашему материалу это предполагает рассмотрение лексики эмоций как зафиксированной словарем (статический аспект), так и в контексте речевой деятельности (динамический аспект). Во втором случае объектом наблюдения мы избираем художественную речь, где богаче представлены явления окказиональной и образной номинации, ярко обнаруживающие национальную языковую специфику.

Все отмеченные выше особенности языковой картины мира

обусловили логику анализа эмотивной лексики в данной монографии.

Опираясь на достижения в изучении эмотивной семантики слова, мы пытаемся выявить весь корпус эмотивной лексики русского языка. Конкретные задачи исследования — анализ закономерностей включения семы эмотивности в семную структуру слова, выявление ее места в иерархии семантических компонентов, создание типологии сем эмотивности, типологии эмотивной лексики, описание употребления этой лексики в речи.

Монография выполнена в русле современных семантических исследований. Основу ее составляет семиологический принцип описания лексики, который «позволяет рассматривать лексическое значение во всем его объеме, по всем осям его структурной организации» (Уфимцева, 1986, с. 4), ибо предполагает описание слова по компонентам значения (внутрисловная парадигматика) с учетом лексико-семантических вариантов (семантическая производность, эпидигматика), предусматривает выделение лексических множеств разного рода (межсловная парадигматика) и выявление закономерностей семантического развертывания слова в контексте (лексическая синтагматика).

Мы рассматриваем языковые знаки, предметом отображения которых являются эмоции человека, и в дальнейшем для обозначения этого идеального объекта, отображенного в слове, будем пользоваться термином «эмотивный смысл». Эмоции, чувства — это экстралингвистические сущности; эмотивные смыслы — их отображение в языке, компоненты лексической семантики. Эмотивные смыслы — это смыслы, несущие информацию об эмоциях человека. Они предстают в содержании различных языковых и речевых единиц в виде специализированных семантических компонентов, свойственных этим единицам.

Поиск эмотивных слов шел с учетом семы эмотивности в их содержании (основной критерий выявления эмотивной лексики из словаря). Методика выявления — сплошная выборка лексики из словаря с учетом дефиниций, содержащих разного рода указания на эмоцию, с применением при необходимости метода углубленного компонентного анализа. Целый ряд исследователей выявляет системные связи слов, опираясь на словарь и прежде всего — на словарные определения. По мнению Ю. Н. Караулова, семасиологические исследования допускают методическое понимание семантических признаков как компонентов, манифестируемых словарными дефинициями, словами и синтагмами (1976, с. 185).

Надо полагать, не вся эмотивная лексика стала предметом наших наблюдений, но, очевидно, общая картина ее системных связей в ряде существенных аспектов отражена. С учетом концепции, разбиваемой в монографии, из словаря русского языка выделен основной корпус эмотивной лексики (см. прил.).

ЭМОТИВНЫЕ СМЫСЛЫ В СЕМНОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА

В последние годы лексикология достигла выдающихся результатов в описании системности лексики, в выявлении и описании структурно-семантической организации различных лексических множеств (Л. М. Васильев, Э. В. Кузьцова, З. Д. Попова, Д. Н. Шмелев и др.). Это, в свою очередь, стало возможным благодаря тщательной разработке теории семантической и семной структуры слова (Ю. Д. Апресян, Л. М. Васильев, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева и др.). Окончательно сформировалась область знания, специализирующаяся на изучении семантической структуры слова, — семасиология, в рамках которой как самостоятельные разделы выделяются семемная и семная семасиология. Последняя, по словам И. А. Стернина, еще «находит» в процессе становления, разработки своего понятийно-терминологического аппарата... категоризации своих объектов — семантических компонентов различных типов» (1985, с. 37).

Семная семасиология сегодня характеризуется обилием многообразных позиций и подходов к описанию семной структуры слова. Можно отметить разную степень разработки отдельных проблем. Так, общепризнанными сегодня являются представления о структурном характере семемы (семема — система сем, иерархически организованных), ее полевой модели, предполагающей ядерный и периферийные компоненты, о наличии макрокомпонентов в структуре значения (денотация и коннотация) (Стернин, 1985).

Споры и дискуссии связаны, во-первых, с осмыслением содержания и объема денотации и коннотации, во-вторых, с типологией и классификацией сем.

Денотация и коннотация. Типология сем

Лингвистическая традиция выделяет два макрокомпонента в модели лексической семантики — денотацию и коннотацию. Ряд

исследователей, изменяя традиции, выделяют три макрокомпонента: логико-предметный, эмотивный и функционально-стилистический (Шаховский, 1987, с. 85—86); денотацию, коннотацию, образный компонент (Загоровская, 1983, с. 16). Что касается денотации, то в научной литературе наблюдается двойное осмысление этого макрокомпонента.

Прежде всего, денотация понимается широко, как сфера значения, ориентированная на отражение объективной действительности (в противоположность коннотации, ориентированной на говорящее лицо и коммуникативную ситуацию). При таком понимании денотация полностью покрывает логико-предметную часть значения (Стернин, 1985, с. 42). В этом случае допускается, что денотатом слов могут быть и конкретные, реально существующие объекты, и представления и понятия о свойствах, качествах, состояниях и др. Это могут быть «вещи, события, явления, состояния, связи и отношения, т. е. не только физические конкретно-чувственные феномены, но и так называемые «идеальные предметы» — понятия о реально существующих связях и отношениях материального мира» (Копыленко, Попова, 1981, с. 5).

Кроме того, денотация понимается более узко, как часть лексического значения, ориентированная на отражение только конкретных объектов (предметная отнесенность), противопоставленная сигнификату, имеющему логико-понятийный характер (понятийная отнесенность). Подобный взгляд на структуру лексического значения и, в частности, на место и значимость денотата и сигнификата в нем породил представление о двух типах слов, «ориентированных на номинацию разных сущностей в мире: материальных или же идеальных» (Кубрякова, 1988, с. 165). Первый тип слов тяготеет в большей степени к денотативному значению и обозначается в разных терминосистемах следующим образом: конкретная лексика, жесткие десигнаторы, референтные, идентифицирующие имена. Второй тип слов имеет сигнификативный характер значения, и также обозначаются эти слова по-разному: абстрактная лексика, нежесткие десигнаторы, атрибутивные дескрипции, предикатные имена. Эмотивная лексика относится ко второй группе слов с сигнификативным типом значения.

Взаимодополняя друг друга, эти два компонента вместе составляют логико-предметную часть значения. Подобное «разграничение лексического значения на денотативный и сигнификативный его аспекты (компоненты) довольно относительно и трудно определимо» (Уфимцева, 1986, с. 153). Учитывая эту трудность внутреннего разграничения, а также и то, что и денотат, и сигнификат «имеют общее основание — объективное логико-предметное содержание» (Уфимцева, 1986, с. 153), мы посчитали возможным в дальнейшем анализе материала не разграничивать денотативный и сигнификативный компоненты лексического значения, оперировать преимущественно термином «денотация», придерживаясь более широкого его толко-

вания: денотация — часть лексической семантики, многокомпонентная, иерархически организованная, содержащая информацию о разнообразных фактах действительности, в том числе и информацию о человеческих эмоциях. Таким образом, мы отталкиваемся от предположения, что денотатом может быть и такая не всегда наблюдаемая идеальная сущность, как эмоция.

Коннотация — периферийная часть лексического значения, многокомпонентная, как и денотация, факультативная, содержащая информацию о личности говорящего, в том числе и о его эмоциональном состоянии, ситуации общения, характере отношения говорящего к собеседнику и предмету речи. Это своеобразная «лексическая модальность». При таком осмыслении коннотации эмоциональный смысл — один из компонентов коннотации, «эмоциональный коннотат», по В. И. Говердовскому. Наличие его в слове обусловлено прежде всего психикой говорящего. Это широкое понимание коннотации¹. Однако есть и другое понимание, ограничивающее коннотацию одним компонентом лексической семантики — эмоциональностью. Подобную трактовку коннотации встречаем в трудах В. И. Шаховского, который в принципе отождествляет коннотацию и эмотивный компонент слова: «...коннотация есть собственная эмоциональная окраска слова, входящая в его внутреннюю форму как один из семантических признаков «эмоции» (1987, с. 83; см. также: Говердовский, 1985, с. 71). Подобный взгляд на коннотацию не является общепринятым и его нельзя считать убедительным.

Названные трактовки представляют собой крайние точки зрения, наряду с которыми существует целый ряд различных теорий коннотации: семиотическая, стилистическая, психологическая, философская (обзор работ см.: Телия, 1986, с. 5—6; Шаховский, 1987, с. 7). Несмотря на это обилие концепций, природа коннотации все еще окончательно не изучена и требует дальнейшего углубленного исследования, актуальность проблемы пока не снижается (Гридин, 1983, с. 117; Шаховский, 1987).

Беспорным в современных концепциях коннотации является признание системной организации компонентов коннотации. Кроме того, все исследователи признают то, что эти компоненты не включаются в предметно-логическую часть значения, так как они в меньшей степени отражают реальную действительность, а в большей степени «привязаны к психике говорящего» (Говердовский, 1979, с. 135). Что касается выделения компонентов, составляющих коннотацию, это предмет острейших дискуссий (Загоровская, 1983; Лукьянова, 1986; Матвеева, 1986; Телия, 1986; Харченко, 1983; Шахов-

¹ См., например: «Коннотация — это тот макрокомпонент значения, который включает в себя наряду с образно-ассоциативным комплексом, переходящим во внутреннюю форму, эмотивную модальность и стилистическую маркированность» (Телия, 1988, с. 199).

ский, 1983, 1987). Обычно содержание коннотации связывают с категориями экспрессивности, образности, оценочности и эмоциональности. Соответственно этому в сфере коннотации выделяют различные элементы — коннотаты (Говердовский, 1979, с. 196). Наиболее убедительна типология В. И. Говердовского, который, отмечая различную функциональную направленность коннотатов (на внутренний мир человека, на язык и на внешнюю по отношению к языку действительность), выделяет следующие основные ее типы: эмоциональный, оценочный, образный, экспрессивный (1979, с. 78—136).

Эмоционально-оценочный тип коннотации убедительно и в достаточной степени развинуто, хотя и типологически не тождественно показан в ряде исследований (Гридин, 1976, 1979; Лукьянова, 1986; Телия, 1986; Шаховский, 1987).

До последнего времени не вызывало споров признание зависимости коннотации от денотации (Телия, 1986, с. 37, 66). Эта зависимость подтверждается, по мнению В. Н. Телии, зависимостью интерпретативной деятельности от собственно номинативной (1986, с. 26), а в оценочной лексике особенно значима именно интерпретация того, что обозначено денотацией. В то же время, анализируя экспрессивно окрашенную лексику с яркой внутренней формой, В. Н. Телия отмечает значимость коннотации в ее семантике (1986, с. 60). Таким образом, можно говорить о неоднородности слов с коннотативной семантикой. Вследствие этого сейчас намечается пересмотр общепринятого до последнего времени тезиса о зависимости коннотации от денотации. Так, М. Н. Кожина утверждает, что «лонгитюдное и коннотативное (в широком смысле) в языковой единице являются равноправными с точки зрения языка как действительного сознания, составляя единство в ее смысловой структуре» (1987, с. 9).

Этот пересмотр, вероятно, обусловлен попыткой исследовать в функциональном аспекте семную структуру слова и, в частности, соотношение денотации и коннотации. В речевой деятельности наблюдаются различные смысловые модификации слова, в том числе возможна и дестабилизация связи и границ денотации и коннотации. Выдвижение ее в сильную позицию. Не случайно В. И. Шаховский, исследуя денотацию и коннотацию прежде всего в коммуникативном акте, называет их связь «относительной диархией... с превалированием той или иной стороны в зависимости от намерений говорящего» (1987, с. 17).

Размышляя о характере связи денотации и коннотации, надо последовательно выдерживать аспект анализа. При исследовании потенциальных возможностей слова, заложенных в языковой системе, довольно часто обнаруживается доминирующее, ядерное положение денотации и зависимое, периферийное — коннотации. Анализируя реализацию этих возможностей в речевом акте, можно выявить различное их соотношение: доминирование денотации, равноправие

денотации и коннотации, доминирование коннотации при стершейся, погасшей в контексте денотации (например, случаи метафорического употребления оценочных существительных) (Лукьянова, 1986, с. 25; Шаховский, 1987, с. 73; Шестопалова, 1982, с. 62).

Второй сложный вопрос семной семасиологии — типология сем. Дифференциальная модель значения предусматривает несколько уровней иерархии семантических компонентов лексического значения. Находящиеся в вершине иерархии два макрокомпонента (денотация и коннотация) состоят из микрокомпонентов, семантических множителей, различных по своей функционально-содержательной природе. Их сущность определяется примерно одинаково: семантический компонент — это элементарная единица содержательного плана, выделяемая из лексического значения, меньшая, чем все значение (Стернин, 1985, с. 40). Что касается типологии микрокомпонентов лексического значения, она не отличается единообразием. На сегодня имеется огромное число в чем-то пересекающихся, а в чем-то и несходных классификаций внутрисловных семантических признаков (сем) (Арнольд, 1966; Васильев, 1971, 1981, 1982; Гак, 1971, 1976; Караулов, 1981; Никитин, 1974; Стернин, 1985; Шмелев, 1973). Все эти классификации выполняются обычно на разных основаниях и соответственно терминологически не совпадают (обзор см.: Васильев, 1985; Стернин, 1985).

В дальнейшем практическом анализе семной структуры слова нас интересуют семы, совпадающие по содержанию (семы эмотивности), но различающиеся по принадлежности к одному из макрокомпонентов (денотативные — коннотативные), по позиции во внутрисемной иерархии (ядерные — периферийные), по функции (категориально-лексические — дифференциальные). К категориально-лексическим мы вслед за Д. Н. Шмелевым относим наиболее общие признаки лексической семантики, которые входят в значения всех слов определенной ЛСГ как «объединяющий компонент» (1964, с. 15), а к дифференциальным семам — семантические признаки, которые различают слова одной ЛСГ.

Эмотивные смыслы в аспекте семной семасиологии

Объект нашего рассмотрения в этой подглаве — содержание эмотивной лексики, представленное определенным семным набором. В таком аспекте данный пласт лексики в полном объеме еще не изучался.

Если в сфере коннотации наличие эмотивного компонента никем не оспаривается (оспаривается лишь его статус в семной структуре и соотносительность с другими коннотатами), то в сфере денотации до настоящего времени статус эмотивного компонента не выявлен,

до сих пор не показано, в облике какого семантического компонента он реализуется: архисемы? дифференциальной семы?.. Выяснение этих вопросов — главная наша задача.

Эмотивные смыслы необыкновенно гибки, подвижны и вариативно отражаются в лексической семантике (Гридин, 1976; Шаховский, 1987). Этим обуславливается фрагментарность изучения отдельных участков поля эмотивной лексики. Чтобы избежать подобной фрагментарности, мы извлекли из словаря лексику с эмотивными семами разного ранга, которая включает и слова, допускающие различную аранжировку эмотивных смыслов. Эти семы могут подаваться в слове как главные, тематически доминирующие (*несчастье* 'тяжелое событие; горе, беда, бедствие', *плавать*, перен 'испытывать какое-л. возвышенное или радостное чувство, быть охваченным этим чувством'), могут сопровождать основную тему номинации (*балагурить* 'говорить весело, забавно, пересылая речь шутками, остротами', *пожить*₂ 'провести время в развлечениях, удовольствиях, насладиться жизнью') или эмоционально окрашивать, заряжать эмоциональной интенцией говорящего все слово в целом (например: *писака* — '1. Разг. презр. Писатель (обычно плохой, но плодовитый)'; *аталия* — '2. Разг. ирон. Бурная ссора, драка').

Основанием единой модели глобального описания всего множества эмотивной лексики может служить сема эмотивности, участвующая в манифестации эмоций в семантике слова.

Выявляя эмотивную лексику из словаря, мы учитывали следующее замечание Ю. Н. Караулова: «Для фиксации связи двух входных слов достаточно констатировать наличие на выходе (в их дефинициях) хотя бы одного общего слова. Такова феноменологическая (т. е. на уровне явлений) модель семантической связи» (1981, с. 6). Главное условие, которым мы руководствовались при выборке материала, состояло в том, что словарные дефиниции должны были содержать указание на эмоцию в любом виде: оно могло быть заключено в опорной части словарной дефиниции, указано в скобках или иметь статус пометы. Это дало возможность максимально охватить эмотивную лексику. Общий объем выборки — около 8500 лексем, 10738 семем.

Анализ материала показал, что сема эмотивности может занимать разные позиции в семной структуре и в соответствии с этим она выполняет различные функции: входит в денотацию или в коннотацию, является главной, категориально-лексической или зависимой, дифференциальной семой.

Подсчеты показывают, что 94% эмотивной лексики, обозначая эмоции как нечто существующее в действительности, объективируют их в языке (эмотивы-номинативы). При этом сема эмотивности, заключающаяся в денотативной сфере значения, выполняет различные функции и выступает в облике то интегральной (81%), то дифференциальной (13%) семы. Статус семы не только определяется ее

позицией в семной структуре слова, но, в свою очередь, и сам определяет характер манифестации эмотивных смыслов слов.

Категориально-эмотивные смыслы

Словарные дефиниции большей части эмотивной лексики (81%) сближаются благодаря общему содержанию, имеющемуся в них. А. А. Уфимцева очень удачно, на наш взгляд, называет «эту интегративную по сущности и трансформированную по форме выражения общую для целого ряда единиц сущностную часть словарной дефиниции — идентифицирующим предикатом» (1986, с. 207). Еще раньше идею о предикативном характере категориально-лексической семы высказал Ю. Н. Караулов, рассматривавший соответствие между компонентным составом, или семным наполнением, лексемы и реализуемой этой лексемой структурной схемой предложения (1981, с. 338).

Сема эмотивности, выступая в статусе категориально-лексической семы, выполняет функцию идентифицирующего предиката и обычно представляет собой аналитическое сочетание, построенное по модели «понятие о чувстве + конкретное наименование какого-либо чувства», например: *боязнь* 'чувство страха; опасение'; *любить* 'чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-л., быть преданным кому-, чему-л. / / испытывать чувство расположения, симпатии к кому-л.' Первый компонент модели — основной идентификатор эмотивности, идентификатор первой степени (ИЭ₁). Обычно он выражается словами обобщенной семантики типа *чувствовать, испытывать* и может варьировать форму (см.: *чувствовать, чувство, чувствующий*). Второй компонент — дополнительный идентификатор эмотивности второй степени (ИЭ₂) — замещается чаще всего конкретными наименованиями эмоций типа *любовь, страх, ненависть* и др. Итак, категориально-лексическая сема эмотивности (далее — КЛСЭ) обычно реализуется сочетанием обобщенного и конкретного предикатов эмотивности (формула КЛСЭ: ИЭ₁+ИЭ₂).

В иерархии внутрисемных компонентов категориально-лексическая сема эмотивности занимает первую после категориально-семантических компонентов семантическую позицию, т. е. она является зависимой от таких компонентов, как «состояние», «отношение», «действие», «воздействие», «качество», «признак», «лицо» и др. В связи с этим в словарных дефинициях сема эмотивности обычно сливается в единое целое с подобными семами, в результате чего эмоции передаются в языке чаще не как отвлеченные сущности, а как характерные проявления объективной действительности: как состояние, отношение и др. Например, *весело* 'о наличии веселья, о радостном настроении, о чувстве веселья, испытываемом кем-л.'; *веселеть/повеселеть* 'становиться веселым или более веселым';

веселить/развеселить 'вызывать веселье / доставлять удовольствие, радовать'; веселиться 'предаваться веселью, весело проводить время, развлекаться'; веселый, 'полный веселья, жизнерадостный / выражающий веселье'; весельчак 'тот, кто имеет веселый нрав, любит повеселиться', веселье 'беззаботно-радостное настроение, радостное оживление'.

Базовые идентификаторы эмотивной лексики передают общую идею лексического поля — идею чувства, эмоции как особой психической реальности. Именно они формируют лексическое поле эмоций.

Дополнительные идентификаторы, конкретизируя идею чувства, передают содержание эмоции, которое иногда называют «квантом», «тоном», «тональностью» и др. (см. об этом: Квасюк, 1983, с. 11). Тем самым они объективируют типовые эмоции и выполняют классификационно-номинативную функцию. В системе лексики национального языка они представляют систему эмоций так, как она сложилась в жизни человечества и как она осознается человечеством на определенном этапе его существования. Учитывая это, мы называем эмотивные смыслы, передаваемые дополнительными идентификаторами, денотативно-исходными эмотивными смыслами.

Результаты нашего исследования подтверждают гипотезу, согласно которой основанием таксономии лексики эмоций может быть именно конкретная идентифицирующая сема эмотивности (ИЭ₂), так как именно в ней заключена типовая эмотивная семантика (исходные эмотивные смыслы). Исходные эмотивные смыслы повторяются в словарных дефинициях, например: *ажитация* 'возбужденное состояние, волнение', *волнение*₂ 'нервное возбуждение, сильное беспокойство', *беспокойство* 'тревожное состояние, волнение', *будоражиться/взбудоражиться*, *волноваться*, *беспокоиться*, *кипятиться*^{зперен.} 'горячиться', *волноваться*, *сердиться*; и др. Как видим, в ряде слов повторяется ИЭ₂ «беспокойство». Эта особенность (повторяемость ИЭ₂) позволяет выявить набор исходных эмотивных смыслов, которые с учетом высокой представленности можно отнести к универсальным. Именно частотность, повторяемость эмотивных смыслов в семантической структуре слова является критерием выбора имени множеств, содержащих эти эмотивные смыслы. Степень повторяемости может быть различной. Учитывая это, мы выявили 37 базовых исходных эмотивных смыслов, которые чаще всего (24 раза и больше) повторяются в словарных дефинициях (в скобках указано количество семем): *горе* (481), *любовь* (481), *радость* (427), *неприязнь* (417), *беспокойство* (338), *грусть* (318), *доброта* (307), *злость* (258), *страх* (190), *смирение*

¹ См. замечания Ю. Н. Караулова о критерии выбора дескриптора имени поля (1976, с. 139; 1981, с. 22).

(184), *недовольство* (180), *стыд* (176), *спокойствие* (175), *одиночество* (164), *удовольствие* (151), *дружелюбие* (145), *обида* (137), *злечение* (130), *равнодушие* (106), *желание* (95), *одобрение* (91), *жестокость* (89), *удивление* (86), *жалость* (74), *вдохновение* (72), *вера* (70), *уважение* (69), *высокомерие* (68), *наглость* (67), *смелость* (66), *лицемерие* (66), *сомнение* (54), *искренность* (54), *неверие* (54), *интерес* (48), *протест* (48), *надежда* (24).

Эти смыслы являются идентифицирующими для 5959 семем, что составляет 67,7% от общего числа семем, содержащих категориально-эмотивные смыслы.

Обнаруженный перечень исходных эмотивных смыслов пересекается с набором основных эмоций, выявленных в различных психологических исследованиях (Галунов, 1978; Дерябин, 1980; Симонов, 1978; и др.), входит в алфавит эмоций. Так, известный психолог К. Изард включает в мотивационную систему человека 10 фундаментальных эмоций: интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вина (1980, с. 15—52). Девять из них (кроме чувства вины) вошли и в выявленную нами систему исходных эмотивных смыслов.

Как видим, исходные эмотивные смыслы совпадают с номинациями базовых эмоций и с самыми частотными словами из множества эмотивной лексики. Следовательно, они составляют семантическое ядро эмотивной лексики и являются источником порождения базового словника, так как, по утверждению Ю. Н. Караулова, «совпадение семантических множителей с самыми частотными словами и их способность к развертыванию позволяет рассматривать их как источник порождения базового словника русского языка, оптимального лексикона, в котором учтены как частотные, так и семантические критерии» (1981, с. 26). Семантическое развертывание словника на базе 37 исходных эмотивных смыслов дает, по нашим данным, около 6000 лексико-семантических вариантов. Безусловно, этот список не закрыт и может быть продолжен с учетом номинаций, реализующих лексически ограниченные эмотивные смыслы, такие, как *совесть*, *долг*, *корысть*, *лесть*, *неистовство*, *осторожность*, *предубеждение*, *предпочтение*, *предчувствие*, *стыдливость*, *чуткость*, *эгоизм* и др. Ставя цель выявить на данном этапе только базовые, основные номинации чувств, мы могли возможным ограничиться самыми частотными исходными эмотивными смыслами.

Исходные эмотивные смыслы пронизаны антонимическими связями и фактически обозначают крайние полюса одного чувства. В результате этого смыслы группируются, а их список ограничивает: *доброта*—*беспокойство*—*спокойствие*, *неверие*—*вера*, *высокомерие*—*смирение*, *снисходительность*, *горе*—*радость*, *грусть*—*веселье*, *злость*—*доброта*, *одиночество*—*дружелюбие*, *жестокость*—*жалость*, *лицемерие*—*искренность*, *неприязнь*—*любовь*, *равнодушие*—*удивление*, *интерес*, *наглость*—*стыд*, *недовольство*—*удовольствие*, *неодобре-*

ние—одобрение, протест—смирение, страх—смелость. Соотношение положительных и отрицательных номинаций чувств примерно одинаково.

В научной литературе прочно закрепилось мнение об асимметрии в естественном языке между положительной и отрицательной зонами и об общей позитивной ориентации языковой нормы (Вольф, 1985, с. 19—21; Арутюнова, 1988, с. 235). Материал эмотивной лексики показывает паритетные отношения между лексикой добра и зла.

Если учитывать лексическую манифестацию эмотивных смыслов, то можно отметить, что вершину иерархии занимают семантические противопоставления *любовь* (481) — *неприязнь* (417), *радость* (427) — *горе* (481), которые могут быть рассмотрены как компоненты оппозиции *счастье* (любовь, радость) — *несчастье* (горе, неприязнь). Эта семантическая оппозиция имеет глобальный характер, так как, по мнению ученых, «входит в набор основных семантических противопоставлений, имеющих для народов мира универсальный характер и являющихся основой описания модели мира» (Постовалова, 1988, с. 15). Центральность категории счастья в эмоциональной сфере человека никогда не оспаривалась ни психологами, ни философами, хотя само это понятие трактовалось различно (обзор точек зрения см.: Дерябин, 1980; Арутюнова, 1988). Философы интересовались не психологическим содержанием понятия счастья, а главным образом вопросом о путях к счастью.

Именно чувства-антагонисты, как это ни странно, составляют гармоническое равновесие внутреннего мира человека. Душа человека бьется между полюсами любви—ненависти, добра—зла, радости—горя и других чувств. В исканиях эмоциональной истины, равновесия она либо совершенствуется, достигая гармонии, либо погибает от дисгармонии (не случайно говорят: душа разрывается, рвется). Эту неизменность и вечность противоборства чувственных категорий удачно охарактеризовал В. Гумбольдт: «На весах истории старые противопоставления... со временем уступят место новым. Но как бы ни менялось содержание противоборствующих категорий, извечно присущее человеческой душе равновесие любовь—ненависть порождающее сродство — чужеродность, будет неизменно существовать» (1985, с. 102). Английский писатель Ричард Хьюз категорично утверждал, что для личности, испытывающей чувства одной тональности и ограничившей себя рамками своего микроскопического внутреннего «я», «двери дома умалишенных распахнуты настезь» и, по его мнению, «для личности, наделенной здравым рассудком, возникает множество противоположных эмоциональных зарядов — электрический заслон огромной мощи...» (1987, с. 101—102).

Вероятно, и следующие в списке эмотивные смыслы (*грусть*, *доброта*, *злость*, *страх*, *стыд* и т. д.) можно также отнести к разряду универсальных, учитывая их широкую лексическую представлен-

ность как в русском языке, так и в других языках. Размышляя о возможности отнесения чувственных категорий к разряду универсальных, И. Гуревич отмечает: «Называя основные концептуальные и чувственные категории универсальными, мы имеем в виду лишь то обстоятельство, что они присущи человеку на любом этапе его истории, — но по своему содержанию они изменчивы» (1982, с. 17). Если перевести эти рассуждения с языка философии на язык лингвистики, то можно утверждать, что эмотивные смыслы, отображающие основные человеческие эмоции, — универсальны, а их лексическая манифестация, с разной степенью глубины и в различных аспектах конкретизирующая их, имеет национальную специфику. Таким образом, все множество эмотивной лексики передает национальную картину чувств, а их группировка по исходным эмотивным смыслам — универсальную картину чувств.

Та иерархия эмотивных смыслов, которая обнаружилась в результате компонентного анализа русской эмотивной лексики, отражает, видимо, наиболее устойчивые представления русского человека о системе чувств. Лексика, содержащая эти смыслы, составляет ядро эмотивной лексики. Если говорить об отдельной языковой личности, можно предположить, что для нее система ценностей будет варьировать (Караулов, 1987, с. 37) и на первом месте по значимости могут оказаться различные чувства в зависимости от личных приоритетов: спокойствие, удовольствие, наслаждение и др. Это объясняется как своеобразием психического склада индивида, обусловленного и воспитанием, и уровнем образования, и генотипом, так и относительностью самих эмотивных характеристик.

Таким образом, те исходные эмотивные смыслы, которые, по нашим наблюдениям, относятся к разряду универсальных, и составляют основной каркас психического склада личности. Этот каркас наращивается плотью за счет множества детализированных эмотивных номинаций. Представления человека о многоликости и многообразии эмотивных нюансов отображаются в лексическом значении слова во внутренней лексической конкретизации за счет различных дифференциальных признаков, уточняющих категориально-лексическую сему, в том числе и ассоциативно-образных.

Большая часть эмотивной лексики — слова содержательно богатые. Идентифицирующий семный предикат второй степени передает сущность эмоции, а уточняющие его дифференциальные семантические признаки определяют ее качества, свойства. И только вместе, в различных комбинациях, они передают все многообразие эмоций (серд, например, обозначение грусти словами *грусть*, *депрессия*, *кручина*, *меланхолия*, *пасмурно*, *трак*).

В научной литературе последних лет есть попытки описать набор дифференциальных сем, типичных для эмотивной лексики. Чаще всего в основу методики их выделения кладутся факты медицинской или психологической науки в области высшей нервной деятель-

ности и затем объективные признаки эмоций переносятся на язык, в частности, на семную структуру эмотивных слов (экстралингвистический подход) (Другова, 1984, с. 22; Лысенко, 1969, с. 73). Правда, есть и образцы описания семной организации лексики этого рода на лингвистической основе (Иорданская, 1970; Квасюк, 1983; Рас-топчинская, 1973; Ротова, 1985; Шапилова, 1974; Шахова, 1980). Обычно при этом объектом исследования являются небольшие группы слов, передающие чувства одной тональности: лексика любви и увлеченности, лексика страха, глаголы смеха и др. При таком подходе небольшой объем материала позволяет тщательно исследовать семную структуру каждой семемы и выявить на этой основе набор семантических компонентов, свойственных изучаемой микросистеме. К сожалению, в таком плане исследованы небольшие участки эмотивной лексики, поэтому пока нет возможности опираться только на имеющиеся результаты и обобщать их. Преследуя цель выявить семантический комплекс типичных дифференциальных признаков, регулярно уточняющих категориально-лексическую сему эмотивности, и избирая объектом исследования эмотивную лексику в полном ее объеме, мы опираемся на результаты наблюдений других лингвистов, на данные психологической науки и на собственный дефиниционный анализ эмотивов-номинативов.

По нашим наблюдениям, этот семантический комплекс составляют дифференциальные признаки, уточняющие КЛСЭ прежде всего в следующих аспектах: оценка, направленность, обусловленность, активность, осознаваемость, степень, длительность, внешняя выраженность, образность (табл. 1).

Таблица 1

Аспекты конкретизации	Дифференциальная сема	Лексические примеры
Оценка	Положительная Отрицательная	Альтруизм, милосердие, вера Бездушие, угрюмость, злоба
Направленность	Направленность Ненаправленность	Беспокоить / беспокоить, жалеть Спокойствие, печаль, тосковать
Обусловленность	Обусловленность Необусловленность	Азарт, раскаиваться, сострадание Грусть, неприязнь, апатия
Активность	Активность Пассивность	Тираниить, влюбить, мучить Горевать, скучать ₂ , одиночество
Осознаваемость	Осознаваемость (контролируемость) Импульсивность (неконтролируемость)	Беречь _{перен.} , беречь ₃ , скепсис Беситься ₂ , очароваться / очаровываться, влопаться ₃
Степень	Неинтенсивность Интенсивность	Горюшко, досада, влюбленность Горе, гнев, желание

Аспекты конкретизации	Дифференциальная сема	Лексические примеры
Время	Высокоинтенсивность	Страдание, бешенство ₂ , пламень ₂
	Краткость Длительность	Умилить / умилять Злобствовать, привадить / приваживать ₂ , улещивать
Внешняя выраженность	Выраженность Невыраженность	Аплодировать, рыдать, оживление ₂ Надежда, чаяние, слабодушие
Образность	Безобразность Образность	Презирать, заботиться, влюбиться Камень ₄ , надлом ₃ , кипятиться ₃

Итак, семантическая модель эмотивной семемы, выражающей категориально-эмотивные смыслы, выглядит следующим образом:

$$\text{КСК}^1 \text{ — Денотация — КЛСЭ — ДС}^2$$

Если конкретизировать позиции левого и правого партнеров КЛСЭ и указать типовые потенциальные варианты их семной манифестации, то схема будет выглядеть следующим образом:

КСК	Денотация	ДС
Состояние	КЛСЭ (ИЭ ₁ + ИЭ ₂)	Оценка
Отношение		Направленность
Деятельность		Обусловленность
Воздействие		Активность
Признак		Осознаваемость
Качество		Степень
Лицо		Время
Предмет	Внешняя выраженность	
		Образность

Набор этих сем в каждом отдельном слове строго индивидуален, так как КЛСЭ обладает широкими возможностями сочетаемости с различными лексико-грамматическими и дифференциальными семемами во внутрисемном контексте.

¹ КСК — категориально-семантический компонент (суперклассификатор).

² ДС_x — дифференциальные семы; здесь и далее x — потенциальные, возможные из набора семы.

Дифференциально-эмотивные смыслы

Эмотивные смыслы могут быть представлены в лексической семантике как дополнительные, при этом они в статусе дифференциальных сем уточняют содержательно различные категориально-лексические семы (КЛС_x). Например, *откровение₄ 'откровенно о е признание, сообщение'* (КЛС «сообщение»); *курьез 'забавный... смешной случай, происшествие'* (КЛС «событие»).

По нашим данным, дифференциально-эмотивная лексика составляет около 13% (1368 семем) от всей эмотивной лексики, зафиксированной словарем. Дифференциально-эмотивные смыслы подаются в словарной дефиниции разнообразными грамматическими формами, например: *увиваться 'угождать, заискивая, добиваться чьего-л. расположения'*; *балагурить 'говорить весело, забавно, пересылая речь шутками, остротами'*; *попирать 'топтать кого-, что-л., наступать на кого-, что-л. (обычно с презрением)'*; *торчать₃ 'присутствовать, находиться где-л. (о присутствии неуместном, нежелательном)'*; *увеселение₂ 'развлечение или зрелище, которое доставляет удовольствие'*.

Как видим, эти смыслы манифестируются не только предложно-падежными формами существительных, прилагательных, но и наречиями, деепричастиями, они могут быть вынесены в скобки, представлены отдельным предложением.

Самые разнообразные чувства передаются дифференциальной семой, хотя набор эмоций в целом ограничен исходными эмотивными смыслами. Наиболее частотные в их ряду: *злота, враждебность, азарт, забота*.

Принято считать, что дифференциальные семы характеризуют отдельные стороны предмета номинации в различных аспектах: субъектно-объектном, собственно определительном, обстоятельственном (временном, пространственном и т. д.).

Дифференциальная сема эмотивности (ДСЭ) принципиально отличается от других представителей этого класса сем: она содержит такого рода информацию, которую призвана обозначать, отражать категориально-лексическая сема. По своему содержанию, по денотативной соотношенности (обозначение чувства), — это предикатная сема, что легко доказывается трансформациями словарных дефиниций. (Например, *попирать 'топтать кого-, что-л., наступать на кого-, что-л. (обычно с презрением)'* → *'топтать кого-, что-л., наступать на кого-, что-л. и испытывать при этом презрение'*). По позиции в семной структуре слова и по функции — это дифференциальная сема, зависимая от какой-либо категориально-лексической семы и уточняющая ее в различных семантических параметрах (определительном, объектном и др.; см. примеры выше). Таким образом, наблюдается совмещение, наложение денотативно-

предикативного и функционально-позиционного смыслов, например: *балагурить 'говорить весело, забавно...'* (КЛС «говорение» + ДСЭ), где ДСЭ выражает сложный смысл: во-первых, обозначает определенное эмоциональное состояние (веселье, забава) — денотативно-предикативный смысл; во-вторых, занимая зависимую от КЛС позицию, выражает определенное синтаксическое значение (обстоятельно характеризирующее) — позиционно-функциональный смысл. Таким образом, это особая, синкретичная по природе сема, занимающая зону переходности между идентифицирующим предикатом (КЛС) и собственно дифференциальными семами. Фактически это скрытая, включенная предикатная сема, существующая в слове в статусе дифференциальной семы.

Дифференциальные семы эмотивности легко приспособляются к системе имеющихся дифференциальных сем и принимают флик любой из них, совмещая эмотивные значения с типовыми конкретизирующими значениями времени, причины и др. (табл. 2).

Таблица 2

Статус семы	Часть речи			Всего
	Глагол	Существительное	Прилагательное	
Эмотивно-субъектная	151 (94)*	7	3	161 (13)
Объектная	227 (90)	32 (8)	5 (2)	264 (21)
Определительная	326 (70)	136 (28)	18 (2)	480 (38)
Причинная	180 (79)	37 (26)	11 (5)	228 (19)
Результативно-следственная	3	1	1	5 (0,5)
Цели	41 (67)	15 (24)	8 (9)	61 (5)
Места	17 (56)	11 (37)	2	30 (2,5)
Времени	9 (75)	3 (25)	—	12 (1)
<i>Всего</i>	954 (77)	242 (19)	45 (4)	1241

* Здесь и далее в скобках указаны проценты.

Как показывает таблица, этот вид сем в большей степени характерен для семной структуры глаголов (77%) и в меньшей — для существительных (19%) и прилагательных (4%). Это, вероятно, обусловлено тем, что большую часть признаков пропозитивной лексики русского языка составляет глагольная лексика, которая допускает конкретизацию в самых разных аспектах: субъектном, объектном, обстоятельственном.

Если учитывать семантические разновидности дифференциально-эмотивных сем, а также частотность содержащей их лексики, то иерархию этих сем можно представить следующим образом:

1. Эмотивно-определяющая ДС (38%).
2. Эмотивно-объектная ДС (21%).
3. Эмотивно-причинная ДС (19%).
4. Эмотивно-субъектная ДС (13%).
5. Эмотивно-целевая ДС (5%).
6. Эмотивно-локальная ДС (2,5%).
7. Эмотивно-темпоральная ДС (1%).
8. Эмотивно-результативно-следственная ДС (0,5%).

Основу дифференциально-эмотивной лексики (91%) составляют слова, содержащие эмотивно-определяющие, эмотивно-объектные, эмотивно-причинные и эмотивно-субъектные смыслы.

Дифференциальные эмотивно-определяющие смыслы

Они содержатся в 480 словах (38% от всей дифференциально-эмотивной лексики), из них 326 (70%) — глаголы, 136 (28%) — существительные, 18 (2%) — прилагательные.

В словарной дефиниции подаются обычно в формах наречия и различных предложно-падежных именных сочетаний исходной эмотивно-номинативной лексики: *злословие 'злая оценка, суждение'; бранить 'обидными, резкими словами порицать, укорять; ругать'; выпестовать 'заботливо, любовью вырастить, вынуждать'*.

Анализ внутрисемантической синтагматики обнаруживает разную смысловую соотносительность КЛС_х и ДСЭ, в связи с чем реализуются и различные частные определяющие значения.

Собственно определяющие значения обычно включены в содержание слов, имеющих категориально-грамматическую сему предметности: *допрос 'настойчивое расспрашивание'; гимн₂перен 'восторженная хвала, славословие'; вылазка₂перен 'враждебное выступление против кого-л.'* Эти значения манифестируются в словарной дефиниции обычно формами прилагательных.

Определяюще-обстоятельные значения представлены двумя разновидностями:

— Значения образа действия. Присутствуют в словах, содержащих категориально-грамматическую сему действия: *зажаривать₂ 'делать что-л. ... с азартом'; дудеть₂перен 'надоедливо... повторять одно и то же'*. Манифестируются в словарной дефиниции наречиями и предложно-падежными формами существительных.

— Значения способа действия. Также присутствуют преимущественно в глагольной лексике. Например: *выстрадать₂ 'достичь, получив страданиями'; выплакать₂ 'выпросить или добиться чего-л. плачем, жалобными просьбами'; выходить₂ 'заботливым*

уходом вырастить'. Проводником этих смыслов в семной структуре слова являются формы творительного падежа существительных с орудийным значением.

Анализ внутреннего синтаксиса дифференциально-эмотивной лексики и, в частности, семантический анализ КЛС_х, регулярно уточняемой ДСЭ, позволил выявить основные внутренние семантические модели этих слов, что, в свою очередь, дало возможность обнаружить, какие факты действительности тесно связаны с эмоциональной жизнью человека.

Основные модели сочетаний КЛС_х+ДСЭ_{опр}

КЛС «говорение»+ДСЭ_{опр}. По этой модели организована внутренняя структура большей части дифференциально-эмотивной лексики (25%). Чаще всего сам речевой процесс в целом получает эмоциональную характеристику типа *ворковать 'мягко, нежно говорить'*. При этом прорываются в речь самые разные чувства: возбуждение (*вскричать*), настойчивость (*звать / зывать, приступить / приступать*), откровенность (*исповедоваться*), волнение (*кудахтать*), скука, надоедливость (*дудеть, долдонить, жужжать, лезть, ныть, попрошайничать*), одобрение (*одобрить / одобрять, хвалить*), торжество (*провозгласить / провозгласить, возгласить / возгласить*), нежность (*проворковать, промурлыкать*), жалость (*пронять, отмолить / отмаливать*), пренебрежение (*процедить / процеживать*), радость (*балагурить*), нежелание (*выцедить / цедить, выдавить / выдавливать*). Но больше всего в речевой деятельности человека проявляются негативные чувства: злость, недоброжелательность, язвительность (*бранить/выбранить, злословить, изрыгать/изрыгнуть, костить, крестить, напасть/нападать* и др.).

Е. М. Вольф, исследуя прагматический потенциал подобных глаголов, относит их к разряду глаголов интерпретации, описывающих «не само действие, а лишь иллокутивную цель или перлокутивный эффект» (1985, с. 178). В связи с этим она усматривает в их семантике основные части: «описание эмоционального состояния говорящего и/или описание характера иллокутивных сил» (1985, с. 196). Если учитывать иллокутивный потенциал семантики глаголов этого рода, можно говорить о трех основных компонентах их лексического значения: указание на речевой процесс, описание эмоционального состояния говорящего, иллокутивная программа.

Кроме того, специальную эмоциональную характеристику может получать составной компонент речевой деятельности, его продукт — содержание речи, например: *мольба 'страстная просьба'; карканье₂ 'зловещее, мрачное предсказание'*. И, наконец, внешняя сторона речевого процесса также может эмоционально заряжаться, например: *слезливый₃ 'жалобный, плачущий (о голосе, тоне)'* (см. также *нота₄, пышный₄, сладкозвучный*).

КЛС «поведение»+ДСЭ_{опр}. Здесь также выражаются разнообразные чувства, но есть и определенные устойчивые партнеры. Так, чаще всего КЛС поведения («вести себя») уточняется дифференциальной определительной семой, обозначающей угодничество (*лесть, увиваться₂, прихлебательство, егозить*), симпатию (*волочиться / проволочиться₂, приударить / приударять₃, поухаживать, ловеласничать*), презрение (*попирать, неучтивость, чваниться*), задор (*петушиться*), нахальство (*охальничать, нахальничать, хозяйничать₄*), скуку (*навязчивый, навязчивость*), снисходительность (*либеральничать*).

КЛС «поступок»+ДСЭ_{опр}. Слова типа *каверза 'коварная, злая шалость, проделка'*. В этой группе слов обычно выражаются негативные чувства — злоба, жестокость: *зверствовать, тиранство, скотство, проказа, продерзость, предательство₂, пакость, оглядываться₃, неблагопристойность, выпад, вылазка, зверство, измываться, облупить₂*.

КЛС «воспитание»+ДСЭ_{опр}. Все слова, содержащиеся в основе это сочетание сем, пронизаны, наоборот, положительным светом. Они указывают, как правило, на чувство любви, заботы: *пестовать, обиходить / обихаживать, нежничать, провозиться, избаловать / избаловывать, выпестовать, выхолить, взлелеять, холить*.

КЛС «конкретная физическая деятельность»+ДСЭ_{опр}. Большинство слов этой группы указывает на эмоциональную заряженность (обычно это азарт, страстность, увлеченность) каких-либо действий: *священнодействовать_{2перен}, священнодействие_{2перен}, потуги_{2перен}, отличиться/отличаться, наяривать, заяривать, заладить, зажаривать₂, гвоздить₂, смаковать_{2перен}, шпарить₃, чесать₄* и др. Указание на неопределенность действия содержится в самом слове (см. словарные дефиниции: *зажаривать₂ 'делать что-л. усиленно, быстро, с азартом'*; *удариться/ударяться₃, с увлечением предаться чему-л'*).

Меньшая часть слов обозначает определенную деятельность: *резаться₄, расписаться₃, распеться, смаковать* и др. (см.: *отплясывать₂ 'плясать с увлечением, жаром'*).

КЛС «жест»+ДСЭ_{опр}. Здесь выделяется три группы слов в зависимости от разновидности, характера жеста. Во-первых, это слова, передающие мимику, типа *кривиться / скривиться₂, кривить / скривить, искривить, мутиться₂, отплевываться₂*. Во-вторых, слова, которые обозначают телодвижения человека, типа *приосаниться / приосаниваться, прильнуть / льнуть* (см.: *льнуть / прильнуть 'нежно прижаться, прикинуть к кому-л.'*). В-третьих, слова, изображающие процесс зрительного восприятия: *плять/расплять₂, пучиться₂, облизываться_{перен}* (*облизываться_{перен} 'смотреть на кого-, что-л., с вожделением, заранее испытывать удовольствие при мысли о возможности получения чего-л.'*).

КЛС «достижение»+ДСЭ_{опр}. Лексика этого рода обозначает целенаправленную деятельность человека по достижению чего-либо: *искательство, подольститься / подольщаться, заигрывать₂, выпросить / выпрашивать, вымолить / вымалывать, вымучить / вымучивать, выходить₂*. При этом чаще всего в слове содержится указание на неопределенную цель — что-либо: *выплакать₂ 'выпросить или добиться чего-л. плачем' выстрадать₂ 'достичь, получить что-л. страданиями'*.

КЛС «движение»+ДСЭ_{опр}. Это небольшой круг слов, передающих одновременно движение и эмоции человека, типа *мястись₃, быстро и беспорядочно двигаться в смятении, страхе'*. Обозначаемое движение обычно ненаправленное: *резвиться, мельтешить, возня*.

КЛС «мышление»+ДСЭ_{опр}. Таких слов, нерасчлененно передающих эмоциональную и интеллектуальную деятельность человека, также немного в русском языке: *домогательство, казни, требовать / потребовать, рефлексия, копаться_{перен}, вчувствоваться*. (См., например *живания'*; *козни 'тайные, злые, коварные умыслы'*).

КЛС «существование»+ДСЭ_{опр}. Слова, реализующие подобную модель смысла (типа *процветать₂, торчать₃, прохлаждаться₂*), обычно обозначают жизнь человека, сопряженную с определенными доминирующими в этой жизни эмоциями, например: *идиллия₂ 'мирное, безмятежно-осчастливое, ничем не омраченное существование', прозябание₂ 'малосодержательная, унылая, безрадостная жизнь'*.

КЛС «место»+ДСЭ_{опр}. Слова этого рода обозначают место, в котором человек испытывает определенные, связанные с этим местом эмоции: *юдоль 'место, где страдают, мучаются'; элизиум₂ 'место блаженства, рай', храм_{2перен} 'место, внушающее по каким-л. причинам чувство глубокого почтения, благоговения'*.

КЛС «эмоция»+ДСЭ_{опр}. Слова обозначают сложное эмоциональное состояние, состоящее из двух эмотивных микроситуаций, одна из которых является средством, способом осуществления другой: *привадить / приваживать₂ 'лаской, внимательным отношением привлечь, расположить к себе; подольститься / подольщаться 'лестью добиться чьего-л. расположения, благосклонности'*. Таких слов немного.

КЛС «жанр художественного произведения»+ДСЭ_{опр}. Большой ряд слов типа *туш, серенада, реприза (реприз)₂, прозаизм₂, побасенок, пасквиль, пантомима, панегирик, осанна, ода, юмореска, элегия, фарс*. Чаще всего это обозначения различных жанров литературных произведений: *ода 'стихотворение в торжественном,*

приподнятом тоне в честь какого-л. значительного события или лица'; панегирик_{перен} 'в о с т о р ж е н н о - х в а л е б н ы й отзыв о ком-, чем-л.'

Таким образом, можно отметить большое разнообразие лексики, включающей дифференциально-эмотивную сему определительного аспекта. Но при этом обнаруживается ясно одна тенденция: данная лексика прежде всего изображает человека в разных его ипостасях — внутренний мир, внешнее поведение, деятельность.

Дифференциальные эмотивно-субъектные смыслы

Эти смыслы свойственны прежде всего глагольной лексике (94%) (ср.: существительные — 4,2%, прилагательные — 2%).

Дифференциальная эмотивно-субъектная сема обладает специализированной формой отражения в словарной дефиниции: она подается сочетанием «о+имя эмоций в предл. падеже», которое всегда заключается в скобки, например: *перехлестнуть / перехлестывать*² 'проявиться с огромной силой, найти себе выход (о чувствах)'. Разница обнаруживается только в степени конкретности обозначаемых эмоций. Здесь выявляются следующие тенденции.

Во-первых, большую часть составляют словарные дефиниции, указывающие на эмоции лишь в самом общем виде, например: *обуять 'охватить, овладеть с неудержимой силой (о чувствах, состоянии)'; перегореть / перегорать*₄ 'со временем притупиться, перестать ощущаться (о чувствах, переживаниях и т. п.)'. Зачастую наблюдается столкновение в одной семеме двух субъектных обобщенных сем, связанных с отражением эмоциональной и интеллектуальной деятельности, например: *владеть*₂ 'подчинить себе, охватить (о мыслях, чувствах)'. Эту особенность субъектных сем отметила в своем исследовании, посвященном специальному изучению субъектно-неодушевленного класса глаголов, О. А. Михайлова (1985, с. 7).

Во-вторых, имеется аналитическое обозначение неопределенного чувства с указанием на его общую тональность с помощью оценочно характеризующих прилагательных, уточняющих обобщенную номинацию эмоций: *накисеть / накопаться*₂ 'скопиться, собраться (о каких-л. неприятных чувствах, тяжелых переживаниях)'; *сжечь / сжигать* 'погубить (о сильном чувстве, страсти)'; *тянуться* 'продолжаться, длиться (обычно о чем-л. слишком длинном или томительном, тягостном, скучном)'.
В-третьих, имеется конкретное обозначение определенных чувств:

*неразделенный*₂ 'не получивший отклика (о любви, страсти и т. п.)'; *вскипеть / вскипаться*₂ 'нарастая, развиваясь, дойти до крайнего предела (о чувстве гнева, негодования и т. п.)'. В этой группе слов чаще всего встречаются указания на негативные эмоции (*пережиться / переживаться, рецидив, накопиться / накопиться*₂, *клеймо*₃ и др.).

В-четвертых, субъектно-эмотивная сема может представлять собой указание на органы, с которыми связаны проявления чувств, эмоций. Ключевыми и частотными здесь являются слова *сердце, глаза*, например: *встрепенуться* 'забиться быстрее под влиянием какого-л. чувства (о сердце)'; *обмереть / обмирать* 'стесниться на мгновение, как бы остановиться, замереть (о сердце)'; *сверкать*₄ 'ярко блестеть при сильном возбуждении, чувстве и т. п. (о глазах)'.
В-пятых, в словарной дефиниции в скобках может содержаться обозначение типичных внешних проявлений эмоций, например: *застывший*₅ 'остновившийся, замерзший (о выражении лица, взгляде, улыбке и т. п.)'. Чаще всего встречаем указание на улыбку (см.: *сползти / сползаться*₂, *змеиться*₂, *скользнуть / скользнуть*₂, *сбежать / сбежаться*₂ и др.) и на слезы (см.: *навернуться / навертываться*₃, *набежать / набегать* и др.).

Кроме того, встречаются и случаи комплексного наименования субъектно-эмотивной семы: *соскользнуть / соскальзывать*₂ 'сразу и бесследно пройти, исчезнуть (о каком-л. состоянии, чувстве, улыбке и т. п.)'.
Итак, определенность эмотивно-субъектной семы в содержательном плане может проявляться в разной степени: может быть лишь намечена в общих чертах (обобщенные номинации), может быть конкретизирована. Причем во внутреннем синтаксисе доминирует первый способ передачи идеи чувствования — обобщенной субъектной семой.

В составе субъектно-эмотивного класса слов представлены разного рода словесные знаки. Меньше всего среди них слов с производным значением (6%) типа *пережиться / переживаться* 'утратить со временем всю остроту (о горе, беде, о чем-л. тяжелом, неприятном)'; *изобразиться / изображаться* 'выразиться, обнаружиться (о чувствах)'. Более значительную группу составляет лексика с номинативно-производным значением (28%) типа *распираться*₂ 'наполнять, стремясь излиться, найти выход (о каком-л. чувстве, желани и т. п.)'; *спать*₂ 'не проявлять себя (о чувстве, уме и т. п.)'. Но преобладает в этом классе слов лексика с метафорически-производным значением (66%) типа *погаснуть*₂ 'исчезнуть, замолкнуть (о чувствах, мыслях)'; *посетить / посещать*₂ 'внезапно появиться у кого-, чего-л. (о каком-л. состоянии, чувстве, мысли)'; *перегореть / перегорать*₄ 'со

временем притупиться, перестать ощущаться (о чувствах, переживаниях и т. п.)'. Подобное соотношение отражает общую тенденцию развития лексики с включенной семьей специализированного субъекта, проявляющуюся в преобладании лексики во вторичных значениях (Михайлова, 1985, с. 7).

Основные модели сочетаний КЛС_x+ДСЭ_{суб}

КЛС «исчезновение»+ДСЭ_{суб}. Эта самая характерная модель смысла представлена достаточно активно: *перегореть / перегорать*₄, *обмереть / обмирать*₂, *сползти / сползть*₂, *сбежать / сбежать*₂, *пережить / переживаться* и многие другие. В основном подобные номинации передают в общем виде идею исчезновения эмоций — слова типа *гаснуть / погаснуть, угаснуть*₂ 'ослабевать, исчезать (о чувствах)'. Единичны конкретизированные номинации типа *соскочить / соскакать*₂ 'быстро, сразу исчезнуть (о каком-л. чувстве, состоянии)', см. также: *сползти / сползть, соскользнуть / соскальзывать*.

КЛС «возникновение»+ДСЭ_{суб}. Реализация этой смысловой модели также способствует изображению процесса существования эмоций, но уже в противоположном ключе — в момент их возникновения, например: *нахлынуть*_{перен} 'возникнуть, появиться во множестве (о мыслях, чувствах и т. п.)' (см.: *затеplиться, сойти / сходить*₂, *посетить / посещать*₂, *набегать / набегать, навернуться / наверхиваться*₃). В отличие от антонимичного ей субъектно-эмотивного класса лексика этой группы, как правило, отмечена конкретностью семантики и обозначает процесс возникновения эмоций в различных аспектах его протекания: неожиданность, мгновенность (*блеснуть*₂, *посетить/посещать*₂), краткость (*пройти/проходить*₃), повторяемость (*вернуться*), слабую степень проявления (*затеplиться, прокрасться / прокрадываться, закрасться / закрадываться*), множественность (*нахлынуть*) и др.

КЛС «обнаружение»+ДСЭ_{суб}. Сюда относятся слова типа: *проблеск*₂, *клеймо*₃, *объявиться/объявляться, огонек*₂ и др. Одни из них являются обобщенными номинациями, например: *изобразить/изображаться* 'выразиться, обнаружиться (о чувствах)' (см.: *проснуться / просыпаться*₂, *объявиться / объявляться, просвечивать*₃, *пробиться / пробиваться, сказать / сказываться*). Другие обозначают обнаружение эмоций более конкретно: в их интенсивности (*клокотать*₄, *кипеть*₄, *сверкать*₄, *бушевать, подвалить / подваливать*₂, *прорваться / прорываться*₃, *перехлестнуть / перехлестывать*), слабой степени проявления (*тлеть*₂), неожиданности (*вырваться / вырываться*₂).

КЛС «необнаружение»+ДСЭ_{суб}. Эта смысловая модель приспособлена для изображения глубоко скрывааемых, тайных чувств, не проявляющихся внешне: *спать*₂ 'не проявлять себя (о чувствах

вах...)' (см.: *таить / утаить, замолкнуть / замолкать, молкнуть*₃, *исчезнуть / исчезать, затаить / затаивать*₂, *замолчать*₂). Направленность чувств вовнутрь, их сосредоточенность в субъекте манифестируется дифференциальной локальной семьей («в душе», «в сердце»): *таить / утаить* 'хранить в себе, в своей душе, не обнаруживать перед другими, скрывая от других (чувства, мысли)'; *затаить / затаивать*₂ 'не обнаружив перед другими, скрыв от других, сохранить в себе, в душе (какое-л. чувство, мысль)'. Обычно ДСЭ_{суб} уточняет категориально-лексическую сему «овладеть, охватить кого-либо», например: *найти / находить*₄ 'овладеть кем-л., охватить кого-л. (о каком-л. чувстве, состоянии)' (см.: *навалиться / наваливаться, залить / заливать, владеть*₂, *сообщиться / сообщаться*). Некоторые семемы из этого ряда содержат, кроме того, указание на общую интенсивность процесса овладения эмоциями: *обуть*₁ 'охватить, овладеть с неудержимой силой (о чувстве, состоянии)'; *раздирать*₃ 'с силой охватывать, вызывая нравственные мучения (о чувстве, состоянии)' (см. также: *переполнить / переполнять, пробраться / пробираться*).

В ряде случаев имеет место обозначение более конкретной ситуации эмоционального воздействия на человека: *теснить*₅ 'сжимать, сдавливать горло, грудь, перехватывая дыхание (о боли, слезах, сильном чувстве)'; *точить*₅ 'мучить, изводить неотступно, не переставая (о чувствах)'; *глодать*₂, 'мучить, терзать (о чувствах)'. КЛС «движение»+ДСЭ_{суб}. Эта небольшая группа слов обращает на себя внимание качественным разнообразием: здесь есть глаголы субъектного перемещения (*перебежать / перебежать*₂), объектного перемещения (*переключить*₂), направленного перемещения (*влиться, преследовать*₂), ненаправленного перемещения (*змеиться*₂), ориентированного движения (*перебежать / перебежать*₂, *скользить / скользнуть*₂), начала движения (*встрепенуться*), конца движения (*застывший*₅). В результате подобного сочетания сем передается прежде всего динамика эмоций.

КЛС «движение»+ДСЭ_{суб}. Эта небольшая группа слов обращает на себя внимание качественным разнообразием: здесь есть глаголы субъектного перемещения (*перебежать / перебежать*₂), объектного перемещения (*переключить*₂), направленного перемещения (*влиться, преследовать*₂), ненаправленного перемещения (*змеиться*₂), ориентированного движения (*перебежать / перебежать*₂, *скользить / скользнуть*₂), начала движения (*встрепенуться*), конца движения (*застывший*₅). В результате подобного сочетания сем передается прежде всего динамика эмоций.

КЛС «движение»+ДСЭ_{суб}. Эта небольшая группа слов обращает на себя внимание качественным разнообразием: здесь есть глаголы субъектного перемещения (*перебежать / перебежать*₂), объектного перемещения (*переключить*₂), направленного перемещения (*влиться, преследовать*₂), ненаправленного перемещения (*змеиться*₂), ориентированного движения (*перебежать / перебежать*₂, *скользить / скользнуть*₂), начала движения (*встрепенуться*), конца движения (*застывший*₅). В результате подобного сочетания сем передается прежде всего динамика эмоций.

Наряду с регулярными связями субъектно-эмотивной семы анализ внутрисемной синтагматики обнаруживает наличие нерегулярных, менее лексически представленных моделей сочетаемости. Среди них сочетания со следующими КЛС: с КЛС «существование в определенном месте»: *гнездиться*₃, *притаиться / притаиваться, теснить*₅; КЛС «скопление»: *наплыв*₃, *копить / накопить, накипеть / накипать*₂; КЛС «сохранение»: *пронести / пронести*₁; КЛС «качественный признак»: *неразделенный*₂, *гнетущий*₂, *неглубокий*₂, *огненный*₃ и др.

Следовательно, дифференциальная эмотивно-субъектная семема чаще всего уточняет категориально-лексические семы «возникнове-

ние» (11%), «исчезновение» (32%), «обнаружение» (19%), «необнаружение» (6%), «воздействие» (12%), «движение» (9%). По мнению О. А. Михайловой, исследовавшей глагольную лексику, которая содержит специализированную субъектную сему, все глаголы субъектно-неодушевленного класса обозначают бытийное состояние (1985, с. 10). С этим наблюдением в целом можно согласиться, но с небольшим уточнением. Так, наши материалы, касающиеся эмотивной субъектной семы, показывают, во-первых, что наряду с состоянием могут уточняться и категориальные семы «отношение», «действие», «воздействие» и др. Во-вторых, само состояние передается скорее не как бытийное, а как динамическое, в аспектах его возникновения, становления, исчезновения и т. д.

Итак, в семной структуре эмотивно-субъектного класса слов наблюдается переоценка значимости сем: ДСЭ передает основную денотативную информацию (информацию об эмоциях), а категориально-лексическая сема фактически акцентирует аспекты чувств и характер их протекания. По содержанию обе семы предикативны, но по положению в слове КЛС_x действительно выполняет функцию идентифицирующего предиката, а ДСЭ является дополнительным включенным предикатом: *неглубокий₄, не очень сильный, не достигший значительной степени (о чувстве, состоянии и т. п.)*; *перегореть / перегорать со временем притупиться, перестать ощущаться (о чувствах, переживаниях и т. п.)*. Таким образом, по сути это слова полипредикативной семной структуры. Сам класс эмотивно-субъектных слов формируется на основе ДСЭ, которая передает однотипное реальное содержание. Качественное разнообразие связано с разной степенью конкретизации единой семантической идеи — идеи чувствования. Чаще всего таким способом передается динамика эмоции за счет того, что КЛС этих слов отображают различные аспекты процесса протекания чувств: возникновение, исчезновение, движение, обнаружение и др.

Дифференциальные эмотивно-объектные смыслы

Они представлены преимущественно в семной структуре глаголов (90%), минимально — в семной структуре существительных (8%) и прилагательных (2%).

Эмотивно-объектная сема имеет разные формы представления в словарной дефиниции. К специализированной форме можно отнести имена чувств в винительном падеже, указываемые обычно в скобках: *пробудить/пробуждать₃перен 'вызвать к жизни, возбудить (чувство, желание и т. п.)*'; *побороть/бороть₂, преодолеть, превозмочь (какое-л. чувство, состояние и т. п.)*'; *воспалить/воспалять 'возбудить, разжечь (чувства и т. п.)*'. Наряду

этим может использоваться, хотя и значительно реже, творительный падеж имен чувств (см.: *переполниться/переполнятьсяперен 'презмерно наполниться (каким-л. чувством, переживанием и т. п.)*'; родительный падеж (см.: *скандальный₂ 'содержащий изложение, описание чего-л. постыдного, позорящего кого-л.*').

В зависимости от степени конкретности изображаемых эмотивных смыслов различаются следующие разновидности эмотивно-объектных сем. Во-первых, обобщенная эмотивно-объектная сема, ее знаком является слово *чувство: маскировать/замаскироватьперен скрывать, утаивать что-л. (мысли, чувства...)*'.

Во-вторых, неопределенная эмотивно-объектная сема. Сигналами ее являются неопределенные дейктические слова типа *какое-нибудь, какое-либо*, уточняющие имена эмоций: *заряд₃перен 'запас как и х-л. качеств, чувств способностей*'; *воспламениться / воспламениться₂перен 'возбудиться, увлечься (как и м-л. ... чувством и т. п.)*'.

В-третьих, оценочная эмотивно-объектная сема. Имеется два варианта ее описания в словарной дефиниции.

Оценочно-эмотивное значение передается сочетаниями: *что-либо нежелательное (излечить / излечивать, лечитьперен, наскочить / наскочивать₁перен, умудриться/умудряться₂ и др.)*, *что-либо неприятное (пустить/пускать₈, преподнести/преподносить₂перен 'скинуть/скидывать₂₁)*. Например: *глотать/проглотитьперен 'выслушивать без всякого протеста что-л. неприятное, оскорбительное*'.

Оценочно-эмотивное значение передается словами-антонимами *одобрение / неодобрение*, например: *расхвалить / расхваливать очень похвалить, высказать о добрене*'; *забранить 'высказать порицание, неодобрение*'. В связи с этим вычленяются две антонимические группировки эмотивно-объектных слов: 1) слова, содержащие эмотивно-объектную ДС «одобрение»: *льстить, овалция, отблагодарить, перехваливание, перехвалить / перехваливать, приветствовать₂, прославить / прославлять, славить₂, рассыпаться₅*; 2) слова, содержащие эмотивно-объектную ДС «неодобрение»: *выговаривать₂, избранить, излаять, лаять₂, лаяться, накричать, накинуться / накидываться₃, отповедь, отчитать* и др. (всего около 150 слов). Это большая группировка слов, составляющая 62% от всего множества эмотивно-объектной лексики.

В-четвертых, конкретизированная эмотивно-объектная сема. Сигналами ее являются имена конкретных эмоций: *размыкать/размыкивать 'разогнать, рассеять (горе, тоску и т. п.)*'; *обличать/обличить₂ 'сурово осуждая, вскрывать, разоблачать (какое-л. зло, пороки и т. д.)*'.

Самые разные эмоции могут быть обозначены в слове с помощью дифференциальной эмотивно-объектной семы: жалость (*сетовать₂*,

претензия (*плакаться*), стыд (*скандальный₂, распечатать / распечатываться_{2перен}*), доброжелательность (*любезничать*), подозрени (*погрешить / грешить₃*), обида (*обозвать / обзывать₂, напеть / напевать₄*), влечение (*герой₃, желанный₂*) и т. д.

В отличие от эмотивно-субъектного класса слов в эмотивно-объектном классе слов возрастает доля первичных номинаций (108 лексем (47%), из них 96 лексем со значением речи) типа *связвить / напустить / напускаться, разогнать* и др. Поровну представлены слова с номинативно-производным (62 лексемы (26,5%), из них 37 лексемы со значением речи) и метафорически-производным (62 лексемы, из них 18 со значением речи) значениями, например: *побороть / бороться₂* 'преодолеть, превозмочь (какое-л. чувство, состояние и т. п.)'; *воспламениться / воспламеняться_{2перен}* 'возбудиться / увлечься (какой-л. мыслью, чувством и т. п.)'.

Основные модели сочетаний КЛС_x+ДСЭ_{об}

КЛС «говорение»+ДСЭ_{об}. Это самая характерная для эмотивно-объектного класса слов модель смысла. Слова, манифестирующие ее, составляют 78% (180 лексем) от всего множества эмотивно-объектных слов. Например: *одернуть / одергивать_{2перен}* 'подковырнуть / подковыривать_{2перен}', *распечатать / распечатываться_{2перен}* 'раскатать / раскатывать_{6перен}', *пустить / пускать₈, рассыпаться / рассыпаться* и под.

КЛС «воздействие»+ДСЭ_{об}. Второй с учетом частотности разряд слов. В нем представлены преимущественно метафорически-производные значения типа *влиять_{перен}, зажечь_{2, 3перен}, гасить / погасить_{перен}, вселить_{2перен}, пробудить / пробуждать_{перен}*.

КЛС «становление»+ДСЭ_{об}. Данную смысловую модель реализуют 7% лексики. Причем идея становления состояния передается четырьмя вариантами КЛС: 1) КЛС «прийти в состояние» (*переполниться / переполняться*); 2) КЛС «привести в состояние» (*сосредоточить / сосредоточивать*); 3) КЛС «вывести из состояния» — самый частотный вариант: *пробудить / пробуждать_{2перен}, излечить / излечивать, лечить_{перен}, отогнать / отгонять_{перен}*; 4) КЛС «выйти из состояния» (*сбросить / сбрасывать_{2перен}, скинуть / скидывать_{2перен}*).

Две следующие модели лексически малочисленны:

КЛС «чувство»+ДСЭ_{об}. Слова типа *совладать_{перен}, воспламениться / воспламеняться₂, побороть / бороться₂, вложить / вкладывать_{перен}, съесть / съесть, есть_{перен}* и т. д.

КЛС «мыслительная деятельность»+ДСЭ_{об}. Например: *оценить₂, развеяться / развеиваться₂, рефлексировать₂, мечта₃, злопамятный*.

Единичны случаи уточнения дифференциальной эмотивно-об-

ектной семой категориально-лексической семы разрушения *рвать-ся / разорваться, порваться_{4перен}*, восприятия (*проглотить / проглатывать, глотать_{2перен}, покоить₂*), проявления (*крик_{2перен}, наскочить / наскокивать_{3перен}*).

Изображение эмоций специализированной объектной семой позволяет внутрилексическим способом передавать эмоциональную насыщенность речевой деятельности (в случаях уточнения КЛС «говорение») или показывать преобразующее воздействие на эмоции со стороны человека — носителя эмоций или со стороны каких-либо факторов действительности, например: *побороть / бороться₂* 'преодолеть, превозмочь (какое-л. чувство, состояние)'

Дифференциальные эмотивно-причинные смыслы

Всего 228 лексем передают комплексные эмотивно-причинные смыслы. Например: *умаслиться_{2перен}* 'заблестеть от удовольствия, вожделения и т. п. (о глазах)'; *холодок₄, ощущение чего-то озноба* (обычно от волнения, страха, тревоги и т. п.); *сияющий₂* 'блестящий, сверкающий от радости, счастья и т. п. (о глазах)'. В этом множестве слов также встречаются глаголы, существительные и прилагательные, причем значительно преобладают глаголы.

Степень конкретизации обозначаемых эмоций у этих лексем может быть также различной. Как и в предыдущих классах слов, здесь используется указание на эмоцию в самом общем виде. Например: *озариться_{перен}, оживиться, просветлеть под влиянием как о-го-л. чувства*'. Чувство может быть конкретизировано лишь в плане интенсивности его протекания: *столбенеть / остоленеть, гореть_{6перен}, цепенеть / оцепенеть, передернуть / передергивать / долбняк₂, умиление, оцепенелый*. Но чаще других используются конкретные номинации различных чувств в позиции дифференциальной причинной семы: *горя (таять_{2перен}, окаменеть / окаменевать₃), огорчения (подломиться / подламываться₂, подкоситься / подгибываться, обезуметь, обморок), страха (окаменеть / окаменевать₂, обомлеть / обомлевать₂, отнять / отниматься, трусить₂, смятение₂, паника), ужаса (содрогнуться / содрогаться, содрогание₂), страдания (сохнуть / высохнуть₃), огорчения (хохлиться / захохлиться_{2перен}), волнения (сорваться / срываться₇, разгореться / разгораться₃, сглотить / сглатывать₂, сердцебиение, растерянность₂), раскаяния (самобичевание_{2перен}), радости (сиять₃, сияние₃), удивления (поперхнуться, переминаться₂, околеть / околенивать, околеть), удовольствия (умаслиться / умасливать_{2перен}).*

Особо выделяются семемы, словарные дефиниции которых содержат перечисление ряда эмоций, например: *окостенеть / окостеневать*_{перен} 'стать неподвижным, оцепенеть, застыть в каком-л. положении (от смущения, замешательства, напряжения и т. п.)'; *онеметь / онемевать, неметь* 'утратить на время дар речи (от удивления, неожиданности, радости и т. п.)'. Подобные номинационные цепочки лишь намечают круг эмоций, способных быть причиной чего-либо. Причем этот круг эмоций не замкнут и не обладает завершенностью. Таким образом, можно отметить, что подобный способ описания дифференциальной эмотивно-причинной семы не обладает определенностью и, вероятно, ближе к обобщенным номинациям, чем к конкретным.

Разнообразны приемы включения дифференциальной эмотивно-причинной семы в словарную дефиницию. Выделяются два основных способа. Первый из них — использование различных предложно-падежных форм имен эмоций. Реализуется он в следующих моделях:

1) *от*+имя эмоций_{род. п.} Это самый продуктивный способ, он имеет, в свою очередь, два варианта:

а) эмотивное предложно-падежное сочетание заключается в скобки: *обомлеть / обомлевать*₂, *оцепенеть, оторопеть* (от неожиданности, изумления, испуга и т. п.); *окостенеть / окостеневать*_{перен} 'стать неподвижным, оцепенеть, застыть в каком-л. положении (от смущения, замешательства)'; *разгореться/разгораться*₃ 'стать красным, горячим (от возбуждения, волнения)';

б) эмотивное предложно-падежное сочетание является самостоятельным членом предложения — обстоятельством причины: *остолбенелый* 'ставший неподвижным от сильного потрясения, удивления'; *переминаться*₂ 'делать нерешительные, неопределенные телодвижения (переминаться с ноги на ногу) от растерянности, смущения';

2) *по*+имя эмоций_{дат. п.} Редкий способ включения эмотивно-причинной семы, например: *проворонить/проворонивать* 'по невнимательности, недогадливости, рассеянности и т. п. упустить, не использовать что-л., прозевать';

3) *вследствие*+имя эмоций_{род. п.} Например: *обморок* 'внезапная потеря сознания в следствие болезненного состояния, душевного потрясения';

4) *под влиянием*+имя эмоций_{род. п.} Это достаточно регулярный способ описания эмотивно-причинной семы, например: *озариться*_{перен} 'оживиться, просветлеть под влиянием какого-л. чувства'; *оцепенелый* 'пришедший в состояние неподвижности под влиянием какого-л. сильного ощущения, переживания'. Изредка в первой части сочетания встречаем вариант *под воздействием / действием; подступить / подступать*₄ о болез-

ненным ощущении стеснения в сердце (обычно под действием тоски, горя)'.
 Второй способ состоит в использовании причастных оборотов, включающих эмотивную лексику и организуемых опорными словами с причинным значением. Такими опорными словами являются причастия *возбуждаемое* (см.: *умиление* 'нежное, теплое чувство, возбуждаемое чем-л. трогательным'), *вызываемое* (см.: *холод*_{5перен} 'тягостное ощущение пустоты, внутреннее оцепенение, вызываемое каким-л. чувством'), *вызванное* (см.: *паника* 'общее волнение, переполох, вызванное страхом'). Последнее причастие — наиболее характерное (см.: *ответ*₂, *отклик*_{перен} *самобичевание*₂, *сияние*₂, *слеза, смятение*_{1, 2}, *тревога, удар*_{2перен}

Основные модели сочетаний КЛС_x+ДСЭ_{прич}

Все модели этого класса организуются вокруг категориально-лексических сем, обращенных к человеку как особому психофизиологическому феномену, и объединяются в связи с этим в две группировки.

Первая группа включает слова, категориально-лексические семы которых отражают физиологические реакции человека. Эта лексика, обладающая жестовой семантикой, манифестирует различные реакции человека на эмоции-раздражители. Например: *столбняк* 'состояние полной неподвижности, оцепенения от сильного душевного потрясения'. В слове фиксируется ситуация, когда эмоция человека является причиной, а различные физиологические реакции — ее следствием. В результате причинно-следственные отношения передаются в свернутом виде, одной лексической единицей. Эта группа слов достаточно многочисленна (составляет 80% от общего числа слов с причинно-эмотивной семантикой) и реализуется в следующих частных разновидностях моделей.

КЛС «неподвижность тела»+ДСЭ_{прич}. Это самая характерная для эмотивно-причинного класса слов смысловая модель. Например: *цепенеть / оцепенеть* 'под влиянием сильного чувства лишаться на время способности двигаться'. Движение — нормальное состояние человека, проявление его жизнедеятельности, прекращение движения — сигнал неблагополучия, знак беды. Это и отражается в лексической семантике подобных слов, изображающих парализующее влияние на человека переживаний, потрясений и других тяжелых чувств (см.: *омертветь / омертвевать, мертветь; окоченеть / окоченевать, коченеть; окостенеть / окостеневать; обомлеть / обомлевать; окаменеть / окаменевать* и др.).

КЛС «телодвижение»+ДСЭ_{прич}. Сюда входит лексика, обозначающая резкие судорожные движения, чаще всего импульсивные,

непредсказуемые, которые являются следствием какого-либо негативного чувства, например: *содрогание*₂ 'судорожное движение, дрожь (от боли, от вращения, ужаса и т. п.)'; *холодок*₄ 'ощущение легкого озноба (обычно от волнения, страха и т. п.)'.

На эмоции-раздражители человек может реагировать всем телом: *пожиматься* 'слегка съезживаться, сжиматься всем телом (от холода, смущения и т. д.)'; *труситься*₂ 'дрожать, трястись (от холода, испуга и т. п.)'. Реакция на эмоцию может проявляться и в движении отдельных частей человеческого организма, что также отражено и закреплено в лексической семантике: *сглотнуть / сглатывать*₂ 'делать глотательные движения под влиянием волнения, захлебываясь слезами' (см.: *передернуть / передергивать*₂, *хохлиться / нахохлиться*_{2перен}). Чаще всего при этом словарные дефиниции отмечают различные по характеру двигательные реакции ног: *переминаться*₂ 'делать нерешительные, неопределенные телодвижения (переступать с ноги на ногу) от растерянности, смущения и т. п.' (см. также: *подкоситься / подкашиваться, подломиться / подламываться*).

КЛС «изменение физиологического состояния тела»+ДСЭ_{прич}. Обнаруживаются две устойчивые ассоциации. Первая — слабость человеческого тела как следствие пережитых чувств: *упавший*₂ 'ослабевший, слабый (от страха, волнения и т. п.)' (см.: *осоловелый*₂, *упалый, упалой*₃). Вторая — худоба человеческого тела как следствие страданий, горя: *сохнуть / высохнуть*_{3перен} 'худеть (от душевных страданий)'; *таять*_{2перен} 'худеть, чахнуть от болезни, горя'.

КЛС «яркость глаз»+ДСЭ_{прич}. Анализ материала выявил две устойчивые особенности описания глаз, обусловленные отрицательными и положительными эмоциями. Во-первых, категориально-лексическая сема указывает на блеск глаз как на типичное проявление радости, счастья и других светлых чувств: *сияние*₂, 'блеск глаз, радостно-возбужденное выражение лица, вызванное восторгом, счастьем'. Во-вторых, категориальная сема обозначает мутность глаз, отсутствие их блеска, что символизирует влияние негативных эмоций: *отуманиться / отуманиваться, туманиться* 'стать менее ясным под влиянием какого-л. чувства или застлаться слезами'.

Физиологические реакции человека на эмоции-раздражители могут отражаться на лице (см.: *разгореться / разгораться*₃ 'стать красным, горячим (от возбуждения, волнения)'; проявляться в состоянии сердца (см.: *сердцебиение* 'учащенное биение сердца (от волнения)'; *подступить / подступать* 'о болезненном ощущении стеснения в сердце (обычно под воздействием тоски, горя)'). Правда, номинации этого рода менее регулярны.

Вторая группа моделей включает слова, категориально-лексическая семантика которых отражает психические реакции человека на эмоции-раздражители. Эта группа слов значительно меньше первой (20% от общего числа слов с причинно-эмотивной семантикой) и реализуется в следующих структурных вариантах.

КЛС «эмоция-следствие»+ДСЭ_{прич}. Лексика этого рода изображает сложное эмоциональное состояние человека, состоящее из ряда эмоций, связанных причинно-следственными отношениями: *сохнуть / высохнуть*_{3перен} 'страдать от любви к кому-л.' (обозначено сложное состояние любви-страдания, любви-муки). Сочетаться в единство могут различные эмотивные смыслы, при этом эмоцией-причиной чаще выступают чувства страха, ужаса, раскаяния, отвращения, а эмоцией-следствием — потрясение, тоска, страдание и др. (см.: *сгореть*₅, *умиление, отклик*_{2перен}, *самобичевание*_{2перен}, *холод*_{5перен}, *смятение*_{1, 2}). Самая же типичная эмоциональная реакция — волнение: *паника* 'общее волнение, переполох, вызванные страхом'; *тревога* 'сильное душевное волнение, вызываемое чем-л. (обычно опасениями, страхом)'; *смятение*₂ 'сильное волнение, возбуждение, тревога, вызванные борьбой противоположных чувств'; *сгореть*_{6перен} 'испытать глубокое волнение, потрясение от какого-л. сильного чувства'; *содрогаться / содрогнуться* 'приходить в волнение, трепет (от боли, от вращения, ужаса и т. д.)'.

КЛС «прекращение интеллектуальной деятельности»+ДСЭ_{прич}. Стало уже общим суждением отмечать единство рационального и эмоционального. Единство интеллекта и эмоций — реальность, факт действительности, который находит многообразное проявление и в языке. В частности, свидетельство этому — словесные знаки типа *обезуметь* 'утратить способность соображать, стать безумным или как бы безумным (от возбуждения, сильного потрясения и т. п.)'; *обморок* 'внезапная потеря сознания вследствие болезненного состояния, душевного потрясения'; *растерянный*₂ 'утративший способность соображать... от волнения, сильного потрясения'. В подобных номинациях мышление и чувства предстают неравноправными партнерами: в них чувства берут верх над интеллектом.

КЛС «прекращение речевой деятельности»+ДСЭ_{прич}. Эта группа слов близка предыдущей: сильные переживания, потрясения парализуют не только мозг человека, они сказываются и на речевой деятельности, заставляют человека прекратить ее, замолчать: *поперхнуться* 'умолкнуть на полуслове от замешательства, смущения и т. п.'; *онеметь / онемевать, неметь* 'утратить на время

дар речи (от удивления, неожиданной радости и т. п.)'.

Итак, если в лексической семантике эмотивно-объектного класса слов человек предстает властителем чувств, управляет эмоциями, то в лексической семантике эмотивно-причинного класса слов человек оказывается зависимым от эмоций и реагирует на них изменениями в состоянии души и тела.

Дифференциальные эмотивно-целевые смыслы

Класс слов, манифестирующий их, невелик (около 60 лексем), доминируют в нем также глаголы (41 лексемы).

Лексическая семантика этого класса слов отражает такие ситуации, в которых эмоции являются искомым идеалом, к ним стремятся, различными действиями и способами желают добиться их, например: *шалость* 'поступок ради веселья, забавы'; *шик₂*, 'манера, прием используемые с целью щегольнуть, произвести эффект'.

Имеется богатый набор специализированных средств включения этих смыслов в словарные дефиниции.

1. Специальная лексика. К ней относится прежде всего форма творительного падежа существительного *цель* (без предлога и с предлогом с): *кланяться₄* 'подносить подарок кому-л. с целью задобрить, расположить к себе'; *заушательский* 'преднамеренно грубый, оскорбительный, ставящий целью унижить, опорочить кого-л.' Это достаточно регулярный способ описания эмотивно-целевых смыслов.

Значительно реже используется словоформа *в знак*: *аплодировать* 'хлопать в ладоши в знак одобрения или приветствия', *сподобить / сподоблять* 'удостоить чего-л., наделить чем-л. в знак своей милости'.

2. Различные предложно-падежные сочетания:

а) *ради*+имя эмоций_{род. п.} Например: *баловать₂* 'заниматься чем-л. ради удовольствия' / 'совершать, делать что-л. ради озорства, забавы' (см. также: *шалость*, *баловать-ся_{1 2}*, *шутить_{1 3}*);

б) *для*+имя эмоций_{род. п.} Например: *прикрикнуть / прикрикивать* 'крикнуть для устрашения, принуждения'; *побаловать-ся* 'позволить себе что-л. для удовольствия, забавы' (см.: *придраться / придираться*, *развлекательный*, *соблазнительный*);

в) *из*+имя эмоций_{род. п.} Например: *подпевать / подпеть_{2перен}* 'поддерживать кого-л., обычно из желания угодить' (см.: *подпевала_{2перен}*);

г) *в*+имя эмоций_{вин. п.} Например: *кличка* 'прозвище, даваемое человеку в шутку, в насмешку' (см.: *прозвище*);

д) *с*+имя эмоций_{твор. п.} Например: *разлетаться / разлететься₅* 'направиться, явиться куда-л. с необоснованными надеждами, расчетами'.

3. Причастные и деепричастные обороты с семантикой цели. Например: *кокетничать_{2перен}* 'стараясь понравиться, выставляя напоказ как свое достоинство; рисоваться' (см.: *просить / попросить*, *подделаться / подделываться₂*, *футболить_{2перен}*).

4. Придаточные предложения цели с союзом *чтобы*. Например: *прокатить / прокатывать₂* 'проездить кого-л., чтобы развлечь, доставить удовольствие'; *угождение* 'поступок, направленный на то, чтобы вызвать чью-л. благосклонность, сделать приятное кому-л.'.

Обычно эмотивно-целевые смыслы каузативны, лексическая семантика, включающая их, содержит семантический компонент «воздействие». Эмоции специально вызываются, например: *паясничать* 'кривляться, ломаться, грубо шутить с целью вызвать смех'; *подделаться / подделываться₂* 'добиваясь расположения, доверия и т. п., намеренно приспособиться к чьим-л. вкусам, привычкам, прихотям'.

Чаще всего прогнозируется порождение положительных эмоций: удовольствия (*соблазнительный*, *угождение*, *показуха*, *кланяться*, *аплодировать*, *баловать₂*, *баловаться₁*), благосклонности (*подлизывать₂*, *ухаживать_{2, 3}*, *подпевать / подпеть_{2перен}*, *кокетничать_{1, 2}*, *подделываться / подделаться*), радости, веселья (*развлекательный*, *розыгрыш*, *кличка*, *прозвище*, *паясничать*, *баловаться₂*, *шалить*, *шалость*, *шутить_{1, 3}*, *побаловаться₂*), удивления (*шик₂*).

Реже программируются отрицательные эмоции: раздражение (*поддразнивание*, *прикрикнуть / прикрикивать*), обличение (*обличительный*, *придраться / придираться*), унижение (*заушательский*, *заушательство*, *прокатить / прокатывать₂*).

Основные модели сочетаний КЛС_x+ДСЭ_{цел}

Анализ внутренней синтагматики эмотивно-целевой лексики обнаруживает явную ориентацию ее на отражение связей эмоции с социальными действиями и поступками человека. Выявляются три основные смысловые модели:

КЛС «поведение»+ДСЭ_{цел}. Например: *ухаживать₃* 'вести себя угодливо, подобострастно по отношению к кому-л. с целью добиться чего-л.' (см.: *подпевала_{2перен}* 'подлизывать₂, сподобить / сподоблять, придраться / придираться, подпевать / подпеть₂, кокетничать_{2перен} подделаться / подделываться₂, паясничать').

КЛС «поступок»+ДСЭ_{цел.} Например: *шалость* 'поступок ради веселья, забавы'; *угождение* 'поступок, направленный на то, чтобы вызвать чью-л. благосклонность, сделать приятное кому-л.'; *кланяться*₄ 'поднести подарок кому-л. с целью задобрить, расположить к себе' (см.: *внушение*, *напор*₂, *месть*, *розыгрыш*₃, *угождение*, *показуха*, *баловаться*_{1, 2}, *баловать*₂, *прокатить/прокатывать*, *разлететься / разлетаться*₅, *футболить*_{перен.}).

КЛС «речевой процесс»+ДСЭ_{цел.} Например: *прикрикнуть / прикрикивать* 'крикнуть для устрашения, принуждения'; *шутить* 'говорить, делать что-л. ради забавы, потехи'; *развлечение* (см.: *поддразнивание*, *кличка*, *прозвище*, *просьба*, *заушательство*, *просить / попросить*).

Как видим, лексика, заключающая в себе эмотивно-целевые смыслы, благодаря особой сочетаемости категориально-лексической семы и дифференциальной семы эмотивности, передает связь эмоций с социальным и речевым поведением человека. При этом эмоции обычно являются запрограммированным следствием деятельности человека.

Мы рассмотрели лексику, в которой эмотивные смыслы изображаются как дополнительные, уточняющие различные категориальные значения. Подобная зависимость эмотивных смыслов достигается тем, что манифестируются они дифференциальной семой, позиционно и функционально зависими от категориально-лексической семы. По денотативной соотнесенности, по содержанию эти смыслы потенциально предикативны и сориентированы прежде всего на изображение категориально-лексической семой. Следовательно, семная структура слов, содержащая их, имеет не одно, а по меньшей мере два предикатных места в своей структуре: позицию основного предиката (КЛС_д) и позицию включенного предиката (ДСЭ). При этом значимость включенной предикатной семы в плане информативности может быть различной и может превышать значимость КЛС_д, что зависит от способа внутрисемной манифестации эмотивных смыслов, от семантической разновидности ДСЭ.

Спектр связей дифференциальных эмотивных сем достаточно богат: они уточняют 16 различных категориально-лексических сем. Причем выделяются и устойчивые связи, и уникальные. Так, наиболее сильная «привязанность» эмотивных сем — категориально-лексическая сема «говорение», она уточняется четырьмя дифференциальными эмотивными семами: определительной, объектной, причинной, целевой. Категориально-лексические семы «интеллектуальная деятельность» и «чувствование» регулярно сочетаются с тремя разновидностями дифференциальных эмотивных сем: определительной, объектной, причинной. По две «привязанности» имеют КЛС «поведе-

ние», «поступок» (уточняются определительной ДСЭ и ДСЭ цели), «обнаружение», «воздействие» (сочетаются с субъектной и объектной ДСЭ), «физиологическая реакция» (уточняется определительной и причинной ДСЭ) и «движение» (сочетается с субъектной и определительной ДСЭ). Остальные КЛС отмечены устойчивой сочетаемостью с одной из разновидностей ДСЭ: КЛС «конкретная физическая деятельность», «существование», «достижение», «место», «жанр литературного произведения» уточняются определительной ДСЭ; «становление» — объектной ДСЭ; «возникновение», «исчезновение» — субъектной ДСЭ.

В целом можно отметить, что дифференциальными эмотивными смыслами обогащается лексика, обращенная к человеку, к его внутренней природе, внешности и деятельности.

Самая широкая сочетаемость присуща эмотивно-определяющей семе (она уточняет 12 различных КЛС). За ней следуют эмотивно-объектная и эмотивно-субъектная семы, характеризующиеся регулярными связями с 6 типами КЛС. Ограниченная сочетаемость свойственна эмотивно-причинной (4 типа КЛС) и эмотивно-целевой (3 типа КЛС) дифференциальным семам.

Коннотативно-эмотивные смыслы

Общепризнано, что эти смыслы находятся за пределами логико-предметной части значения (Гридин, 1976; Лукьянова, 1986; Телия, 1986; Шаховский, 1987; и др.). Специалисты по коннотации связывают эмотивные смыслы этого типа прежде всего с экспрессивной функцией языка, учитывая то, что они лежат в плоскости эмоционального самовыражения говорящего, обнажения его эмоционального состояния и эмоционального отношения (эмотивы-экспрессивы). В связи с этим лексические значения, включающие эмотивные смыслы такого рода, принято считать эмотивно окрашенными, или оценочно-экспрессивными (Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 200). Рассматриваемая лексика обнаруживает двунаправленность процесса номинации: вовнутрь (самовыражение говорящего) и в окружающий мир (эмоциональная оценка его). Эмоциональное отношение, выражаемое к обозначаемому предмету действительности, соотносится в первую очередь с чувствами-отношениями типа «презрения, пренебрежения, стремления к уничтожению кого-либо, желания выразить порицание или, наоборот, восторг, восхищение и т. п.» (там же, с. 199). Набор выражаемых чувств предельно ограничен исходными базовыми эмоциями, варьируемыми в полюсах одобрения/неодобрения.

В итоге наблюдается единое, нерасчлененное обозначение одной лексемой и объекта — источника эмоций говорящего, и самого эмоционального отношения говорящего (оценочно характеризующие

слова, слова субъективно-оценочные). Именно этот класс эмотивов экспрессивов обычно находится в поле зрения специалистов по коннотативной семантике. В научной литературе эмоционально-экспрессивные средства языка рассматриваются по преимуществу как средства эмоционально-оценочной семантики (Шаховский, 1983, 1987; Говердовский, 1977) и в меньшей степени как средства выражения эмоционального состояния говорящего.

Существуют большие трудности выделения этой лексики в словаре, что убедительно показано в монографии Н. А. Лукьяновой (1986, с. 29). Кроме того, пометы эмоциональности оформляются в словарях не всегда однотипно (Телия, 1986, с. 126).

Стремясь избежать названных трудностей и ставя прежде всего цель сопоставительного характера (сопоставление денотативных эмотивных и коннотативно-эмотивных смыслов и способов их манифестации), мы избираем для анализа только лексику, зафиксированную в словаре, причем одним словарем.

Коннотативная эмотивная семантика имеет выражение в виде системы лексикографических помет. Число помет строго ограничено и располагаются они на оценочной шкале переходности в диапазоне от отрицательной до положительной оценки. Вершину классификации этих помет образуют два варианта оценки — положительная и отрицательная, дальше наблюдается их градация в определенном эмотивном регистре с учетом конкретной разновидности эмотивности. Многие исследователи, отмечая непоследовательность помет эмоционального регистра, пытаются уточнить их содержание, т. е. в целом конкретизировать представление о содержании эмотивной оценочной модальности.

Есть несколько моделей шкалы эмоциональности, наиболее популярна — биполярная шкала (Квасюк, 1983; Шаховский, 1983, 1987; Говердовский, 1977; Лукьянова, 1986). Различаются эти варианты моделей степенью конкретности эмоциональных оценок. Наш взгляд, модель, предлагаемая Н. А. Лукьяновой, в большей степени разработана и более убедительна (1986, с. 12). К сожалению, типология, предлагаемая Н. А. Лукьяновой, пока еще остается чисто теоретическим научным достижением и не находит отражения в толковых словарях. Упорядочение помет в словарях — задача далекого будущего, а сегодня в конкретном анализе приходится опираться на ту систему лексикографических помет, что сложилась в практике составления словарей и нашла в них отражение. В частности, в МАС коннотативно-эмотивная семантика описывается с использованием 8 основных эмосем: одной эмосемы мелиоративной оценки (ласкательное) и 7 эмосем пейоративной оценки (шутливое, ироническое, неодобрительное, пренебрежительное, презрительное, грубое, бранное).

Узуально закрепленные коннотативно-эмотивные смыслы в большей степени присущи существительным (77%), в меньшей степени —

словам иных частей речи (глагол — 16%, прилагательное — 7%), что согласуется с результатами других исследований (Сакиева, 1984, с. 218).

Большая часть эмотивных коннотаций тяготеет к полюсу негативности (56%), меньшая — к позитивности (13%). Около 31% составляют шутливо-иронические коннотации.

Принципиальное отличие коннотативных эмотивных смыслов от денотативных состоит в том, что они существуют не для отражения мира чувств в действительности, а для отражения эмоционального отношения говорящего к действительности, они наводятся говорящим в содержание слова. Отсюда их явная оценочность. Эти смыслы в большей степени актуальны и коммуникативны, форма их существования — живая речевая деятельность. Вследствие этого вполне естественным является обращение исследователей коннотативной семантики к функционирующему языку. В словаре находят отражение лишь самые устойчивые, регулярно повторяющиеся в речи эмотивные коннотации, которые, несмотря на малочисленность, очевидно, в целом повторяют общую картину их распределения в лексическом множестве.

Коннотативные смыслы по своей сути надстроечны. Эти смыслы как бы окутывают в целом денотативную семантику слова и задают ей определенную эмоциональную тональность (не случайно они в словарных дефинициях оформляются особой пометой, находящейся через точку от основного словарного определения). Набор эмоциональных тонов ограничен, особенно в положительной части. Возникает вопрос, над какой денотативной семантикой «надстраиваются» эти смыслы? Есть ли тут какие-либо закономерности или это случайный, хаотичный процесс? Е. М. Вольф предполагает, что основания сочетаний денотативной признаковой семантики и эмотивных регистровых коннотатов можно выявить в семантическом толковании (1985, с. 65). Именно в денотативной семантике содержится ключ эмотивности, ибо «аспект оценки — это вершинная дескриптивная сема (или семы), но именно эта сема и «стимулирует» оценку» (Телия, 1986, с. 41). Следовательно, для того, чтобы выявить мотив оценки, надо найти ту сему, которая уточняется эмотивным коннотатом. Вершинная дескриптивная сема (категориально-лексическая сема, по нашей терминологии) выполняет идентифицирующую функцию и объединяет слова в семантические группы. Таким образом, выясняя категориальную семантику коннотативно-эмотивной лексики, мы одновременно обнаруживаем и мотив оценки, и разновидность лексического множества.

Анализ материала показал, что существуют определенные закономерности эмотивного обогащения лексической семантики (табл. 3).

Таблица 3

Денотация	Коннотативные эмосемы
Человек как живое существо	Ласк., пренебр., презр., неодобр., шутл., ирон.
Внешний вид человека	Ласк., груб., пренебр., презр., неодобр., шутл.
Речевая деятельность	Ласк., груб., пренебр., неодобр., шутл., ирон.
Чувство	Ласк., груб., пренебр., неодобр., шутл., ирон.
Вещный мир	Ласк., пренебр., шутл., ирон.
Морально-этические качества человека	Груб., пренебр., презр.
Поведение	Пренебр., презр., неодобр.
Конкретная физическая деятельность	Груб., шутл., ирон.
Характеристика качеств	Неодобр., шутл., ирон.
Пространство	Ласк., пренебр., неодобр.
Постулок	Груб., ирон.
Животный мир	Ласк., шутл.
Зрительное восприятие	Груб.
Физиологические действия	Шутл.
Движение	Шутл.
Существование	Шутл.
Растительный мир	Ласк.
Время	Ласк.
Цвет	Ласк.

Если посмотреть на левую часть таблицы, то можно увидеть, что прежде всего сам человек в разных своих ипостасях, а также окружающий его мир (животный, растительный и вещный) являются источником эмоций, а следовательно, слова, обозначающие эти реалии, способны интерпретировать человека и мир в эмоциональном ключе. Причем самыми богатыми по регистру возможных эмоциональных тонов являются сферы «человек как живое существо», «внешний вид человека», «речевая деятельность», «чувство» (они имеют по 5—6 из 7 возможных эмосем). Лексика, изображающая эти сферы, кроме первой из них, представлена в табл. 4.

Таблица 4

Денотация	Эмосема	Примеры
Внешний вид человека	Ласк. Груб. Пренебр. Презр. Неодобр. Шутл.	Глазенки, головенка, животик Глиста ₂ , корова Михрютка, куцый ₃ , ₄ , кабан ₂ , рохля Пентюх, балбес, плугавый Расфуфыриться, расфуфыренный Физня, шпингалет ₂ , каланча ₂
Речевая деятельность	Ласк. Груб. Пренебр. Неодобр. Шутл. Ирон.	Говорок Собачиться, трепливый, пустобрех ₂ Брехня, кляуза, словоблудие Отсебятина, похвальба, бестолковщина Сватать ₃ , исповедовать _{перен} Реляция, словоизвержение, слезница
Чувство	Ласк. Груб. Пренебр. Неодобр. Шутл. Ирон.	Горюшко, долюшка Паскудно ₂ , влопаться ₃ , втрескаться Фанаберия, лизаться ₃ , лизать ₂ Бодрячество, спеться ₂ , якшаться Вздыхать ₂ , обретаться Прожектерство, облагодетельствовать

Особо следует указать на лексику, ориентированную на обозначение человека как живого существа. Это очень большая группа слов, разбивающаяся на подгруппы с учетом основных признаков, характеризующих человека (табл. 5).

Таблица 5

Денотация	Эмосема	Примеры
Человек и его признаки:		
родство	Ласк. Пренебр. Шутл.	Бабуля, братик, мамуся, папенька Отродье Благоверная
пол	Ласк. Пренебр.	Девчура, паренек, девушка Бабье, мужичье, бабский
возраст	Пренебр. Шутл.	Молокосос, сопляк ₂ , старье ₂ Старикан, клоп ₂ , карапуз
профессия	Презр. Пренебр.	Ишейка, пачкун ₂ Офицерье, пехтура
общность	Пренебр. Шутл.	Сброд, орда ₂ , стадо, мужичье Команда ₅ , триумвират ₂ , братия ₂
местожительство	Пренебр.	Деревенщина

Особенность лексики, рассмотренной выше (охватывающей четыре основные сферы денотации), заключается в том, что она допускает варьирование коннотативных эмосем от полюса позитивности до полюса негативности. Это относится и к лексике, отражающей вещный мир: ласк. — *винцо, гребешок, кашка, пальтишко, кормушка*; пренебр. — *дешевка₂, корыто, самопал, тряпье₃*; шутол. — *книжица, мерзавчик, драндулет, причиндалы*; ирон. — *ковчег даяние, писание₂*.

Однако эта особенность не имеет характера общей тенденции. Так, набор эмосем, окрашивающих эмоционально лексику поведения и морально-этических качеств человека, тяготеет к полюсу негативности (табл. 6).

Т а б л и ц а

Денотация	Эмосема	Примеры
Поведение	Пренебр.	Верхоглядство, кляузничество, критиканство, лакействовать, снюхаться
	Презр.	Лизоблюдство, комедианство, слюняйство, холуйский ₂ , прихлебательский
	Неодобр.	Пижонство, головотяпство, рвачество, переорождение, расфуфыриться, пижонить
Морально-этические качества	Груб.	Паскудник, сволочь ₂ , стерва ₂ , халда, стерво за, хамье, шукура ₄ , сволочной
	Пренебр.	Безмозглость, верхогляд, делеяга, туполобий, клязунник, солдафонский, козявка
	Презр.	Подонки ₂ , приспособленец, выкормыш ₂ , холуй ₂ , подголосок ₂ , прихлебатель

По количественной представленности это самые большие лексические множества эмотивов-экспрессивов, что, очевидно, мотивировано их социальной значимостью, ибо, по мнению Н. А. Лукьяновой, «эмоционально-оценочное значение имеют такие единицы, которые обозначают социально значимые признаки, представляющие коллективу отклонением от некоторой средней социальной нормы» (1986, с. 22). При этом маркируется, как видим, отклонение только в одну сторону — в сторону отрицательных, с точки зрения коллектива, качеств, свойств и поведения. Углубленный дефиниционный анализ помогает с чисто лингвистических позиций выявить те качества, которые вызывают у человека эмотивно-негативное отношение. К ним относятся: глупость (*бревно₂, дуреха, туполобий, солдафон, безмозглость*), угодливость (*холуй₂, холон, подголосок₂, прихлебатель, лизоблюдничать*), легкомыслие (*чистельга₂, фифацаца₂, тряпичница₂*), вялость, нерешительность (*тряпка₄, кисель₂, баба, быдло, слизняк₂, слюнтяй, слякоть₂*), ничтожество (*пигмей₂*

крыса₂, шуто₃), подлость, грубость (*скот₂, ублюдок₂, свинский₂, шукура₄, паскуда*). Это, безусловно, не конечный список, а только самые типичные, повторяющиеся неоднократно качества и свойства человеческой природы, которые обычно получают эмотивно-негативную оценку.

Встречается эмотивная избирательность и другого рода. Так, движение, существование, физиологические действия обычно окрашиваются тональностью шуток (см.: *ретироваться / отретироваться₂, испариться / испаряться₂, скрипеть₂, всхрапнуть₂, напиться* и др.). А например, обозначения цвета, времени, явлений растительного мира способны включать коннотат «ласкательное»: (см.: *зеленький, желтенький, денек, ночка, елочка, нивушка* и др.).

Итак, различные сферы мира действительности в разной степени способны изображаться словом в эмоциональном ключе: от возможной эмоциональной монотональности — до потенциальной эмоциональной политональности.

Если внутреннюю синтагматику эмотивов-экспрессивов рассматривать с позиции коннотата определенной тональности (направление анализа: от коннотации — к денотации), то также можно выявить определенные закономерности этой «обратной связи».

Самые богатые возможности в плане сочетаемости имеют эмотивные эмосемы «ласкательность», «пренебрежение», «шутливость» (см. табл. 3). Эмосемы явной негативной оценки («грубое», «неодобрение», «презрение») обнаруживают ограниченные связи. Так, например, эмосема «презрение» преимущественно вторгается в лексическую семантику слов, обозначающих человека по занятию (*ворюга, щейка₂, пачкун₂*), внешнему виду (*пентюх, балбес, плюгавый*), морально-этическим качествам (*безмозглый, свинский₁, плебейский*), поведению (*лизоблюдство, комедианство, крючкотворство, холопство*).

Отмеченная ранее склонность слова к эмоциональной политональности, к подвижности коннотативно-эмотивных смыслов обнаруживается прежде всего в речевой деятельности, в фактах возможной мены этих слов в различных контекстных условиях. Но не только в речи. Словарь также фиксирует эмоциональную многотональность отдельных слов. Обычно при этом в словарной дефиниции используются два способа описания набора эмотивных коннотатов. Во-первых, они включаются в однородный ряд как равноправные перечислительной или соединительной связью. Например: *занида* — груб., прост., презр. и бран. 'очень нудный и надоедливый человек'; *евангелие₂*_{перен.} — шутол. и ирон. 'книга, произведение, со-держашее основные принципы, правила чего-л.'

Во-вторых, они подаются как альтернативные при помощи союза *или*, например: *фитюлька₂* — шутол. или пренебр. 'о маленьком, невзрачном или незначительном, ничтожном человеке'; *лоб₂* — пренебр.

или шутл. 'о подростках, ставших большими, взрослых детях'. При этом обязательным компонентом, базой многотональных коннотаций оказывается эмоция шутки, которая способна сочетаться со всеми другими эмотивными коннотатами. Например: шутл., ирон., презр. — *салага, пиит, ископаемый₃, синедрион, телеса, доспехи, сподобиться / сподобляться*; шутл., ирон. — *омовение, низвести / низводить, олимп, чадо, комбинатор, судбище*; шутл., ласк. — *войка*; шутл., неодобр. — *публица*; шутл., пренебр. — *настряпать₂, лоб₂, фитюлька₂*.

Таким образом, коннотативно-эмотивные смыслы принципиально отличаются от денотативно-эмотивных и по содержанию, и по позиции в семной структуре слова, и по функциональной направленности. В плане содержания их отличает, во-первых, предельная ограниченность, узость круга выражаемых эмоций (в разных исследованиях насчитывается от 7 до 17 эмотивных коннотатов), во-вторых, оценочность. Семы эмотивности (эмотивы-коннотаты), их манифестирующие, занимают место на периферии лексического значения и выполняют при этом функцию выражения эмоций говорящего и «заражения» слова определенной эмоциональной тональностью, в связи с чем слова, содержащие эти смыслы, амбивалентны: они одновременно обозначают объект—источник эмоций (номинативная функция) и выражают эмоционально-оценочное отношение к нему говорящего (экспрессивная функция).

Мы рассмотрели способы обозначения и выражения эмотивных смыслов в семной структуре и выделили три основных модели слов с эмотивной семантикой¹:

1. Д [КСК+КЛСЭ+ДС_х] К (КС_х). Эту семантическую модель реализуют эмотивы-номинативы с исходной эмотивной семантикой, манифестируемой категориально-лексической семой (типа *любить*).

2. Д [КЛС_х+ДСЭ] К (КС_х). Данная модель свойственна эмотивам-номинативам с включенной эмотивной семантикой, которая манифестируется дифференциальной семой эмотивности, уточняющей различные категориально-лексические семы (слова типа *остолбенеть* 'стать неподвижным от потрясения, удивления'; *спать₂* 'не проявлять себя (о чувствах)').

3. Д [КЛС_х+ДС_х] К (КСЭ). По этой модели организуется семная структура эмотивов-экспрессивов с дополнительной эмотивной семантикой, заключенной в сфере коннотации и манифестируемой эмотивными коннотатами, типа: *михрютка* — пренебр.; *пентюх* — презр.; *загребущий* — неодобр.

Надо сказать, что это только основные, базовые модели, которые могут варьироваться и усложняться в результате наложения, совмещения эмотивных смыслов разного ранга в содержании одного слова.

Возьмем, к примеру, один из возможных вариантов подобного усложнения: *фанаберия* — пренебр. 'неуместная, неоправданная гордость, спесь'; *вздыхать₂* — шутл. 'быть влюбленным в кого-л.'; *обретаться* — шутл. 'быть в каком-л. состоянии, испытывать какое-л. чувство'. Слова этого рода содержат эмотивные смыслы двух рангов: категориально-эмотивные (гордость, влюбленность) их коннотативно-эмотивные (пренебр., шутл.). Их семантическая модель, следовательно, включает две семы эмотивности: ([КСК_х+КЛСЭ+ДС_х] К (КСЭ)). Результатом такого выражения эмотивных смыслов является комплексное изображение одним словом эмоционального переживания и эмоционального отношения к нему говорящего.

Возможны различные варианты усложнения выражения эмотивных смыслов, вплоть до столкновения в одном слове сем эмотивности всех трех рангов. Например: *лизаться₃* — пренебр.; *лобызаться₃* — шутл., ирон.; *бодрячество* — неодобр.; *паскудно₂* — груб. Семантическая модель этих слов: ([КСК+КЛСЭ+ДСЭ] К (КСЭ)).

Рассмотренные модели еще раз говорят о богатстве лексических возможностей выражения эмотивных смыслов.

¹ В моделях буквы Д и К обозначают соответственно денотацию и коннотацию

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЭМОЦИЙ

Основной принцип классификации эмотивной лексики

Как мы уже отмечали ранее, эмотивные смыслы многовариантны в плане семного выражения и могут быть манифестированы в слове всеми основными разновидностями лексических сем: категориально-лексической (КЛСЭ), дифференциальной (ДСЭ) и эмотивным коннотатом (КСЭ). В связи с этим осуществлять типологический анализ эмотивной лексики надо с учетом какой-либо одной из этих сем, т. е. в основу классификации должны быть положены семантические признаки одного уровня иерархии.

Кроме того, надо учитывать и то, что категориально-лексическая сема эмотивности в качестве зависимой способна уточнять различные по содержанию и функции категориально-грамматические и лексико-грамматические семы. Поэтому возможна классификация эмотивной лексики с учетом сочетаемости категориально-лексической семы эмотивности с семами более высокого уровня иерархии.

Итак, основной принцип классификации эмотивной лексики — строгое соблюдение иерархии сем эмотивности разного ранга и иерархии зависимости их от вышерасположенных сем.

Различные множества эмотивной лексики выделяются в зависимости от того, какая сема эмотивности кладется в основание классификации.

Основанием классификации эмотивной лексики может служить сочетание категориально-лексической семы эмотивности и категориально-грамматической семы. Язык имеет различные грамматические модификации одного и того же лексического эмотивного содержания, например: *грусть* — *грустить* — *грустный* — *грустно*. Результат классификации, выполненной на этом основании, — грамматические классы эмотивной лексики.

Классификация эмотивной лексики может строиться и на основе сочетания категориально-лексической семы эмотивности с категориально-семантическими семами (типа «состояние», «отношение», «воздействие» и др.). Вариативность эмотивных смыслов обнару-

живается и в том, что они способны насыщать собою лексику, ориентированную на семантические универсальные оси разного рода. Причем оказывается, что, с одной стороны, различные семантические группировки могут сосуществовать в границах одного грамматического класса, например: *любить* — *влюбить* — *влюбиться*; *любовь* — *любимец* — *любитель* — *влюбленность*. С другой стороны, семантические группировки могут пронизывать различные грамматические классы. Например, состояние беспокойства передают глагол *беспокоиться*, существительное *беспокойство*, слово категории состояния *беспокойно*, наречие *беспокойно*, прилагательное *беспокойный*. Как видим, грамматические классы эмотивной лексики и семантические классы не накладываются друг на друга, но пересекаются. Это пересечение прежде всего по линии категориальных сем. Итог таксономического анализа, учитывающего нерасторжимую связь категориально-лексической семы эмотивности и категориально-семантических сем — семантические классы эмотивной лексики.

Следующая разновидность классификации эмотивной лексики — классификация на основании собственно категориально-лексических сем эмотивности. Как мы выявили в предыдущем анализе, категориально-лексическая сема эмотивности имеет сложную природу, состоит из идентифицирующих предикатов двух типов: основного предиката (ИЭ₁), передающего главную семантическую идею категориально-эмотивной лексики — идею эмоциональной деятельности, и зависимого предиката (ИЭ₂), передающего содержание конкретного чувства. Основной предикат объединяет эмотивную лексику в единое множество, зависимый предикат разграничивает в этом едином множестве отдельные лексические группировки. Таким образом, для внутреннего типологического анализа эмотивной лексики основным оказывается зависимый идентификатор, составляющий компонент категориально-лексической семы эмотивности, а итогом подобного анализа становятся денотативные классы эмотивной лексики. Идентификаторы этого типа манифестируют исходные эмотивные смыслы, на основе которых и формируются денотативные эмотивные классы (см. прил.).

При классификации эмотивной лексики может быть использована и дифференциальная сема эмотивности. Учет семантической разновидности этой семы (эмотивно-субъектная, эмотивно-объектная и др.) позволяет выявить различные лексические парадигмы в дифференциально-эмотивном классе слов.

И наконец, в основу классификации может быть положена эмотивно-коннотативная сема, которая интегрирует в единое множество всю эмоционально окрашенную лексику. Различное конкретное содержание эмотивного коннотата, тип оценки также позволяют выявить в этом множестве различные лексические группировки.

Как видим, рассматривая лексико-семантическое поле эмоций

под разным углом зрения с учетом сем эмотивности разного ранга можно выявить различные по природе эмотивные классы слов: грамматические, лексико-семантические, денотативные, дифференциально-эмотивные и коннотативно-эмотивные.

В дальнейшем мы уделим основное внимание типологическому анализу только категориально-эмотивной лексики и рассмотрим особо грамматические и семантические эмотивные классы, и они в предыдущей главе не рассматривались. Кроме того, именно эти два типа классов слов (общеграмматические и категориально-семантические) составляют основу языковой семантики (Золотова, 1982, с. 125—128; Уфимцева, 1988, с. 115).

Основные классы эмотивной лексики

Грамматические классы эмотивной лексики

Все традиционно выделяемые знаменательные морфологические классы слов имеют в своем составе категориально-эмотивную лексику (табл. 7). В. Г. Гак, исследуя морфологические формы номинации, именно на примере эмотивной лексики показывал возможность представления одной семантемы разными частями речи: *храбры, храбро, храбрость, храбриться* (1985, с. 35).

Т а б л и ц а

Часть речи	Тип значения				Всего семем
	Первичные номинации	Вторичные номинации			
		номинативно-производные	метафорически-производные	всё ю	
Существительное	2000 (75)	430 (16)	240 (9)	670 (25)	2670 (30,4)
Прилагательное	1270 (60)	590 (28)	260 (12)	850 (40)	2120 (24,1)
Глагол	1600 (51,6)	660 (21,3)	840 (27,1)	1500 (48,4)	3100 (35,2)
Наречие	667 (96,4)	15 (2,2)	10 (1,4)	25 (3,6)	692 (7,9)
Слова категории состояния	12 (10)	100 (82)	10 (8)	110 (90)	122 (1,4)
Междометие	50 (62,5)	30 (37,5)	—	30 (37,5)	80 (0,9)
Местоимение	3 (0,02)	10 (0,08)	—	—	13 (0,1)
<i>Всего</i>					8797

Как видим, приоритет в изображении эмоций в русском языке принадлежит глаголу (35,2%), за ним с учетом лексической представленности следуют существительные (30,4%) и прилагательные (24,1%). Вместе эти три класса слов составляют 90% всей категориально-эмотивной лексики.

Эмотивные глаголы

Эмотивная лексика ситуативна в своей денотативной основе, ибо эмоции нерасторжимо связаны с субъектом, их испытывающим, и объектом, их вызывающим. Вот почему глагол является именно той частью речи, которая наиболее приспособлена для отражения эмоций. Этим, очевидно, и объясняется преобладание глагольной эмотивной лексики. Эмотивные глаголы, как и вообще все глаголы, обязательно ориентированы на сферу субъекта или на сферу объекта (Уфимцева, 1986, с. 138), что определяет «драматургичность», «событийность» глагольной семантики, наиболее адекватно отражающей ситуации действительности.

Именно глагол как стилистически и семантически богатая категория располагает большими возможностями для изображения чувств в разнообразных ракурсах и оттенках. Эмоции передаются глаголом как состояние (*грустить*) и как становление состояния (*влюбиться*), как отношение (*любить*) и как воздействие (*влюбить*), а также как внешнее проявление эмоций (*целовать, обнимать*).

Значимость глагольной эмотивной лексики доказывается и тем, что она активно пополняется. Об этом говорит то, что у глагола большой процент производных значений вообще (48,4%) и метафорически-производных значений в частности (27,1%). Самое большое количество метафорических эмотивных семем типа *кипятиться, убиваться* имеет именно глагол.

Эмотивные существительные

В составе эмотивных существительных по сравнению с глаголами значительно возрастает доля первичных номинаций (75%) и соответственно уменьшается доля вторичных. Так, например, метафорически-производные значения у существительных составляют 9% против 27% у глаголов.

Субстантивная эмотивная лексика в большинстве своем относится к лексико-грамматическому разряду отвлеченных существительных. Меньшая часть ее — немотивированные слова типа *беда, страх, печаль, страсть, мука, грусть* (Русская грамматика, 1980, I, с. 462). Именно этого рода лексику можно считать чисто знаковыми, предельно отвлеченными номинациями эмоций. Большая часть субстантивной эмотивной лексики — мотивированные слова, различные номинализации, отглагольные и отагъективные, типа *бешенство, ласковость, нежность*. Этим обуславливается и специфика

их лексического значения: они не имеют в основе своей семантики значения реальной предметности. Их предметность — фиктивна, навязана им грамматическим строем языка. Производные эмотивные существительные наращивают компонент отвлеченной предметности благодаря определенным грамматическим формантам (чаще всего благодаря суффиксам *-ота*, *-ость* и др.) при сохранении исходного лексического значения мотивирующего их слова. Не случайно, в частности, то, что словарные толкования имен эмотивных качеств имеют отсылочный характер и определяются через исходные прилагательные. Например: *апатичность* 'свойство по прилагательному *апатичный*'; *миролюбивость* 'свойство по прилагательному *миролюбивый*'.

Мотивирующая основа производных эмотивов-субстантивов определяет и их тематическую дифференциацию. Так, отглагольные эмотивы-субстантивы по преимуществу обозначают эмотивные состояния, отношения и действия: *вдохновение*, *благоволение*, *объятия*. Отадъективные эмотивы-субстантивы по преимуществу являются отвлеченными номинациями эмоциональных качеств: *страстность*, *вспыльчивость*, *азартность* и др. Круг имен качества довольно широк (Гарипова, 1982, с. 19), и в нем значительное место принадлежит эмотивным именам качества. Эти имена дают представление об эмотивном качестве в отвлечении от его носителя.

Наряду с отвлеченной лексикой субстантивная эмотивная лексика имеет и конкретную лексику. Это прежде всего одушевленные существительные, обозначающие субъекта — носителя эмоционального состояния (*гордец*, *альтруист*, *пессимист*, *злока* и др.), а также существительные, обозначающие лицо, на которое направлено чувство, например, *любимец*. Фактически эта лексика относится к комплексным эмотивным номинациям, синтетически обозначающим одним словом участника эмотивной ситуации и саму эмоцию.

Итак, субстантивы-эмотивы, во-первых, дают отвлеченное обозначение чувств, во-вторых, обозначают эмотивные качества в отвлечении от их носителя, в-третьих, называют лицо, испытывающее эмоции или являющееся объектом — источником эмоций другого лица.

Эмотивные прилагательные

В составе эмотивных прилагательных доминирует лексика с исходными значениями (60%), хотя доля вторичных номинаций достаточно велика (40%). Надо отметить, что самый большой процент номинативно-производных значений приходится именно на прилагательные.

Эмотивные прилагательные типа *грустный*, *влюбленный*, *робкий* в отличие от других качественных прилагательных имеют свою достаточно ограниченную сферу денотации: они прежде всего ориентированы на отражение психических свойств и состояний человека

Это отображение может быть прямым, непосредственным и косвенным, опосредованным (ср.: *радостный* или *грустный человек* и *радостный* или *грустный пейзаж*). Учитывая эту особенность прилагательных, Е. М. Вольф относит их к разряду «прилагательных двойной актантной структуры, которые могут обозначать как признак субъекта, так и признак объекта» (1985, с. 88).

По характеру лексико-грамматической семантики эмотивные прилагательные тяготеют в равной степени и к глаголам, и к отвлеченным существительным, синсемантизм и релятивность значения и обусловленная ими функциональная направленность этих прилагательных сближают их с глаголами (Сергеева, 1982; Гайсина, 1980; Уфимцева, 1986). Сходство с существительными, отвлеченными в первую очередь, проявляется в предельной отвлеченности изображаемого эмотивного признака и частично в грамматической его оформленности. Парадигматические группировки эмотивных прилагательных, извлеченных из словаря, поражают неопределенностью, размытостью параметров обозначения эмотивного признака. Содержание адъективного эмотива фиксируется в словаре таким образом, что одно и то же эмотивное прилагательное располагает комбинацией значений, передающих эмоцию как бытийное состояние (идентификатор «наполненный чувством»), каузацию состояния (идентификатор «вызывающий чувство»), выражение эмоционального состояния (идентификатор «выражающий чувство»), эмоциональное отношение (идентификатор «относящийся с чувством»). Например: *злой* — 1. *Исполненный чувства недоброжелательности, враждебный, полный злобы, злости; / / Выражающий злобу, злость; / / Сердит на кого-то-л., испытывает злость*. 2. *Вызванный, проникнутый злобой, злостью, недоброжелательством*. 6. *Перен. Сильно задевающий, язвительный*. Таким образом, слово *злой* способно передавать эмоцию как состояние, обнаруживаемое во внешности, как отношение и как каузацию.

Как видим, в словарном значении эмотивного прилагательного эмотивные смыслы эмбриональны, хотя и дополнены свернутыми ориентирами универсального развертывания в текст: состояние — отношение — воздействие — проявление. Только контекст снимает семантическую размытость этих прилагательных (см., например: *радостный человек* (состояние) — *радостный взгляд* (проявление) — *радостный день* (воздействие)). В речи эмотивные прилагательные являются компонентами комплексных эмотивных номинаций, которые по своей структуре очень напоминают семную структуру дифференциально-эмотивной лексики с включенной эмотивно-определяющей семой (см.: *каверза* 'к о в а р н а я, з л а я шалость, проделка'; *шмн*_{2перен} 'в о с т о р ж е н н а я хвала, славословие'). Но при употреблении эмотивных прилагательных мы имеем развернутые аналитические комплексные номинации, а в случае с дифференциаль-

но-эмотивной лексикой – свернутые синтетические комплексные номинации.

Итак, эмотивные прилагательные семантически и функционально притягиваются к глаголу благодаря их явной ситуативности, а формально-грамматически тяготеют к существительным.

Эмотивные наречия

Главная особенность эмотивных наречий — их стабильность в основе своей это первичные номинации типа *любезно, зло, льстиво* (96,4%). Центробежные устремления этого грамматического класса эмотивной лексики значительно превышают центростремительные: эмотивные наречия легко переходят в разряд слов категории состояния, но с трудом допускают в свой состав инородную лексику. Их лексическая ограниченность (по сравнению с другими грамматическими эмотивными классами) восполняется повышенной употребительностью в речи, высокой частотностью.

В плане представления эмоций наречия отличаются доминирующей ориентацией на состояние, причем на сопутствующее состоянию эмотивно характеризующее разнообразные действия (*грустно смотреть, грустно сказать*), и признаки (*грустно-томные глаза*).

Так же, как и прилагательные, наречия участвуют в комплексных эмотивных номинациях, выполняя при этом функцию эмоционального сопровождения. В отличие от прилагательных осуществляемая ими эмоциональная характеристика охватывает не субстантивную, а в первую очередь признаковую (глагольную и адъективную) лексику. Структура этих номинаций также изоморфна семной структуре дифференциально-эмотивных слов с включенной эмотивной определительной семой: *льнуть / прильнуть 'н е ж н о прижаться, прильнуть к кому-л.'*

Специфика изображения эмоций наречиями проявляется не в парадигматике, а прежде всего в синтагматике, во внешних связях этих слов. Грамматическая природа эмотивных наречий не позволяет соотносить эмоции непосредственно с их носителем, поэтому связь с субъектом эмоций осуществляется в тексте опосредованно, через его действия или через его адъективно выраженные признаки.

Эмотивные слова категории состояния

Слова категории состояния (СКС), или безлично-предикативные слова, — особый, функциональный в первую очередь класс слов. До сих пор грамматическая природа этого класса недостаточно изучена, его статус в системе других частей речи не определен (см., например, последние грамматик). Это объясняется прежде всего тем, что категория состояния возникла, по мнению В. В. Виноградова, «на почве сложного грамматического переплетения свойств и функций имени, глагола и наречия» (1947, с. 420). СКС формально тяготеет

к наречию, содержательно — к имени, функционально — к глаголу. Их отличительная особенность — монофункциональность: они приспособлены быть только главными членами безличных предложений с семантикой состояния.

Еще одна особенность данного класса слов — его вторичность, производность и обусловленная этим регулярная восполняемость в речи. В словаре отражена лишь небольшая часть слов категории состояния.

Все сказанное относится и к эмотивным словам категории состояния. В словаре мы обнаружили их чуть более сотни. В составе этого грамматического класса четко прослеживается тенденция приоритетного изображения негативных эмоций (80% эмотивных СКС): беспокойства, страха, одиночества, причем богаче всего представлена лексика тоски (*гадко, гадливо, гнусно, мутно₃, отвратно, сумрачно₃, темно₃, тоскливо, уныло_{2,3}* и др.) и горя (*горестно₂, горько₃, маятно, плохо, погано₂, прискорбно₂, тяжело₂, ужасно₃, худо_{2,3}* и др.). Только 20% эмотивных СКС изображают положительные чувства, прежде всего чувства радости (*весело, оживленно₂, отлично, празднично₂, радостно, торжественно* и др.) и спокойствия (*спокойно_{2,3}, тихо_{3,4}, хорошо_{2,3,4}* и др.).

В целом этот класс слов (в системе языка) передает достаточно ограниченный круг эмоций.

Эмотивные междометия

При кажущейся на первый взгляд простоте междометия — класс удивительно самобытных и уникальных слов, природа которых до сих пор до конца не изучена. Это объясняется их парадоксальностью.

Во-первых, парадоксально формальное устройство междометий. С одной стороны, «все междометия «вне-грамматичны». Они аморфны и не соотносятся с другими словами» (Виноградов, 1947, с. 755). С другой стороны, они являются эквивалентами слов и предложений (там же, с. 751). Поэтому, очевидно, междометия изучаются и в морфологии (как особый грамматический класс слов), и в синтаксисе (как особый функционально приближенный к предложению тип высказываний).

Во-вторых, парадоксальна их семантика. С одной стороны, эти слова не обладают номинативной функцией, они ничего не обозначают, а выражают эмоции в определенной конституации при поддержке интонации, мимики и жестов. Это сближает их с экспрессивными и отличает от номинативов. С другой стороны, «не обладая номинативной функцией, междометия имеют осознанное коллективное смысловое содержание... осмыслены как коллективные знаки эмоционального выражения душевного состояния» (Виноградов, 1947, с. 745, 746). Следовательно, они обладают и внеситуативным, понят-

ным для каждого человека общим содержанием. В связи с этим междометия традиционно изучаются в системе других номинативных знаков, а не в системе экспрессивных лексических средств.

Названные особенности обуславливают специфику манифестации эмотивных смыслов в междометиях. В системе эмотивной лексики они занимают зону переходности: находятся между денотативной эмотивной и коннотативно-эмотивной лексикой. Ориентация на выражение эмоций, а не на их обозначение (функциональная направленность) является основанием для включения междометий в класс экспрессивов. В то же время эмотивные смыслы междометий полностью исчерпывают их семантику, они самодостаточны, так как ничего не уточняют, не накладываются в качестве дополнительных смыслов на какие-либо другие денотативные смыслы. Это, безусловно, принципиально отличает междометия от слов с коннотативно-эмотивной семантикой.

Таким образом, междометия — это особый синкретичный грамматический класс слов, тяготеющий и к эмотивам-номинативам, и к эмотивам-коннотативам. Учитывая их принципиальное функциональное отличие от эмотивной лексики других грамматических классов, мы в дальнейшем рассматриваем междометия как разновидность эмотивов-экспрессивов.

Еще одна семантическая особенность междометий — их смысловая размытость, диффузность, взаимопроницаемость и сосуществование в них различных эмотивных смыслов. Комплексность эмотивных смыслов отражается в словарных дефинициях. Например словарь указывает, что междометие *у³* употребляется для выражения угрозы, неудовольствия, страха, одобрения, восторга и других эмоций, а междометие *фу-ты* выражает досаду, презрение, облегчение, раздражение и др. Подобная диффузность семантики объясняется и мотивируется установкой на устную речь, в которой прежде всего активно функционируют междометия и которая легко снимает их многозначность и семантическую размытость. Набор эмоций, выражаемых междометиями, невелик, ограничен исходными эмотивными смыслами: горе (*тю-тю, ох, ах*), гнев (*ха², тьфу₂*), равнодушие (*тьфу*), презрение (*фи, фу, фу-ты, э...*), досада (*фу-ты*), раздражение (*фу-ты ну-ты*), негодование (*проклятие₄*), сомнение (*мм...*), смех (*ха-ха, хе, хе-хе-хе*), радость (*эврика, боже!, бог мой!, голля*), восторг (*ура!*), спокойствие (*уф, фу-ты*), восхищение (*ух, о, фора²*). Особенно многообразны междометные способы выражения удивления: *тю, ух, фью, хо, хо-хо, бог мой! боже мой! и⁴, эва, эк², эка, эко, подумать₅, в, ой-ли, ну* и др. Некоторые междометия характеризуются прагматикой непосредственного воздействия на эмоциональную сферу собеседника и являются средством его эмоционального заражения: *ша* (успокоение), *чур* (запрет), *эгей* (предостережение), *ужо, эй, поди, эгей* (угроза).

Ограниченность набора выражаемых эмотивных смыслов также сближает междометия с эмотивами-коннотативами, а многообразие и богатство эмоций передается в первую очередь денотативной категориально-эмотивной лексикой.

Любое эмотивное слово, вне зависимости от грамматического оформления, предполагает существование чувства в нерасторжимом единстве с человеком, его испытывающим. Единый семантический стержень эмотивной лексики — отражение эмоциональной сферы жизни человека. В этом обнаруживается сходство всех грамматических классов эмотивной лексики.

Эмотивные смыслы закрепляются в слове грамматическими оболочками разной степени жесткости. Соответственно и грамматическая оболочка в разной степени подавляет ситуативную семантику эмотивных слов. Отсюда проистекает различие между грамматическими классами в изображении эмоций.

Субстантивные эмотивы выполняют в первую очередь номинативно-классификационную функцию, для которой они приспособлены в большей степени, и в меньшей степени они отражают ситуативность эмоций, прежде всего связь с субъектом эмоций.

Эмотивные глаголы и слова категории состояния функционально предназначены в первую очередь для отражения ситуативной семантики эмоций. Они — основное грамматическое средство текстового развертывания эмотивной семантики в полном объеме.

Другие грамматические классы — прилагательные, наречия — содержат указания на эмоции в предельно сжатом виде, являются средством текстового эмотивного обогащения различных слов с предметной и событийной семантикой.

Семантические классы эмотивной лексики

Идея классификации эмотивной лексики с учетом категориально-семантических компонентов принадлежит Л. М. Васильеву (1976, 1981). Он первый осуществил опыт лексико-семантической классификации глагольной лексики, а в классе глаголов чувств впервые выделил основные ЛСГ слов. Опираясь в целом на работы этого исследователя, мы продолжаем разработку семантической классификации эмотивной лексики. Наши уточнения классификации Л. М. Васильева объясняются, с одной стороны, расширением материала (исследуется эмотивная лексика всех грамматических классов, не только глагольная), а с другой стороны, некоторым сужением его (в отличие от Л. М. Васильева мы не анализируем лексику, связанную с физиологическими ощущениями).

К настоящему времени разработана методика выявления состава ЛСГ слов, накоплен серьезный опыт их системного описания. Но

нам все-таки пришлось отказаться от термина «лексико-семантическая группа» по отношению к выделяемым семантическим классам, во-первых, потому, что объектом нашего исследования является эмотивная лексика различных формально-грамматических классов во-вторых, потому, что мы учитываем не только первичные, но и вторичные эмотивные номинации.

В связи с этим мы считаем возможным использовать по отношению к описываемым лексическим множествам термин «функционально-семантический класс слов» (ФСК) (Кузнецова, 1974). В нашем понимании, ФСК слов — это множество различных по грамматической оформленности слов, совпадающих по денотативной соотношенности, объединенных категориально-лексической семой, которая может быть онтологически присущей слову (исходной) или наведенной контекстом (производной), и выполняющих единую семантико-синтаксическую функцию в речи.

Знаменательные слова обязательно содержат в семной структуре категориальные семы, которые связаны с отражением универсальных семантических категорий, таких, как «качество», «отношение», «состояние» и др. (Арутюнова, 1976; Степанов, 1981; Уфимцева, 1986; и др.). С учетом этих более абстрактных сем в лексической системе выделяются семантические классы слов. Особенно обстоятельно такие классы слов описаны на материале глагольной лексики, в которой выделяют глаголы статические, бытийные, каузативные, релятивные, действия и др. (Гайсина, 1980; Золотова, 1982; Шведова, 1983).

Лексика эмоций включается во все семантические классы, пересекается с ними. Это пересекаемость по линии абстрактных субстанциональных сем, в результате ее в лексико-семантическом поле эмоций обнаруживаем следующие ФСК слов.

ФСК слов эмоционального состояния (ФСК ЭС)

Категориально-лексическая сема — «испытывать определенное эмоциональное состояние; быть, находиться в определенном эмоциональном состоянии; быть наполненным определенным эмоциональным состоянием». Например: *горевать, горюниться, горевой, казнить, мука, мытариться / намытариться, изнеможенный, скорбь* и др. По денотативной категориальной семе эти слова включаются в лексику состояния, составляют 25% эмотивной лексики (2182 лексемы). Их особенность, свойственная всей другой лексике состояния, — отсутствие волевой активности, ограниченная, хотя и неопределенно, протяженность во времени (Вольф, 1982, с. 320, 339). В результате этого они передают эмоции как неактивное, замкнутое в субъекте состояние.

Большую часть рассматриваемой лексики (65%, 1417 семем) составляют слова с первичным значением эмоционального состояния, которые активно пополняются лексикой с вторичным значением

эмоционального состояния. В словаре зафиксировано 534 семемы (24%) с номинативно-производным значением типа *испытывать*₃, *маяться*₂, *невыносимо*₂, *огорченный*₃, *плохо*₃ и около 230 семем (11%) с метафорически-производным значением типа *пройти*₃ 'испытать какое-л. эмоциональное состояние'.

Следует отметить многообразие ассоциативных связей, соотносящих эмотивное состояние с различными ситуациями действительности. Об этом говорит состав лексики, развивающей метафорические значения эмоционального состояния. Здесь обнаруживаются стойкие закономерности.

Чаще всего основой образного представления эмоционального состояния является лексика физиологического состояния человека (*спячка*₂, *дрожать*₂, *насытиться / насыщаться*, *смаковать*₂, *опьянелый*₂, *опьянение*, *угар*₂, *понюхать*, *хлебнуть*₃) болезненного состояния (*зуд*₂, *лихорадка*₂, *лихорадить*₃, *помешательство*₂, *болеть*, *переболеть*₂, *тошнить*₂, *тошно*₂, *тошнота*₂), горения, огня (*жар*₄, *сгореть*₆, *пыл*₂, *огонек*, *огонь*, *огневой*₄, *огненный*₄, *пламенеть*, *пламенный*₃, *пламень*₂, *пламя*₂, *пылать*₂), движения жидкости (*кипение*₂, *кипятиться*₂, *пениться*₃, *накипеть / накипать*₂, *пузыриться*₃, *кипеть*₆), ненаправленного движения (*сотрясаться / сотрястись*, *провертеться*₂, *трепетать*₃, *парение*₂, *парить*₂, *плавать*₄), состояния окружающей среды (*пасмурно*₃, *темно*₃, *пустота*₂, *холодно*₄, *охлаждение*₂, *тишина*).

Реже основой метафоризации является лексика каузативного перемещения (*тянуть / потянуть*₂), прекращения жизни (*казнь, убиваться*₃), уничтожения (*надрызгивать, надлом, разрываться*₂), повреждения (*рана*₂, *язва*₃), звучания (*стонать*₂), функционального состояния (*киснуть*₂), обозначения конкретного предмета (*камень*₄), вещества (*яд*₂, *желчь*_{1, 2}), жеста (*оплеуха, пощечина, щелчок*₃).

Как состояния предпочтительно изображаются чувства беспокойства, вдохновения, горя, грусти, желания, сомнения, страха, о чем свидетельствует большой процент лексической представленности слов этого ФСК внутри денотативных классов (см. прил.). Так, например, семантику горя как эмоционального состояния передают 156 лексем, что составляет 32,4% всей лексики горя, а семантику грусти как эмоционального состояния передают 107 лексем (33,6% от всей лексики грусти). В свою очередь, есть чувства, которые не протекают в форме состояния. К ним относятся чувства лицемерия, одобрения, уважения. Как состояния лексически минимально выражены чувства веры, дружбы, жалости, жестокости, искренности, любопытства, наглости, надежды, протеста, смелости. Это чувства либо ярко выраженной объектной ориентации, либо субъектно характеризующие, чем и объясняется невозможность их статальности.

ФСК слов становления эмоционального состояния (ФСК СЭС)

Данный класс слов отличается от предыдущего изображением состояния в динамике, развитии. Категориально-лексическая сема — «принятый в определенное эмоциональное состояние, становиться наполненным каким-либо состоянием», например: *загоревать, затомиться, истерзаться, угрюметь* и др.

В этом лексическом множестве доля первичных номинаций меньше (56%, 310 семем), доля вторичных номинаций возрастает (44%, 240 семем). Из них 16% составляет номинативно-производная лексика типа *перенести / переносить, расстроиться / расстраиваться, сломиться / сламываться* и 28% — метафорически-производная лексика.

Надо отметить, что количество метафорически-производных слов достаточно велико в этом ФСК. Пополняется данный класс слов прежде всего за счет лексики движения, например: *прийти₃, возникнуть, проникнуться чувством, погрузиться в переживание, отойти₃, прийти в обычное нормальное состояние, перестать сердиться*. Используется в нем лексика ненаправленного движения (*всколыхнуться₂, спрятать, завестись / заводиться₅, потрястись / потрясаться, раскачаться / раскачиваться*), направленного движения (*трогаться / тронуться₃, взвиться₂*), движения жидкости (*раскипятить₂, вскипеть / вскипать₃, вскипятиться₂, перекипеть / перекипать₂*). Так же активно представлена лексика становления качества, признака типа *озвереть 'стать жестоким и беспощадным, уподобиться зверю'*. В составе этой лексики встречается много слов метафорически мотивированных, содержащих включенные предметные субъектные и объектные семы (*каменеть₃, накалиться / накаляться, накаливаться, истрепаться / истрепываться, закиснуть / закисать, темнеть / потемнеть₂, увянуть₂, растаять/растаивать, таять₃, взъерошиться₂* и многие другие).

В образном представлении становления эмоционального состояния также участвует лексика физиологического состояния (*пробудиться / пробуждаться, пресытиться / пресыщаться₂, стыть / стынуть, остыть / остынуть, пьянеть / опьянеть, ожить / оживать*), соединения / разделения (*спаяться / спаиваться, сплотиться / сплачиваться, столкнуться / сталкиваться, отгородиться / отгораживаться, откачнуться, отодвинуться / отодвигаться₂, размежеваться₂, разъединяться / разъединиться*), разрушения (*порваться / порываться, рваться₂, разрушиться / разрушаться₂, расколотиться / раскалываться₂*), исчезновения (*таять₄, тлеть₃, увянуть₂*), горения (*распалиться / распалиться, загореться / загораться, пригореть / пригорать₄*), давления (*гнестись₃, давить₂*), состояния среды (*затуманиться / затуманиваться, отуманиваться / туманиться₂*), свечения (*про-*

светлеть / светлеть₂). В целом можно отметить богатство ассоциативных связей лексики становления эмоционального состояния.

В ракурсе становления обычно изображаются чувства грусти, беспокойства, наглости, одиночества, равнодушия, смирения, спокойствия, стыда (см. прил.). Так, например, лексика становления спокойствия составляет 32,6% от всей лексики спокойствия (*отлечь / отлегать, отогреться/отогреваться, поуспокоиться, присмиреть, притихнуть/притихать, остыть/остынуть₂* и др.).

В то же время не изображаются в динамике чувства веры, жадности, искренности, лицемерия, любопытства, надежды, одобрения, уважения, удивления. Единичны случаи изображения в динамике чувств высокомерия, неверия, протеста, смелости.

ФСК слов эмоционального воздействия (ФСК ЭВ)

Категориально-лексическая сема — «вызвать определенное эмоциональное состояние», например: *влюбить, злить, озлоблять, пугать, смешить* и др. По категориальной семе слова данного ФСК включаются в класс каузативов и составляют 13,3% (1476 семем) от всей эмотивной лексики.

Слова с непроемным значением эмоционального воздействия типа *затерзать, затомить, мучить / замучить, огорчить / огорчать* и др. составляют менее половины лексики рассматриваемого ФСК (46%, 545 семем). Более половины (64%, 631 семема) — слова номинативно-производным значением типа *запилить / зашлифовать₃, известить/изводить₃, расстроить / расстраивать₆* и др. Лексика с метафорически-производным значением составляет 32% (367 семем), слова типа *заразить₂, вызвать, внушить, передать какое-л. чувство; разжигать₂, возбудить, усилить какое-л. чувство, состояние*.

Надо отметить, что именно в этом лексическом множестве (по сравнению с другими семантическими классами) доля метафорически-производных слов самая большая. Процесс расширения этого класса слов идет за счет лексики разнообразных семантических групп, но прежде всего за счет лексики уничтожения (*глодать₂, грызть₃, душить₂, есть₄, желчь₃, загрызть₂, заесть/заедать, заклевать, затравить, измочалить/измочаливать₂, казнить₃* и многие другие), повреждения объекта (*измять₄, истрепать/истрепывать₂, надломить₃, надорвать/надрывать₂, раздирать_{2, 3}, царапать/оцарапать* и др.), перемещения объекта (*бередить, всколыхивать / всколыхнуть₂, дергать₄, потрясти₃, приподнять / приподнимать₂, сотрясать / сотрясти₃* и многие другие), каузации качества (*сушить / высушить₃, замаслить / замасливать₂, смягчить / смягчать₂, подмаслить / подмасливать₂, теплить, запятнать / пятнать₂* и др.), соединения / разделения (*прицепиться / прицепляться₂, подлипнуть₂, пришить / пришивать₂, отгородить / отгораживать, разобщить / разобщать, разъединить*), каузации физиологического состояния (*охмелить₂,*

пробудить / пробуждать³, щекотать², опьянить / опьянять, пьянить², зачаровать / зачаровывать, фыркать⁴, тошнотворный, тошнотный², оглушить/оглушивать²), касания (задеть², ударить/ударять², ущипнуть², трогать/тронуть⁵, колот², жалить², затронуть/затрагивать², лягать², уколот²), температурных изменений (накалять / накалить², подогреть / подогреть², зажигательный, леденить, леденящий², холодить³, охладить/охлаждать²).

Реже используется для обозначения каузации эмоционального состояния лексика горения (*разжечь / расжигать², зажечь³, распалить / распалить³*), приобщения объекта (*забирать / забрать⁴*), давления (*придавить/придавливать²*), каузации боли (*уязвить, укол, уколот², раззудить²*).

Преимущественно как эмоциональное воздействие передаются чувства беспокойства, влечения, любопытства, одиночества, радости, спокойствия, страха, удовольствия. В ФСК слов эмоционального воздействия особенно велика доля лексики, изображающей чувства удивления (44,2%), стыда (39,2%), обиды (38%).

Вне каузации в языковой модели эмоциональной деятельности представлены высокомерие, жестокость, искренность, лицемерие, протест, смелость, т. е. те чувства, которые прежде всего связаны с субъектом-носителем, замкнуты в нем. К этой же группе примыкает лексика жалости, наглости, надежды, одобрения, уважения, сомнения, имеющая минимум лексических единиц с семантикой каузации.

ФСК слов эмоционального отношения (ФСК ЭО)

Категориально-лексическая сема — «чувствовать определенное эмоциональное отношение к чему-, кому-либо, направленное на что-либо или вызванное чем-либо», например: *боготворить, вгоровать, возненавидеть, гордиться, жалеть, обожать* и др. Чувства изображаются при этом как активный процесс. По категориально-семантической семе слова этого множества включаются в класс релятивных слов и составляют 9,4% (831 семема) от всей категориально-эмотивной лексики.

Основа класса — первичные номинации эмоционального отношения (56%, 464 семемы). Во множестве вторичных номинаций эмоционального отношения преимущественно развиваются номинативно-производные значения (30%, 256 семем) (*тяга⁷, устремление², беспокоить², сочувствовать²* и др.). Слова с метафорически-производным значением представлены в словаре незначительно.

Чаще всего средством образного представления эмоционального отношения является лексика соединения/разделения (*смычка³, спайка³, срастись², узы³, прикипеть/прикипать², рваться/разорваться, порваться², отмежеваться/отмежевываться, трещина*), физиологиче-

ческого состояния и жеста (*жаждать³, начихать³, тошнотворный², тошнотный², расплываться/расплываться², съесть/съесть⁵, есть⁵), направленного движения (*уйти¹², погоня³, тянуться⁵, склониться, гнуть⁵, отвернуться/отворачиваться⁸*), перемещения объекта (*закрутить/закручивать⁵, столкнуть/сталкивать², швырять²*).*

Остальная лексика чрезвычайно редко является основой образных ассоциаций эмоционального отношения (лексика становления качества — *сохнуть/высохнуть*; конкретной физической деятельности — *переработка, переварить⁴*; речи — *шутить⁴*).

Как эмоциональное отношение прежде всего оформляются чувства веры (38,6% от лексики веры), дружбы (28,2%), надежды (71%), неверия (24%), неприязни (23,6%), уважения (37,8%).

ФСК слов внешнего выражения эмоций (ФСК ВВЭ)

Категориально-лексическая сема — «выражать во внешности, жесте эмоциональное состояние, эмоциональное отношение к кому-, чему-либо», например: *всхлипнуть, ласкать, обнять, смеяться, целовать*. По категориально-семантической семе данный ФСК включается в класс глаголов конкретного действия. Лексика этого рода составляет 11% (942 семемы) от категориально-эмотивной лексики.

Ю. Н. Караулов, размышляя о трудности исчисления логико-семантических отношений в дефиниции, отметил в качестве одной из них возможную «неоднозначность идентификации, когда с равными основаниями одно и то же отношение может быть квалифицировано как принадлежащее к разным типам» (1981, с. 309). Можно предположить, что лингвисты попадают в подобное затруднительное положение обычно при квалификации семантически сложных слов. К такому роду семантически сложных слов относится и рассматриваемый класс, слова которого в равной степени можно отнести и к классу номинаций физиологических реакций, физиологических жестов человека, и к классу эмотивных номинаций. Сложность семантики этих слов создается сочетанием двух равноправных категориально-лексических сем. Мы склонны это множество слов включать в эмотивную лексику, так как, на наш взгляд, категориально-лексическая сема эмотивности в них коммуникативно весомее.

Половина класса (52%, 490 семем) — первичные номинации внешнего выражения эмоций типа *возрыдать, оплакать, хихикать*. Вторичные номинации распределяются примерно поровну: 26% (248 семем) составляют слова с номинативно-производным значением внешнего выражения эмоций типа *млет², обмереть/обмирать², подломиться/подламываться²*; 22% (204 семемы) составляют слова с метафорически-производным значением типа *просить 'выражать*

радость, удивление своим видом', бушевать 'выражать крайнее раздражение, гнев'.

Самая разнообразная лексика во вторичных значениях используется для изображения внешних проявлений эмоций: направленного и ненаправленного движения (*налететь/налететь₄, наскокить/наскокить₃, опрокинуться/опрокидываться₄, трястись₂, шевелиться₂*), движения жидкости (*клокотать₃, излияние₂, расплыться/расплываться₄*), перемещения объекта (*занести/заносить₅, прокатить/прокатить₄, разнести/разносить₂*), уничтожения (*уничтожающий₄, прорывать/прорвать₃, прорваться/прорываться₃, взорваться₂, перегрызться₂, казнить₃*), звучания (*скулить₂, стон₂, стонать₂, фыркать, тявкать*), каузации боли (*жалить₂, подколоть₄, язвить₃, огрызнуться/огрызаться₂, пощипать₃, царапанье₃, царапаться₃*), становления качества (*сохнуть/высохнуть₃, таять₂, окостенеть/окостеневать, окоченеть/окоченевать, коченеть, умаслиться/умасливаться₂, каменеть₂, леденеть/заледенеть, окаменеть/окаменевать₂*), каузации качества (*чистить₄, надуть₅*), физиологического жеста (*изрыгнуть/изрыгнуть₂, плевать₃, чихать₃, наплевать₄, облизываться*), свечения (*осветить/освещать, просиять₂, свет₇, светить₅, светиться₃, светель/просветлеть₄, просветлеть₃, светлый₇, ясный₃, просиять₂, светиться₃*), цвета (*краснеть₃*), соединения (*прикинуть/прикинуть, липнуть₇*) и др.

Богатые лексические возможности обозначения внешнего проявления обнаруживают чувства высокомерия (25%), жалости (46%), злости (23%), любви (21,6%), любопытства (25%), недовольства (32,7%), неприязни (43,6%), одобрения (65%), протеста (32%), радости (25,8%), уважения (24,6%). Только два чувства (влечение и надежда) не имеют лексического обозначения их внешнего выражения.

ФСК слов эмоциональной характеристики (ФСК ЭХ)

Категориально-лексическая сема — «характеризующийся, отличающийся каким-либо эмоциональным качеством», например: *злосчастный, мученик, мучитель, страстотерпец, угрюмый, баламут* и др. Это большое лексическое множество (2476 семем, 28% всей категориально-эмотивной лексики) включает в свой состав по преимуществу субстантивную и адъективную лексику. Словарные определения лексем данного ФСК имеют различные варианты манифестации категориально-лексической семы. Во-первых, это может быть непосредственно включенный в определение идентификатор: *горячий₂, 'отличающийся глубиной чувства'; драматический₂, 'характеризующийся напряженностью, тяжестью, мучительностью для кого-л.'* Во-вторых, могут быть даны опосредован-

ные обозначения, например указания на постоянство какого-либо эмоционального качества: *горемыка 'человек, постоянно испытывающий горе'; горемычный 'человек, постоянно испытывающий горе'*. В словарном определении иногда содержится указание на проникнутость эмоцией: *дружелюбный 'проникнутый дружелюбием, доброжелательный'*. Может встретиться и особая форма подачи содержания слова. Характерна, например, модель «о+эмотивное прилагательное+человек_{предл. п}»; *змея₂ 'о коварном, хитром, злобном человеке'; дуб₂ 'о нечутком, тупом человеке'*.

В этом лексическом множестве доминируют первичные номинации (72%, 1812 семем). Пополняются они по преимуществу лексикой с номинативно-производным значением (16%, 400 семем). Метафорически-производные значения составляют всего 12% (264 семемы).

Отличительная особенность переносных значений эмоционально характеризующих слов — разнообразие мотивирующих значений при ограничении лексики, репрезентирующей эти значения.

Только в этом классе слов активно метафоризируется лексика с конкретно-предметным значением (*ходули₂, козырь₃, тиски₃, глушитель₃, подпора₂, маска₂, идол₂, приманка₂*) и признаковым значением. Причем в последнем случае слова могут указывать на разнообразные признаки: цвет (*свинцовый₃, темный₃, черный_{12, 13}, красный₄, розовый₃*), форму (*согбенный*), принадлежность (*ангельский, голубиный₂, животный, змеиный₂, теллячий₂, рыбий₂, нахохленный₃, легкокрылый₂*), вязкость (*тягучий₄, окаменелый₃*), ясность (*чистый₁₀, сияющий₃*), свойство определенного вещества (*масляный₃, медовый₃, миндальный₃, желчный₂, каменный₃*).

Эмоционально характеризующая лексика во вторичных значениях сближается с миром растений (*перец₄, одеревенелый₃*), миром природы (*сумеречный, гроза₃, солнечный₄, радужный₂*). В то же время здесь мы встречаем и привычные образные ассоциации чувства с физиологическим состоянием человека (*тошный₂, слезливый₂, глухой, толстокожий₂, пьяный₂*), болезнью (*лихорадочный₂*), огнем (*огневой₄, огненный₄, огонь, пламенный₃*), с представлением о тепле и холоде (*теплый₄, горячий_{2, 3}, знойный₂, холодный₈, прохладный₂*), разрушении (*истерзанный₄, истрепанный₃*).

Эмотивная характеристика свойственна всем денотативным классам эмотивной лексики. Вне ракурса характеристики не оказывается ни одно чувство. В рассматриваемом множестве особенно представительна лексика влечения (19,3%), высокомерия (20,6%), доброты (24%), дружбы (26,3%), жестокости (49,4%), искренности (42,6%); лицемерия (48%), любви (22%), любопытства (21,7%), наглости (34,3%), неверия (22,2%), протеста (27,6%), равнодушия (22,6%), смелости (38%), смирения (21,2%), уважения (26%). При этом в перечне оказываются номинации именно тех чувств, кото-

рые обычно выражаются внешне, обладают особой социальной значимостью, поскольку проявляются в обществе и затрагивают интересы других людей. Именно этот фактор объясняет их предпочтительность в плане эмотивной характеристики.

ФСК слов эмоционального качества (ФСК ЭК)

По сравнению с рассмотренными выше семантическими классами это небольшое лексическое множество включает только 640 семем (7,1% от всей категориально-эмотивной лексики).

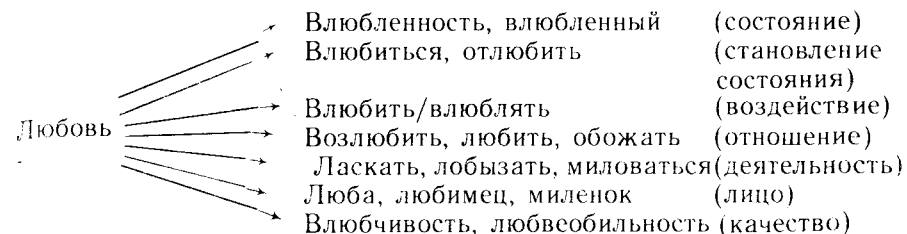
Категориально-лексическая сема — «эмоциональное свойство» По категориально-семантической семе лексика этого ФСК включается в класс «качество».

Основа класса — первичные номинации эмоциональных качеств типа *азартность*, *угрюмость*, *влюбчивость*, *привязчивость* (89%, 571 сема). Минимально представлены слова с номинативно-производным значением — 6% (*чувственность*₂, *варварство*₂, *садизм*₂, *невинность*₂, *фильш*₂, *распущенность*₂ и др.) и метафорически-производным значением — 5% (*каннибализм*₂, *светозарность* и др.).

Слова этого множества являются предельно отвлеченными знаками эмотивных качеств. Особенность ФСК эмоциональных качеств в том, что в нем представлены все чувства, хотя число лексем незначительно. Так, самое большое представительство здесь имеет чувство доброты, но и оно ограничено всего 33 лексемами, составляющими 10,8% всей лексики со значением доброты. Более высокий процент в ФСК (при меньшей лексической представленности) имеют чувства смелости (28,8%), высокомерия (19,2%), искренности (16,7%), лицемерия (23%) и наглости (20,8%).

Итак, языковая модель эмоциональной психической деятельности такова, что в ней эмоции предстают не как самодовлеющие абстрактные величины, а как различные субстанциональные сущности. Номинации этих сущностей можно отнести к разряду суперклассификаторов, которые «составляют один из важнейших подклассов лексики в целом, ее «соединительную ткань». Они отражают таксономию существующую в «картине мира», представленной в естественном языке» (Вольф, 1985, с. 150).

Наши наблюдения показывают, что релевантными для психологического портрета личности в языке оказываются семантические ориентиры, представленные суперклассификаторами «состояние», «становление состояния», «воздействие», «отношение», «деятельность», «качество», «носитель состояния». В результате каждое конкретное чувство имеет потенциальные возможности обозначения в различных ракурсах:

Специфика конкретного чувства проявляется в том, как оно приспособляется к существованию в различных субстанциональных «масках». Не каждое чувство может иметь полный набор этих «масок», возможны различные усеченные варианты набора, обусловленные содержанием чувств. Например, чувство грусти не изображается как отношение или качество, чувство злости — как отношение, чувство искренности не показывается в ракурсах отношения, воздействия и становления состояния и т. д. (см. прил.).

Завершая рассмотрение ФСК эмотивной лексики, приведем цифровые данные лексической представленности этих классов с учетом типа значения (табл. 8).

Таблица 8

Тип значения	ФСК							Всего
	ЭС	СЭС	ЭВ	ЭО	ВВЭ	ЭХ	ЭК	
Первичное	1417 (65)	310 (56)	545 (46)	464 (56)	490 (52)	1812 (72)	571 (89)	5609 (63)
Номинативно-производное	534 (24)	85 (16)	264 (22)	256 (30)	248 (26)	400 (16)	41 (16)	1821 (21)
Метафорически-производное	231 (11)	155 (28)	367 (32)	111 (14)	204 (22)	264 (12)	28 (5)	1360 (16)
<i>Всего</i>	2182 (25)	550 (6,2)	1176 (13,3)	831 (9,4)	942 (11)	2476 (28)	640 (7,1)	8797

Из таблицы следует, что языковая модель эмоциональной деятельности основное внимание уделяет непроявляемым внешне, скрытым внутренним состояниям. Кроме того, она хорошо иллюстрирует неоднородность внутренней структуры ФСК эмотивной лексики.

Данные таблицы показывают, что совокупность вторичных номинаций (если ее рассматривать отдельно) полностью повторяет сис-

темно-структурную организацию эмотивной лексики в первичных значениях. Но, несмотря на то, что речевая модель эмоционально-деятельности, представленная вторичными номинациями, в целом повторяет языковую модель этой деятельности, внутреннее соотношение семантических классов здесь иное (табл. 9).

Таблица 9

Тип значения	Кол-во семем	ФСК						
		ЭС	СЭС	ЭВ	ЭО	ВВЭ	ЭХ	ЭК
Первичное	5609 (100)	1417 (25,2)	310 (5,4)	545 (9,9)	464 (8,3)	490 (8,7)	1812 (32,3)	571 (10,2)
Вторичное	3188 (100)	765 (24)	240 (7,5)	631 (20)	367 (11,5)	452 (14,1)	664 (20,8)	69 (2)

Как видим, вторичные номинации некоторым образом вырабатывают асимметрию, имеющуюся в системе первичных номинаций эмоций: уменьшается доля лексики эмоционального состояния эмоциональной характеристики, увеличивается доля лексики становления эмоционального состояния, эмоционального отношения и внешнего выражения эмоций. Речь компенсирует семантическую недостаточность языковых лексических средств в изображении эмоций пополнив вторичными номинациями именно те ФСК слов, которые характеризуются низкой лексической представленностью.

Таким образом, наблюдается определенная тенденция пополнения ФСК эмоций разнообразной лексикой, развивающейся вторичные эмотивные значения. Учет и анализ центростремительных сил эмотивной лексики оказывается плодотворным для выявления реально функционирующего множества слов, обнаруживает пересеканность эмотивной лексики с другими лексическими множествами.

Пересекаемость эмотивной лексики с другими лексическими множествами

Пересекаемость — одна из существенных характеристик языковых полей, лексических в том числе (Бондарко, 1972, 1983). Самым явлением лексической пересекаемости обусловлено сложность семной и семантической организации слова. Семная структура слова включает семы разного статуса: грамматические, лексико-грамматические, категориально-лексические, дифференциально-лексические. Пересекаемость лексики осуществляется на основе любой из

этих сем. Выше мы уже отмечали пересекаемость эмотивной лексики по грамматической семе (грамматические классы слов), категориально-семантической семе (семантические классы эмотивной лексики), дифференциальной семе (дифференциально-объектные, дифференциально-субъектные и другие классы). Но сейчас нас интересует пересекаемость эмотивов с другими лексическими множествами по категориально-лексической семе.

Слово — уникальная семная структура, состоящая из иерархически организованных компонентов, находящихся в динамическом равновесии. В разных контекстных условиях соотношение этих семантических признаков меняется: одни актуализируются, выдвигаются в центр, другие затухают, удаляясь на периферию. Именно эта подвижность семантических признаков и мотивирует существование первичных и вторичных значений, оттенков значений. Ученые, занимаясь семантической классификацией слов, прежде всего учитывают ядерные компоненты лексических значений, причем первичных, основных значений. Но пересекаемость ЛСГ слов, связи различных ЛСГ проявляются преимущественно на уровне вторичных значений, на уровне многозначности.

Вторичные эмотивные номинации под влиянием центростремительных сил поля эмоций включают в свою семную структуру новую категориально-лексическую сему «испытывать какое-либо эмоциональное состояние» во всех ее субстанциональных вариантах (становление, воздействие, отношение и др.). Словарь фиксирует новую расстановку сем в дефинициях устойчивых вторичных значений. Например: *болеть₂ 'испытывать тревогу, беспокойство, страдать'*; *взорваться₂ 'выразить негодование'*; *возгнать / взгнать₂ 'привести в какое-л. состояние (обычно тяжелое)'*; *воспрянуть 'прийти в возбуждение'*; *воскресить / воскресать 'вызвать внутреннее обновление, вернуть силу, бодрость'*.

За счет новых категориально-лексических сем слова становятся двуденотативными: представление о старой, стершейся КЛС порождает внутренняя форма слова, а новая изображает эмоции в одном из стереотипных ракурсов. В смысловой структуре вторичных эмотивов наблюдается и ассоциативно-образная актуализация семантических признаков, обычно предметного характера, сохраняющая метафорическую мотивированность. Таким образом, вторичные эмотивы обобщаются за счет появления новой денотативной семы более абстрактного характера и (при наличии конкретных предметных сем) конкретизируются, порождая образное представление эмоций.

Приведем примеры активного употребления глаголов физического состояния жидкости *кипеть, плеснуться* в функции предикатов эмоций: *В нем кипело страстное негодование против женщины, с которой он связал жизнь* (В. Шукшин); *Испуг плеснул в ее*

глазах (В. Шукшин). В смысловой структуре этих глаголов, во-первых, появляются и актуализируются денотативные семы бытийности и возникновения, во-вторых, развивается образная ассоциация («подобно кипящей жидкости», «подобно плеску»), в-третьих, актуализируются семантические признаки обстоятельственного аспекта (проявляются бурно, интенсивно; мгновенно возникнуть, проявиться и исчезнуть). Исходная лексика различных семантически группировок, употребляемая в функции вторичных номинаций эмоций, может испытывать разнообразные смысловые трансформации (Бабенко, 1986).

Анализ внутренней «обратной связи» вторичных эмотивных значений (учет производной категориально-лексической семы эмотивности) с их первичными производящими значениями (учет производящей категориально-лексической семы различной денотативности) обнаружил определенные тенденции в пересекании эмотивной лексики.

Имеется ряд фундаментальных работ, в которых раскрывается образная основа этой лексики, своеобразие ее семантической структуры и функционирования (Аругюнова, 1976, 1988; Вольф, 1985; Телия, 1986, 1987). Авторы этих работ сходятся в едином мнении: пополнение лексики непредметного мира, в том числе и мира чувств осуществляется по преимуществу за счет конкретной лексики.

Самая разнообразная лексика — и направленная на мир, и направленная на человека, — развивая вторичные значения, пересекается с эмотивной лексикой. При этом отмечаются регулярные и нерегулярные связи.

Универсальный способ ассоциативно-образного изображения эмоций — использование лексики с семантикой уничтожения / разрушения (15,6% переносных значений), движения (15%), качества (15%), физиологического состояния и болезни (12,4%), температурных характеристик (11,6%), стеления/разделения (8,7%). Эта лексика в целом составляет 63,3% (660 семем) от общего числа метафорически-производных эмотивных значений. Именно она чаще всего пересекается с эмотивной лексикой.

Менее регулярны связи эмотивной лексики с лексикой конкретного физического действия (касания, давления, приобщения объекта переработки), с лексикой, ориентированной на мир животных, растений или обозначающей различные конкретные вещества и их признаки (вязкость, цвет, форму и др.).

Сильнее всего вторичные номинации вторгаются в ФСК слова эмоционального воздействия и становления эмоционального состояния.

Имеются определенные закономерности и в пересекании денотативных классов эмоций с различными лексическими группировками. Так, денотативный класс «горе» чрезвычайно активно пересекается с лексикой болезни (*болеть₂*, *переболеть₂*), кипения

(*накипеть₂*), физиологического жеста (*понюхать₂*, *хлебнуть₃*), звучания (*стонать₂*), горения (*палить₆*, *пропечь / пропекать₂*), исчезновения (*сдохнуть / выдохнуть₃*, *таять₂*). Но больше всего в этом классе представлена лексика уничтожения (*казнь₃*, *душить₂*, *загрызть_{2, 3}*, *заесть / заедать*, *заклевать*, *затравить* и др.) и повреждения (*надорвать₄*, *надлом₃*, *истрепать / истрепывать₂*, *раздирать₃* и др.). Таким образом, горе, как самое трагическое и тяжелое чувство, ассоциируется в человеческом сознании с болью, разрушением, уничтожением.

Чувство беспокойства соотносится в первую очередь с представлением о горении (*сгореть₆*, *зажигательный₂*, *разжечь / разжигать₂*, *накаливаться / накаляться*, *распалиться / распалиться₂* и др.), с движением (*шатание₃*, *всколыхнуться₂*, *трястись₂* и др.), физиологическим состоянием и жестом (*горячка₂*, *зуд₂*, *лихорадка₂*, *охмелеть₂*, *пробуждение* и др.).

Лексика грусти отмечена многообразием ассоциативных связей, она пересекается с лексикой давления (*гнести₃*, *давить₂*, *теснить₃*), падения (*поникнуть / поникать*), состояния среды (*пасмурно₃*, *затуманиться / затуманиваться₂*, *туман*, *сумеречный*), цвета (*черный₁₂*, *темный₃*, *свинцовый₃*), становления определенного качества (*киснуть₂*, *раскиснуть / раскисать*, *скиснуть / скисать₂*).

Чувство злости ассоциируется с действиями и признаками отдельных животных (*окрыситься₂*, *ядовитый₂*, *щетиниться / ощетиниться₃*, *змеиный₂*), с болью и болезнью (*язва₃*, *язвить₃*, *жалить₂*), с кипением жидкого вещества (*кипятиться₃*, *пузыриться₃*).

Лексика неприязни пересекается с лексикой болезни (*тошнота₂*, *тошнотный₂*), физиологического жеста (*начихать₃*, *плевать₆*, *изрыгать / изрыгнуть₂*), разрушения (*рвать / разорвать*, *порвать₂*), деятельностью животных (*перегрызться₂*, *царапаться₃*).

Образ любви создается лексикой горения и огня (*огонь*, *пламенный₄*, *пламень₂*, *пылать₂*, *распалиться / распалиться₂*, *жар₄*, *пыль₂*), кипения жидкости (*кипеть₆*, *прикипеть / прикипать₂*), соединения (*прилепиться / прилепливаться*, *прилепляться₂*, *липнуть_{3, 7}*, *срастись₂*), каузативного движения (*притянуть / притягиваться₃*, *увлечь₄*, *закрутить / закручивать₅*).

В изображении чувства радости чаще всего используется космическая лексика (*звезда*, *солнечный*), лексика светозлучения (*просветлеть / светлеть₂*, *осветить / освещать*, *свет₇*, *светозарный*), физиологическая лексика (*пьянить / опьянить₂*, *пьяный₂*), лексика жизни (*воскреснуть / воскресать*, *ожить / оживать*), движения воздушных масс (*проветриться / проветриваться₃*, *проветрить / проветривать*, *освежиться / освежаться₂*).

Чувство одиночества по преимуществу образно изображается с использованием лексики трех тематических групп: лексики отделения (*отгородиться / отгораживаться*, *откачнуться*, *отодвинуться / отодвигаться₂*, *размежеваться₂*, *отгородить / отгораживать*), разруше-

ния (*порваться/порываться, рваться₂, расколоться/раскалываться₂, порвать/порывать, рвать₂, раздробить/раздроблять₂*) и низкой температуры (*холод₄, холодный₃*).

Лексика, пересекающаяся с лексикой равнодушия, в своей семной структуре содержит следующие актуализирующиеся признаки: черствость (*зачерстветь, черствый₂, черстветь*), твердость и неподвижность (*задеревенеть, закаменеть₃, каменеть_{2, 3}*), холодность (*охлаждение₂, остывший₂, остыть / остынуть, остывать₂, холод₃, прохладный₂*), сухость (*сушить / высушить₄, сухой₁₀*).

Подобным образом можно рассмотреть все денотативные классы эмотивной лексики и обнаружить, что каждое конкретное чувство имеет специфику образного изображения, которая, в частности, проявляется в уникальных связях ее с другой лексикой.

Структура лексического поля эмоций

В настоящее время в лингвистике прочно утвердился полевой подход к описанию различных языковых фактов (Бондарко, 1972, 1983). Если говорить о лексике, то нужно отметить, что сейчас активно разрабатывается как концепция полевой организации отдельной семемы (Стернин, 1985), так и концепция полевой организации лексических множеств.

Полевой принцип предполагает прежде всего выделение ядра и периферии исследуемого множества языковых средств. Как известно, ядро включает, во-первых, языковые средства, специализированные для выражения определенных категориальных значений, во-вторых, языковые средства, максимально воплощающие эти значения, в-третьих, наиболее употребительные языковые средства.

Если с этих позиций рассмотреть эмотивную лексику, то окажется, что ядро лексико-семантического поля эмоций (ЛСПЭ) образует категориально-эмотивная лексика (эмотивы-номинативы с исходными эмотивными смыслами), которая составляет 81% эмотивной лексики и полнее отвечает потребностям непосредственного обозначения эмоций, ибо эмоции в ней передаются ядерной категориально-лексической семой (КЛСЭ). Ближайшую периферию составляет дифференциально-эмотивная лексика (эмотивы-номинативы с включенными эмотивными смыслами), на которую приходится 13% всей эмотивной лексики и в которой эмотивные смыслы отражаются различными семантическими разновидностями дифференциально-эмотивных сем. Дальнейшая периферия представлена коннотативно-эмотивной лексикой (эмотивы-экспрессивы с сопутствующими эмотивными смыслами). Она составляет в словаре (в речи — иначе)

всего 6% эмотивной лексики. Ее семная структура включает эмотивные смыслы в сферу коннотации как сопутствующие. Схема лексического поля эмоций представлена на рисунке.

Если соотнести полевую организацию отдельной эмотивной семемы и полевую организацию всего ЛСПЭ составляет лексика, то можно отметить их изоморфизм: ядро ЛСПЭ составляет лексика, содержащая сему эмотивности в ядерной части лексического значения, ближайшую периферию (зону переходности) занимает лексика с включенной дифференциально-эмотивной семой, также находящейся в зоне переходности между ядром семной структуры и ее периферией, и, наконец, на периферии находится лексика, имеющая сему эмотивности в сфере коннотации, т. е. на периферии семной структуры системно-языкового значения.

Эмотивная лексика, составляющая ядро ЛСПЭ, неоднородна по грамматической оформленности. Если подключить к анализу динамический аспект, то можно отметить, что ядро ЛСПЭ также определенным образом структурировано (Бабенко, 1988).

Центр ядра составляют первичные изосемические предикаты эмоций, т. е. слова, содержательная природа которых, закрепленная в лексической семантике, соответствует их семантико-синтаксической функции в речи. Ближайшее окружение центра представлено вто-

ричными метафорическими предикатами эмоций (неизосемические предикаты), функционально-тождественными первичным предикатам, но отличающимися от них характером значения (метафорически-производное) и редкой употребительностью в речи. Зону переходности, удаленную от центра ядра и приближенную к его границам, занимают включенные предикаты эмоций, передающие информацию об эмоциях в свернутом, сжатом виде.

Итак, с учетом лексической и функциональной семантики классы эмотивной лексики в плане приоритетной стратегии распределяются следующим образом:

1. Эмотивы-номинативы базовые:

- 1) первичные изосемические предикаты эмоций с исходной категориально-эмотивной лексической семантикой типа *грустить*;
- 2) вторичные неизосемические предикаты эмоций с производной категориально-эмотивной семантикой типа *каменеть*²перен.
- 3) эксплицитные включенные предикаты эмоций с категориально-эмотивной семантикой типа *грустный, грустно* (нареч.);
- 4) эксплицитные включенные предикаты эмоций с производной категориально-эмотивной семантикой типа *казнь*³перен.

2. Эмотивы-номинативы дополнительные:

- 1) имплицитные (скрытые) включенные предикаты эмоций с дифференциально-эмотивной лексической семантикой типа *глупыш, засмотреться / засматриваться*.

3. Эмотивы-экспрессивы:

- 1) собственно эмотивы-экспрессивы с исходной эмотивной семантикой (междометия) типа *ах! увы!*;
- 2) эмотивы-коннотативы типа *пизюн*^{неодобр.}, *лизаться*^{зпренебр.}

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (стилистические функции в контексте фразы)

Как мы уже показали в предыдущих главах, обширный класс эмотивной лексики недостаточно изучен даже с системно-языковых позиций — с позиций языковой парадигматики и синтагматики. Еще в меньшей степени эта лексика изучена в функциональном аспекте, хотя сегодня именно функциональный аспект признается ключевым для лингвистических описаний. Особо важным представляется изучение функционирования эмотивной лексики в условиях художественной речи, так как раскрытие души человека, его внутреннего мира — главная задача художественной литературы, а основным средством изображения внутренних переживаний персонажа является именно эмотивная лексика разного рода. В данной главе содержатся наблюдения над употреблением эмотивной лексики в контексте фразы, выявляются различные функции этой лексики.

Конкретизация эмоций в речи

Эмотивная лексика предельно ситуативна: она в разной степени (и это зависит от частеречной выраженности) отражает многокомпонентность ситуации эмоциональной деятельности. Эмоции немыслимы без человека, их испытывающего (позиция субъекта). Они обязательно чем-то обусловлены (позиция объекта — источника чувств, их причины), на что-либо направлены (позиция объекта). Эмоции организованы параметрически: человек их испытывает обязательно в определенное время (позиция обстоятельства времени), в определенном месте (позиция обстоятельства места) и в определенной степени (позиция атрибута). Как видим, внутреннее содержание эмотивной лексики предполагает обязательные, экстралингвистически детерминированные линии конкретизации эмоций: субъектно-объектную и обстоятельственную. В речи наблюдается

различная по полноте реализации этих потенциальных ориентиров конкретизация.

Если говорить о художественной речи, то в ней чрезвычайно редко встречаются короткие, минимально конкретизированные фразы с эмотивной лексикой типа: *Я страдал* (С. Есенин); *Обеспокоился он* (Ч. Айтматов). Чаще всего эмотивные слова одновременно обозначают эмоции и характеризуют их в определенном синтагматическом окружении, поэтому фразы с эмотивной лексикой обычно распространены, развернуты, например: *Он влюбился в одну особу до потери сознания* (М. Зощенко); *Она улыбнулась восторгу его благодарности* (А. Пушкин). Контекстное окружение этих слов позволяет более конкретно и образно обозначить чувства персонажей. Для отражения полноты протекания эмоции наиболее приспособлены глаголы, поэтому имеет смысл остановиться специально на особенностях контекстов, включающих глагольную лексику эмоций.

Позиция субъекта. Глаголы чувств антропоцентричны и предполагают в этой позиции лексику, указывающую на одушевленное лицо: *Едигей гордился им* (Ч. Айтматов); *Я люблю этот город вязевый* (С. Есенин). В реальных фразах эта позиция субъекта со значением чувствующего лица заполняется словами разных лексико-семантических групп. Конечно, большая их часть обозначает человека, но встречаются фразы и с олицетворенным субъектом: *Листья клена целуют звезду* (Н. Заболоцкий); *Лишь один раз в сутки цветок радовался* (А. Платонов). Подобные фразы типичны для поэтической речи, для произведений о природе и детях.

Особую стилистическую значимость имеют фразы, содержащие в этой позиции слова, обозначающие традиционные «органы духовных чувств»: *глаза, грудь, лицо, душа, сердце*. Например: *Душа, померкнув, охладела* (А. Пушкин); *Душа радуется* (М. Зощенко); *Душа его умилилась* (Ч. Айтматов). Особое место среди фраз с метонимическим переносом занимают предложения с существительным *сердце* в субъектной позиции: *И уставало сердце плакать от нестерпимых этих мук* (Н. Заболоцкий); *Сердце радуется* (М. Зощенко).

Интересны фразы, субъектную позицию которых занимают имена эмоций: *И грусть вечерняя меня волнует непреодолимо* (С. Есенин); *Чужая радость так же, как своя, томит ее и вон из сердца рвется* (Н. Заболоцкий). Обычно предикаты здесь — глаголы эмоционального воздействия, сочетаемость с ними позволяет показать сложное эмоциональное состояние человека (см.: *грусть волнует меня* = *я грущу + я волнуюсь*). В поэтической речи с предикатами эмоционального воздействия сочетается и пропозитивная лексика, лексика природы: *Радуют тайные вести... / Вечная правда и голос лесов / Радуют душу под звон кандалов* (С. Есенин); *Чем обычной простое растение, тем живее волнует меня первых листьев его появление на рассвете весеннего дня* (Н. Заболоцкий).

В плане выражения реального субъекта используются как первичные, так и вторичные синтаксические формы, причем доля вторичных форм достаточно велика. Это обусловлено, очевидно, тем, что в языковой системе имеется тип безличного предложения, специально приспособленного для концентрированного изображения психического состояния с обозначением субъекта в дополнительной, а не главной формально-синтаксической позиции.

Позиция объекта. Значение объекта эмоциональной деятельности принципиально отличается по содержанию от конкретного объекта, подвергающегося физическому изменению в результате какого-либо действия. Основное его значение, отмечаемое Н. А. Прокуденко (1969) и Н. И. Шапиловой (1967), — это значение объекта-источника, объекта — причины переживаемой субъектом эмоции. Кроме того, объектный уточнитель может эксплицировать содержание эмоционального процесса (Арутюнова, 1976, с. 126), протекающего в субъекте, указывать на предмет или лицо эмоционального отношения или воздействия. Таким образом, глаголы чувств могут сочетаться со словами разных семантических групп, как предметными, так и личными, в этом отношении язык предоставляет писателю широкие возможности: *Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновенья* (Н. Заболоцкий); *Люблю безмолвных уст и взоров приговор* (А. Фет). Анализ реализации этих возможностей в текстах разных писателей, изучение состава лексики объектной позиции позволяют выявить индивидуально-авторские особенности, проявляющиеся в избирательности объектной конкретизации.

Обстоятельная конкретизация семантики глаголов чувств наблюдается значительно реже объектной, но ее стилистическая значимость в тексте велика. Обстоятельства образа действия акцентируют прежде всего качественную неповторимость эмоций. Эту функцию подчеркивания уникальности эмоций выполняют слова самой различной частеречной принадлежности, слова различные по типу семантики — обобщенные, конкретные. Например: *Я страшно люблю вас* (А. Грин); *Люблю до радости и боли / Твою озерную тоску* (С. Есенин). *Как умеет любить хулиган, как умеет он быть покорным* (С. Есенин). Здесь изображены близкие по существу эмоции (опорный предикат *любить*), различие которых подчеркнуто обстоятельными словами (*страшно, до боли, до радости, как*). В результате палитра эмоциональных тонов обогащается, насыщается оттенками. Так, в прозе А. Грина обычно подробно и тщательно исследуется внешнее проявление чувств персонажей, особое внимание при этом уделяется изображению того, как смеются герои, как «звучат» их эмоции. В этом случае градация передается выбором из синонимического ряда соответствующего глагола, а конкретизация — сочетаемостью с различными характеризующими словами. Персонажи Грина смеются, улыбаются, хохочут, усмеваются —

беспричинно, тихо, насильно, углами рта, блаженно, обидно, одобрительно, невесело, неловко, болезненно...

В этой же функции качественно характеризующих слов при глаголах чувств активно используются различные предложно-падежные формы существительных типа *без радости и обиды, с любовью, без раздражения, в слезах* и др. Обычно эти предложно-падежные формы имеют в контексте сложное комплексное значение. Например, в следующих фразах из рассказов А. Грина они имеют орудийно характеризующее значение: *Детина растерянно улыбнулся горюливой, угодливой улыбкой...*; *Казак захохотал громким, резким смехом...*; *Он стал смеяться судорожным мелким смешком*. В подобных фразах именно определения коммуникативно значимы, именно они являются основным средством изобразительной конкретизации (ср.: *смеяться смешком — смеяться судорожным мелким смейком*).

Наблюдается конкретизация протекания чувств и в пространственно-временных аспектах действительности.

Временная актуализация протекания чувств передается номинациями двух типов. Первый тип номинации указывает на длительность, временную протяженность: *Я навеки люблю тебя* (С. Есенин); *...Долго сердиться не пришлось* (В. Крапивин). Ко второму типу обозначений времени относятся предложно-падежные сочетания, деепричастные обороты, придаточные предложения, т. е. те средства, которые призваны обозначать конкретное реальное время, например: *Он вдруг озлобился* (А. Грин); *Она смутилась, вспомнив, что Труженник гребет и может принять это за понукание* (А. Грин). Обстоятельства этого типа передают эмоциональные состояния персонажа как протекающие в различные моменты его судьбы, являются необходимым средством, подчеркивающим динамику и текучесть чувств.

Отмечаются специфические особенности лексического заполнения позиции обстоятельства места при глаголах чувств. Богато представлены здесь местоимения, предложно-падежные формы: *Мы оба станем грустить в упругой тишине* (С. Есенин); *Отпустил я в синей мгле* (С. Есенин).

В позиции обстоятельства причины интересными в стилистическом отношении оказываются фразы, заполненные предложно-падежными сочетаниями с именами чувств типа *плакать от чувства любви, страдать от горя, смеяться от радости, усмехаться с иронией*. В этих фразах причиной эмоций, обозначаемых глаголом, предстает другое чувство, обозначенное обстоятельственным словом. В результате подобного изображения создается впечатление нерасчлененного комплекса эмоций, сложного чувства.

Анализ лексического окружения глаголов чувств обнаруживает основные линии текстовой конкретизации их семантики. Глаголы чувств на языковом словарном уровне (вне текста) предельно отвлеченно обозначают человеческие эмоции в их основных, суще-

ственных признаках (любить — ненавидеть — страдать — презирать и др.). В речи (тексте) наблюдается стремление показать уникальность эмоций, даже родственных по сути. Текстовая актуализация неповторимости обозначаемых эмоций достигается различными языковыми средствами, и прежде всего — специфическим лексическим заполнением прилагательных позиций, акцентирующим длительность и временную протяженность чувства, его многоаспектность и сложность, самобытность каждого конкретного эмоционального состояния.

Второй по представленности грамматический класс эмотивной лексики — существительные. Их употребление в качестве знаков эмоций принципиально отличается от глагольных слов. Только существительные способны передавать отвлеченное представление об эмоции, употребляясь в позиции заглавия (например, «Любовь» (А. Ахматова); «Горе» (В. Шукшин); «Тоска» (А. Чехов) и др.). В этом случае весь последующий текст является семантическим развитием темы-ключа. Но чаще всего имена эмоций употребляются в контексте фразы и не самостоятельно, а при поддержке глагола, обычно метафорического, участвуют в образной конкретизации чувств персонажа. Имена эмоций при этом могут находиться как слева, так и справа от глагола: *Неприянь к людям, злоба на них заполнила все в нем, расползлась болезнью страшнее реки* (В. Астафьев); *В следующий миг напрягся он, чтобы рвануться со всей обидой и яростью* (В. Крапивин). Во фразах с этими глаголами затушевывается субъектная конкретизация: реальный субъект — носитель состояния не называется, он в подтексте. Эмоции отвлекаются от их носителя, абстрагируются, передаются как самодовлеющие сущности. Это обусловлено тем, что позицию субъекта здесь занимают названия эмоций, а глаголы выполняют функцию характеризующего их признака. В результате подчеркивается активность самих чувств, их изменчивость: *Стыд и ярость взметнулись в Серее!* (В. Крапивин); *И вдруг прилив бешеной тоскливой злости вошел в него и растерзал душу* (А. Грин).

Имена эмоций используются в предложениях различной структуры, что имеет определенные стилистические последствия. Так, если имена эмоций используются в позиции субъекта двухэлементных предложений в паре с метафорическим предикатом, то подчеркивается активность самих чувств: *По воскресеньям наваливалась особенная тоска* (В. Шукшин); *Его душевная тяжесть растаяла* (А. Грин).

Трехэлементные предложения содержат наряду с позицией субъекта и предиката еще и позицию объекта-адресата, предмета, на который направлено или с которым связано чувство. Здесь также в позиции субъекта чаще всего встречаются имена чувств, а в паре с ними в объектной позиции «работают» имена лиц и обозначения органов чувств. Тип лексики имеет особое значение. Так, если в пози-

ции грамматического объекта находится обозначение реального субъекта, то во фразе обычно передается активное воздействие чувств на человека: *Ненависть густо обволокла Листницкого* (М. Шолохов). Особенно активны метонимические обозначения реального субъекта. Вот несколько примеров из произведений М. Шолохова: *Лицо Богатырева черной лапой испялнил гнев...*; *Ужас коверкал его лицо...*; *Страх налил мутью его глаза...* Во фразах, содержащих слова *лицо, глаза*, передается одновременно и внутреннее, скрытое эмоциональное состояние персонажа, и проявление этого состояния в его внешности. В результате изображение эмоций конкретизируется, становится многофокусным: душа рисуется изнутри и внешне, в ее проявлениях.

Специализированный контекст способствует также анализу изображения эмоций: эксплицитно обозначается отдельным словом (чаще — именем, реже — наречием) существенный признак конкретной эмоции, который обычно имплицитно включен в качестве дифференцирующего семантического признака в семную структуру первичных глаголов чувств (ср.: *волноваться — росло волнение, тосковать — тоска разрывала*). Вторичные предикаты в зависимости от своей семантики актуализируют какой-либо динамический признак эмоций. По нашим наблюдениям, в функции предикатов чувств при этом активнее представлены содержательные глаголы конкретной семантики, которые метафоризируются и развивают ассоциативно-образное значение в результате актуализации семантических признаков обстоятельственного аспекта и включения предметных сем (Бабенко, 1986).

Сравнение — еще одно (наряду с метафоризацией) средство образной конкретизации эмоций, усиливающее их изображение в тексте. Употребляются сравнительные конструкции разного рода: творительный сравнения, сравнительный оборот, сравнительное прилагательное. Творительный сравнения предельно емко, кратко дает образное представление эмоций. Например: *Полюбил я с тоской журавлиною / На высокой горе монастырь* (С. Есенин); *Угрызения совести шерстили сердце, подчмянной мукой кидались в лицо* (Д. Фурманов).

В качестве объекта сравнения писатели используют самые разнообразные предметы и явления окружающей действительности, но слова, их обозначающие, обязательно содержат семантические признаки, согласующиеся со смыслом метафорического глагола и усиливающие его образный смысл: *Радость сверкнет зарницей, нет, молнией скорее, и укатится перекатым громахьянем* (В. Астафьев); *Чапаев нервно дергался, и злыми огоньками блестили его волчьи серо-синие глаза* (Д. Фурманов); *Лишь у Васьки синим чертополохом цвела радость* (М. Шолохов). Повтор ассоциативной семы усиливает наглядность, зрительность образа (см.: *сверкнуть зарницей, молнией; блестеть огоньками; цвести чертополохом*).

Наблюдаются определенные особенности в сочетаемости глагола-метафоры и слов в позиции объекта сравнения. Глаголы физиологического состояния, конкретного действия обычно сочетаются со словами, обозначающими животный мир: *Счастье сидело в ней пушистым котенком* (А. Грин). Особенно много сравнений подобного рода в прозе М. Шолохова: *А теперь горе сердце Арсения берет волчьей хваткой...*; *И ужас липкой гадюкой перевивает горло...*; *В сердце змеей жалость греется к нему*. В таких фразах чувство (обычно негативное) предстает живым существом, властвующим над человеком: жалость — змея, горе — волчица, ужас — гадюка.

Негативные чувства писатель сравнивает не только с хищными и ядовитыми животными, но и с болезнью: *Охваченный внезапным приступом горячей тоски, он лег под плетень ничком; ...Пухла, водяной разливалась тревога в сердцах казаков*. Благодаря этим сравнениям возникает образ чувства болезни, недуга, т. е. конкретизируется обобщенный образ чувства страдания, мучения. Подобные сравнения встречаем и у других писателей, например у А. Грина: *Скука томила Сергея и нетерпеливым зудом тревожила тело*.

В сравнительных оборотах обнаруживаются те же линии ассоциаций чувств с окружающим миром, что и в глаголах-метафорах, в творительном сравнения. Чувства сравниваются с кипящей жидкостью: *...Я волновался, как кипятки в закрытой кастрюле* (А. Грин); с музыкой: *Нежная и тихая печаль странной дружбы ласкала его душу, как отдаленная музыка* (А. Грин); с физиологическим состоянием человека: *Лишь тогда тяжелая тревога / В трех сердцах растаяла, как сон* (Н. Заболоцкий). Иногда объектом сравнения оказывается сам человек в его различных ипостасях. Так, символом чистоты, искренности чувств оказывается ребенок, дитя: *На первый звук я, как дитя, заплачу* (А. Фет); *Все мы порою, как дети, / Часто смеемся и плачем* (С. Есенин). Символом большой преданности и верности является чувство, подобное отношению к Родине, матери, дому: *Полюбил я мир и вечность, как родительский очаг* (С. Есенин). Иногда объектом сравнения становится человек, находящийся в определенном состоянии и при определенных обстоятельствах: *Она начинала терзаться, как немой, которому необходимо сказать что-то смешное и решающее* (А. Грин); *Разоренное, взорванное сознание его конвульсивно стряхивало тяжесть мгновения и слабело, как приговоренный, отталкивающий веревку* (А. Грин).

В сравнительных оборотах чувства сопоставляются и ассоциативно сближаются с разнообразными явлениями и реалиями окружающей природы: атмосферными явлениями, растительным миром, пространственными константами: *Бешеный восторг, подобно разливу, расправлял в его душе свой безбрежный круг* (А. Грин); *Огрубело сердце, зачерствело, будто солончак в засуху* (М. Шолохов); *Я вас люблю, / Как шумную Куру* (С. Есенин). Сближение мира природы

и мира чувств естественно и понятно: пейзаж в художественной речи всегда тесно связан с внутренним миром персонажей.

Сравнительные обороты позволяют также более развернуто представить образно сопоставляемые явления: *...Я остановился, глотая волнение маленькими глоточками, как лед в полдень* (А. Грин); *Их грустный вид, / Как речь безмолвная могилы, / Горячку сердца холодит* (А. Фет); *Только легкая грусть, словно дымкой, обволакивала его сердце* (М. Шолохов). В таких контекстах актуализируется ассоциативно-образная картина чувств и одновременно подчеркиваются отдельные аспекты их протекания. Так, сравнение *как лед в полдень* подчеркивает спасительный и в то же время обжигающий характер чувства, сравнение *словно дымкой* рисует, как постепенно и несильно чувство овладевает человеком, а сравнение *как речь безмолвная могилы* усиливает изображение глагольной метафорой (*холодит*) представления о парализующем воздействии чувства на человека.

Значительно реже в художественной речи встречаются развернутые сравнения, выраженные целыми предложениями: *И лицо с внимательными глазами, с трудом, с усилием, как открывается заржавевшая дверь, — улыбнулось* (Л. Толстой); *Как солончак не впитывает воду, так и сердце Григория не впитывало жалости* (М. Шолохов). Причем в таких сравнительных конструкциях редко встречается уподобление чувств ситуациям из мира природы и мира неодушевленных предметов, чаще всего объектом сравнения в них является сам человек в типичной, знакомой и понятной ситуации: *...Я оробел и ждал графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра* (А. Пушкин); *Любил он родину и землю, как любит пьяница кабака* (С. Есенин). В ряде случаев сравнительные придаточные предложения используются для образного обозначения уникальных, необычных чувств, не передаваемых одним словом: *Федор сразу растерялся, но и виду не дал, как внутри вдруг перевернулось, охолодело, будто полили жаркие внутренности мятым раствором* (Д. Фурманов); *Непомерно тяжело стало ему носить свою душу, словно бы обвисла она и пригнетала Командора к земле* (В. Астафьев).

Итак, в сравнениях чувства не только ассоциируются с отвлеченными понятиями, но и прежде всего конкретизируются, будучи наглядно, выразительно и предметно представленными в мельчайших своих проявлениях.

Повторная номинация также используется для усиления представления эмоций и их конкретизации в тексте: *Она улыbnулась и, улыбаясь, скрылась в боковой двери* (А. Грин); *И ему все нравилось, он всему поражался, удивлялся про себя, отмечал* (Ю. Трифонов). Компонентами номинационных цепочек, участниками повторной номинации могут быть глаголы разной степени семантической близости: максимальной (повторяемые раз-

личные грамматические формы одного глагола, глаголы-синонимы) и минимальной (повтор глаголов разных семантических подгрупп ЛСГ глаголов чувств, повтор глаголов-антонимов). В зависимости от характера смысловой соотносительности членов номинационных цепочек и под воздействием контекста повтор глаголов чувств дает различный стилистический эффект.

Самая основная, доминирующая и свойственная всем типам номинационных цепочек функция повтора — это функция экспрессивного выделения, подчеркивания описываемой ситуации в тексте. Если повторяются тождественные лексемы, которые при этом контактно расположены, то описываемое чувство не просто выделяется — в добавление к этому подчеркивается его интенсивность и длительность: *Чтобы устоять на ногах, цепко схватилась за плечо сына и все плакала, плакала, оглушенная горем* (Ч. Айтматов); *...Он винил и винил себя, но это не значило, что винил только себя* (В. Маканин). Чаще всего подобные контактные повторы тождественных лексем встречаются в речи персонажей, что способствует передаче взволнованности их речи: — *Я вас люблю, — сказал Бурнин, — я вас люблю страстно* (А. Пушкин); *М а е т с я она, ой м а е т с я* (В. Распутин).

В авторской речи усилительная функция повтора осложняется дополнительными смысловыми оттенками за счет контекстного окружения. Так, часто за счет развернутой объектной конкретизации глагольной семантики достигается и конкретизация описываемого чувства в целом: *Он жалел себя, и раненых соседей, бабочку, расклеенную ветром по стеклу, срубленное дерево, худых коров на полях, испитых детишек на станциях; жалел свою воспоминания, жалел женщину, оставшуюся на пустынной площади украинского местечка* (В. Астафьев). В результате подобного изображения чувств актуализируется интенсивность эмоции (повтор глаголов), подчеркивается направленность чувства персонажа на весь окружающий мир, передается всеохватность этого чувства (конкретизирующие объектные позиции).

В художественной речи встречается конкретизация и другого рода: от обобщенной номинации — к конкретной: *Лиза сияла — сияло ее лицо, обычно бледное, унылое, сияли, захлебываясь от радости, глаза, сияла под голубенькой кофточкой прогнувшаяся грудь — сияло все, сияла вся, сияла вовсю* (В. Распутин). Здесь первая глагольная номинация констатирует определенную эмоцию персонажа, вторая номинация подчеркивает ее, а лексическое окружение глагола характеризует чувство по его объективной направленности или по обстоятельственным признакам.

Сочетания глаголов-синонимов также активно используются для подчеркивания и выделения в тексте ситуации эмоциональной деятельности: *Он негодовал и сердился* (А. Грин); *И тогда, как ни страшно было бы, искичалась, исплакалась,*

на вь л а с ь б ы над останками (Ч. Айтматов). На парадигматическом уровне эти глаголы-синонимы воспринимаются как слова имеющие минимальные стилистические и смысловые различия. В контексте же актуализируются в первую очередь их различительные признаки и чувства предстают многоаспектными, интенсивными, объемными. Наряду с языковыми глаголами-синонимами активно употребляются и контекстуальные синонимы: *Едигей на х му р и л с я отчужденно, еще больше по с у р о в е л* (Ч. Айтматов); *Их матери берегут и холят* (В. Астафьев). Синонимы этого типа также позволяют передать чувства крупным планом, многоаспектно и выразительно. Таким образом, использование глаголов, связанных на уровне языка или речи отношениями тождества, усиливает представление ситуации эмоциональной деятельности в тексте, при этом актуализируется интенсивность эмоций, конкретизируется объект — источник чувств и аспекты протекания чувств, эмоции передаются укрупненно, рельефно.

В художественной речи в однородном ряду с глаголами чувств встречаются глаголы самых разных ЛСГ слов, так как сближение и контаминация ситуаций — свойство художественной речи (Чернухина, 1977, с. 74). Это сближение ситуаций стилистически значимо, причем сближение разных ситуаций обусловлено уже не только целями изобразительного плана, но и мировоззрением автора его концепцией характера, поэтому имеет смысл анализировать сочетаемость глаголов-предикатов разных ЛСГ в текстах одного писателя. В данной главе мы лишь укажем в общем плане основные тенденции сочетаемости глаголов чувств с другими глаголами-предикатами в художественной речи.

Прежде всего надо отметить широкие возможности сочетаемости глаголов чувств с другими глаголами в одной предикативной позиции, здесь нет каких-либо определенных ограничений на сочетаемость, что, видимо, обусловлено самой ситуацией эмоциональной деятельности: человек чувствует, переживает разные моменты своего существования — когда работает, думает, говорит, отдыхает и т. д. Рядом с глаголами чувств встречаются глаголы движения: *В Болгарии вечерами гуляли в свитерах и очень любили друг друга* (Ю. Трифонов); глаголы конкретного физического действия: *Феша узнав про Илькины дела, расчувствовалась и насыпала ему пригоршню леденцов* (В. Астафьев); глаголы мысли: *Или меньше, чем надо, молилась, или меньше страдала, думала о нем?* (В. Распутин); глаголы речи: *Он так разозлился, что закричал на меня* (В. Белов); глаголы физического положения в пространстве: *А Костя стоит посреди дороги, совсем растерялся* (В. Белов); глаголы физиологического состояния: *Три ночи не спал, колебался и мучился* (Ю. Трифонов); глаголы существования: *Сейчас я живу спокойно и не каюсь ни в чем* (В. Белов) и др. Несмотря на многообразие типов сочетаемости

глаголов-предикатов, можно выделить с учетом частотности самые характерные модели этих сочетаний: глагол чувства+глагол движения; глагол чувства+глагол конкретного физического действия; глагол чувства+глагол мысли; глагол чувства+глагол речи; глагол чувства+глагол положения в пространстве; глагол чувства+глагол физиологического процесса и состояния; глагол чувства+глагол существования.

Глаголы чувств чаще сочетаются с глаголами конкретного физического действия, глаголами речи, движения и мысли. В каждом отдельном случае наблюдаются свои особенности сочетаемости и стилистический эффект также различен, но можно отметить и общие стилистические тенденции сопряжения различных ситуаций.

Прежде всего таким сопряжением достигается временная конкретизация мотивной ситуации, которая имеет два проявления.

Во-первых, во фразах с однородными глаголами чаще всего отражается реальная временная последовательность ситуаций: *Трифон Летяга разозлился и крикнул...* (В. Астафьев). Обычно основное значение временной последовательности осложняется в тексте дополнительными смысловыми оттенками, в частности, в данном контексте явно ощущается причинно-следственная связь ситуаций.

Во-вторых, однородные глаголы (особенно сочетания с глаголами существования, мысли, движения) передают одновременность ситуаций: *...Я же тебя понимаю и жалею* (Ю. Трифонов); *Ходим и злимся друг на дружку* (В. Распутин). Во фразах такого типа происходит сближение, контаминация ситуаций, возникает представление о некоей целостной, комплексной ситуации. Особенно тесно связаны ситуации существования и эмоциональной деятельности: *На ней, на этой капельке, идет жизнь, люди рождаются, умирают, любят и страдают* (В. Астафьев); *Я здесь живу и чувствую* (А. Платонов).

Изображение динамики, текучести и изменчивости чувств

Специализированное средство передачи динамики эмоций — лексика становления эмоционального состояния, содержащая в своей семной структуре субстанциональную сему «становление». Кроме этого класса слов, в изображении динамики чувств участвуют вторичные глаголы-предикаты. По нашим наблюдениям, именно глаголы движения, а также глаголы, содержащие сему «движение» в самом общем виде (глаголы увеличения, уменьшения, столкновения, уничтожения и др.), — наиболее частотное средство обозначения эмоциональной деятельности человека (Бабенко, 1986).

Фразовым средством изображения динамики эмоций является **повторная номинация**. В повторной номинации также могут участвовать глаголы, связанные на уровне языка отношениями включения и предпочитающие «такое соотношение компонентов двух слов при котором одно из слов как бы повторяется в другом, «включается» в него. Но при этом в одном из них, в том, которое включает в себя другое, помимо общей части, есть еще специфическая, дифференцирующая часть» (Кузнецова, 1980, с. 30). Таким образом, это сочетание более обобщенного глагола с более конкретным: *Ну, да чего же я ее люблю! Да что там люблю, обожаю просто* (В. Астафьев). *Любить* — 'испытывать любовь к кому-н.', *обожать* — 'испытывать чувство сильной любви к кому-н.'. Второй глагол содержит дополнительный семантический компонент, указывающий на степень чувства и различающий эти слова. В результате контекст, содержащий одновременное употребление этих глаголов для обозначения одного чувства, изображает нарастание степени этого чувства, градацию его. Порядок расположения глаголов может быть различным, обобщенный глагол встречается как в препозиции, так и в постпозиции: *И ему все нравилось, он всему поражался, удивлялся про себя* (Ю. Трифонов). Но при любом порядке расположения компонентов номинационных цепочек подчеркивается именно степень нарастания одного чувства.

В повторной номинации часто участвуют слова, имеющие минимальные различия, обусловленные грамматическими свойствами глаголов-предикатов (*любить* — *полюбить*, *нравиться* — *понравиться*, *злиться* — *разозлиться* и т. п.): *Понимал, что не любит, не полюбит, нутром понимал...; Я вспоминаю Ларису, которую любил, а возможно, люблю и сейчас* (Б. Колесников). Ситуация в этих контекстах передается прежде всего в динамике. Повторение глаголов акцентирует описание эмоции в тексте, а глагольные приставки, различные частицы, интонация и сами синтаксические конструкции манифестируют динамику чувств, причем динамику различного рода: от чувства в прошлом — к его протеканию в настоящем, от настоящего — к будущему, от прошлого через настоящее к будущему.

Глаголы чувств, интегрируемые в одну ЛСГ слов категориально-лексической семьей «испытывать какое-либо чувство», распределяются по разным семантическим подгруппам с учетом дифференциальных семантических признаков. В условиях художественной речи они активно употребляются в одном синтагматическом ряду: *Гуськов не удивился и не обрадовался* (В. Распутин); *...Горевал замполит, жалея лейтенанта и радуясь, что не выбито из человека человеческое — успел вот когда-то втюриться, мучается, тоскует, счастья своего хочет* (В. Астафьев); *Многo любил я и много страдал* (С. Есенин). В сочетаниях подобного рода глаголы оказываются связанными отношениями пере-

сечения. При этом категориально-лексическая сема, манифестируемая рядом слов, усиливает в целом представление ситуации эмоциональной деятельности в тексте, а семантические признаки, указывающие на конкретные чувства (страх, любовь, боязнь, испуг и др.), актуализируют сложность описываемой ситуации, ее многокомпонентность. Подобным образом передается комплексное эмоциональное состояние, состоящее и складывающееся из ряда отдельных эмоций, степень близости которых может быть различной: *Он радовался этому эффекту, но только все тревожился* (Д. Фурманов); *Я любил Испанию и ненавидел ее врагов* (Ю. Трифонов). Очень много номинационных цепочек этого типа встречается в прозе А. Куприна, Ю. Трифонова, А. Грина, В. Шукшина. В повествовании А. Грина обычно эти глаголы располагаются контактно, при этом не наблюдается объектной или обстоятельственной конкретизации: *Геник смутился и взволновался...; Это взволновало и рассердило его...; Я ненавидел его, завидовал ему...* Как видим, подобные сочетания глаголов различных семантических подгрупп являются средством обозначения сложных чувств, состоящих из близких по тональности эмоций персонажа (*любить* — *уважать*, *злиться* — *ненавидеть*), и могут изображать комплексные чувства, состоящие из полярных эмоций (*любить* — *ненавидеть*).

Противоречивость эмоциональной деятельности персонажа, представляющей собой комплекс различных эмоций, передается и глаголами эмоционального жеста: *...Они обнялись и плакали* (И. Айтматов); *И девочка ликует и смеется* (Н. Заболоцкий). Часто в одном ряду оказываются глаголы чувств, обозначающие внутреннее, скрытое эмоциональное состояние, и глаголы, обозначающие внешнее проявление эмоций: *Не жалею, не зову, не плачу* (С. Есенин); *Энох, увидев сына, обрадовался и поцеловал его в лоб* (А. Грин). Эти словесные формы, встречаясь вместе, передают комплекс эмоций и жестов: *Старики жили, как сироты, и тяжело вздыхали по ночам, точно похоронили дочь* (А. Чехов).

Итак, для обозначения эмоционального состояния персонажа как динамического переживания, изменчивого, а порой и противоречивого в своем течении, писатели используют различные лексико-стилистические приемы.

ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ. ЭМОТИВНЫЕ СМЫСЛЫ В СОДЕРЖАНИИ ТЕКСТА

Художественный текст, как и любое другое произведение искусства, имеет абсолютный антропоцентрический характер, так как «искусство в состоянии скорее создать адекватную картину не внешнего мира... а картину субъективных миров — внутренней духовной жизни человека во всей ее целостности и полноте» (Постовалов, 1988, с. 39). Именно человек, его внутренний мир, духовные искания и переживания всегда составляли и составляют центр литературного произведения. В связи с этим основной признак художественных текстов в семиологическом освещении состоит в том, что они «заклюают в себе не только информацию о действительности, сложный мир чувств, настроений, стремлений человека. Они захватывают читателя, слушателя, зрителя не только своими идеями, но эмоциональным отношением к жизни, ощущением прекрасного, возвышенного» (Храпченко, 1987, с. 328). Эмоциональное содержание — неперемный компонент семантической структуры текста, оно пронизывает всю ткань произведения, не оставляя равнодушным читателя.

Чувства, изображенные в тексте, — результат художественного познания душевной жизни и поведения человека. Именно в художественном произведении чувства отображены в единстве с личностью как неотторжимое свойство человека, составляющее его сущность. Не случайно литературоведы, философы, критики, анализируя литературные произведения, в первую очередь обращаются к исследованию психологизма. Имеются блестящие образцы подобного анализа, выполненные преимущественно с литературоведческими позициями (Выготский, 1986; Бахтин, 1979; Виноградов, 1980; Гинзбург, 1977, 1979). Исследуя природу психологизма и отмечая сложность процесса отображения эмоций в художественном тексте, ученые призывают не упрощать представление о них: «С социальной психологической типологией обращаться надо осторожно, чтобы не превратить ее в средство грубого упрощения душевной жизни и

литературных воплощений» (Гинзбург, 1977, с. 18). Сложность процесса отображения эмоций в литературном произведении связана с тем, что они оказываются только материалом изображения, трансформирующимся в сознании художника слова.

Исследование отображения эмоций в литературном произведении в идеале должно быть синтетическим, многоаспектным и опираться на достижения и методику анализа ряда наук, но современный объем философских, литературоведческих, психологических и эстетических знаний настолько велик, что делает подобный синтетический подход к анализу художественного текста затруднительным. Вследствие этого мы считаем возможным ограничиться собственно лингвистическим подходом к анализу психологического содержания художественного текста, тем более, что автор художественного произведения, отображая мир человеческих чувств в их целостности и неповторимости, опирается на те запасы эмотивных средств, и прежде всего лексических, которые имеются в языке. Естественно, что при таком подходе несколько огрубляется представление об эмотивном содержании текста, но подобный собственно лингвистический анализ актуален и необходим в связи с полной его неразработанностью и может послужить фундаментом дальнейших литературоведческих изысканий.

Подобный анализ стал возможным именно сейчас благодаря разработке основных проблем лингвистики текста, в том числе проблем его семантической организации.

В талантливом тексте заложен смысловой заряд огромной силы воздействия, не ограниченный местом и временем, ибо содержание художественного текста не замкнуто и относительно бесконечно. Об этом свидетельствует тот факт, что великие произведения искусства не утрачивают актуальности многие века и в разные времена интерпретируются и воспринимаются по-разному. Очевидно, в этом и заключается основная трудность научного определения объема категории «содержание текста». Имея в виду относительную растяжимость смысла текста, исследователи пытаются выявить хотя бы существенные его составляющие, к которым относят обычно систему образов, тематические мотивы, идейно-образное содержание, авторские интенции и оценки (Гальперин, 1981; Гак, 1974; Купина, 1983; Поляков, 1978; Торсуева, 1986). Эти компоненты содержания текста обозначаются и выделяются в различных комбинациях и объеме, но в любом случае они пересекаются при описании содержания текста.

И. Р. Гальперин считает целесообразным «рассматривать содержание как совокупность смыслов, представляющую собой некое завершенное целое, в котором отражается представление автора об описываемых фактах, событиях в их развертывании, в их характеристиках и взаимосвязях» (1982, с. 42; см. также: Новиков, 1982, с. 110). Далее он отмечает: «Смысл нечленим, содержание членимо. Содержание обычно неповторимо... Смысл может повторяться»

(1982, с. 110). Итак, смысл — элементарный семантический компонент содержательной структуры художественного текста. Текст содержит множество таких элементарных смыслов (темпоральные, локальные, конкретно-предметные и др.), но обязательными в этом ряду оказываются эмотивные смыслы.

Различные элементарные текстовые смыслы соотносятся с ситуациями, изображенными в тексте, и при этом квалифицируются по-разному: как денотат (Новиков, 1982, с. 57; Колшанский, 1987, с. 39), как обозначение (или номинация) (Гак, 1974, с. 61), как предметный смысл (Купина, 1983, с. 106). Многообразие терминологии, призванной обозначать семантические компоненты текста, показывает, что идет поиск единиц смыслового анализа текста. Пока еще нет общепризнанной системы этих единиц, поэтому в качестве предмета семантического анализа предлагаются текстовые составляющие разного рода. Причем эти элементарные текстовые смыслы отображают объекты как материального, так и идеального характера, включая эмотивные состояния и отношения человека (Колшанский, 1987, с. 39). Таким образом, эмотивные смыслы — важнейшие компоненты содержания художественного текста.

Как показано в ряде исследований, в тексте обнаруживается иерархия семантических слагаемых: текст — это семантический комплекс, который «состоит из совокупности денотатов, отражающих иерархию подтем и субподтем» (Новиков, 1982, с. 110). Содержание текста организовано иерархически. Вершину иерархии составляет индивидуально-авторская концепция мира (Поляков, 1978, с. 66), ибо любое произведение представляет собой субъективный образ объективной действительности. В этом заключается парадоксальный секрет художественного текста: отображая действительность, художник обнаруживает себя, и наоборот, выражая свои думы и чаяния, он отображает мир, себя в мире. В результате этого плоть художественного произведения, оторгнутая материально от своего создателя, в то же время несет на себе его печать. Она, как двуликий Янус, имеет лицо создателя (образ автора) и лик объективной действительности (образ мира). Вследствие этого содержание художественного текста бинарно, что отражается и в терминологии: субъективное — объективное содержание, логическое — эмоциональное, рациональное — эмоциональное.

Основополагающие категории текста, являющиеся носителями субъективного и объективного, — автор и герой.

Чувства, которые автор приписывает персонажу, предстают в тексте как объективно существующие в действительности (диктальные), а чувства, испытываемые автором и выражаемые им, имеют субъективную окраску (модальные). В соответствии с этим в целостном тексте с учетом ансамбля образов персонажей гармонически переплетаются диктально-эмотивные смыслы (персонажный уровень) и модально-эмотивные смыслы (уровень авторского сознания),

совокупность которых и составляет эмотивное содержание текста.

Образ автора и образы персонажей — фигуры не равновеликие в художественном произведении. Автор — центральное действующее лицо его, связанное крепкими узами с изображенным в нем миром действительности, в том числе и с миром героев. Очень образно охарактеризовал эту связь М. М. Бахтин: «Автор — носитель напряженно-активного единства завершеного целого, целого героя и целого произведения... Сознание героя, его чувство и желание мира — предметная эмоционально-волевая установка — со всех сторон, как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нем и его мире. Живой носитель этого единства завершения и есть автор, противостоящий герою как носителю открытого и изнутри себя не завершившего единства жизненного события» (1979, с. 14—15). Выделяя в качестве отдельного объекта исследования эмоциональную структуру образов персонажей, мы понимаем относительную условность их независимости от автора в контексте целого произведения.

Бинарность эмотивного содержания обусловлена не только текстовыми свойствами носителей чувств (автор — персонаж), но и функционально. Как отмечает В. И. Постовалова, «мировидение имеет две базисные функции — интерпретативную (осуществлять видение мира) и вытекающую из нее регулятивную (служить ориентиром в мире, быть универсальным ориентиром человеческой жизнедеятельности)» (1988, с. 25). Можно предположить, что целостное эмотивное содержание предполагает обязательную интерпретацию мира человеческих эмоций (уровень персонажа) и оценку этого мира с позиции автора, с целью воздействия на этот мир, преобразования его.

Содержание текста, в том числе эмотивное, — это не нечто отдельное по отношению к тексту, оно осуществляется в тексте различными языковыми средствами и прежде всего — лексикой. Существует мнение, что «смысл задается главным образом за счет расчленения отобранных на основе замысла слов, т. е. их сочетаний» (Новиков, 1982, с. 115). Главная нагрузка в создании идейно-эмоциональной концепции художественного текста падает на лексику. В зависимости от степени воздействия семантики слова на семантический объем текста выявляются слова с различным семантическим радиусом действия (Макарова, 1985, с. 77—79). Особенность семантики эмотивной лексики — ее пропозитивный характер, способность обозначать эмотивные ситуации в разной степени развернутости (что зависит от частеречного оформления слов).

Эмотивная лексика неравноценна по способам выражения эмотивных смыслов, соответственно можно предположить, что и степень ее воздействия на содержание текста будет различной. В то же время, учитывая наличие в словах этого множества сем эмотивности, можно еще до текстового анализа утверждать возможность лексических связей этих слов. Слова, содержащие родственные семантические

компоненты, объединяются и включаются в общий смысловой комплекс и выполняют одинаковые текстовые функции. Свой набор подобных функций имеет и эмотивная лексика (Бабенко, 1988).

Итак, обращаясь к выяснению роли эмотивной лексики в смысловой структуре текста, в частности в структуре образа автора и образов персонажей, нужно исследовать ее семантический радиус, парадигматические связи, ассоциативные связи, типологию текстовых фрагментов, включающих эту лексику, эстетико-стилистическую значимость в содержании всего текста. Процесс исследования текстовых функций слов при этом может идти по двум направлениям: от слова к текстовой функции и от функции в тексте — к слову. Считаем, что полезно совместить оба подхода. Выявляя на предварительном этапе анализа всю эмотивную лексику из одного законченного текста, мы в дальнейшем анализируем ее взаимодействие с содержанием текста.

Способы манифестации эмотивных смыслов и, следовательно, воплощения эмотивных ситуаций разнообразны: от свернутых (семный конкретизатор, слово) и минимально развернутых (словосочетание, предложение) до максимально развернутых (фрагмент текста, текст). Эмотивные текстовые смыслы разнообразно взаимодействуют друг с другом: пересекаются и расходятся, притягиваются и отталкиваются. В результате подобного взаимодействия складывается эмотивное содержание художественного текста. При относительно безграничном многообразии текстовых эмотивных смыслов выделяются две их типологические разновидности.

Эмотивные смыслы в структуре образа персонажа

Эмоции персонажа изображаются как бы особой психической реальностью. Совокупность их в тексте — своеобразное динамическое множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир персонажа в различных обстоятельствах, в отношениях с другими персонажами.

Извлекая из текста эмотивную лексику и рассматривая ее в изоляции от текста, мы получаем лишь приблизительное, самое поверхностное представление о наборе эмотивных смыслов, реализуемых в тексте в целом в плане их однотипности / разнотипности, монотональности / политональности. Например, в рассказе В. Шукшина «Обида» значительно преобладает изображение негативных эмотивных смыслов, тональность которых задается заглавием. К подобным же, тяготеющим к монотональности текстам можно отнести рассказы «Горе», «Ванька Тепляшин» (доминантный ряд «тоска»), «Случай в ресторане» (доминанта «любовь, симпатия»), «Медик Володя» (доминанта «радость»), «Ноль-ноль целых» (доминанта «злость

возмущение»). В то же время манера психологического анализа Шукшина отличается и стремлением к изображению политональности, разнообразию воплощения эмотивных смыслов. Так, в рассказе «Верую!» представлена яркая палитра эмоциональных смыслов (жалость, злость, любовь, ненависть, возбуждение, покой, удивление и др.), крайними полюсами которых являются чувства веры и тоски, обслуживаемые в тексте многочисленными лексическими номинациями (около 30 обозначений чувства веры и примерно столько же номинаций тоски).

В рассказе «Страдания молодого Ваганова», который в дальнейшем мы избираем в качестве объекта текстового анализа эмотивных смыслов, также обнаруживается богатство и разнообразие эмоций: спокойствие, досада, любовь, вина, жалость, беспокойство, волнение, удивление, испуг, предчувствие, раздражение, злость, нежность, тревога, страдание, боязнь, смущение, одиночество, озабоченность, доверие, терпение, горе, сомнение, обида, искренность, несдержанность, растерянность, гордость и др. Как видим, здесь изображаются и близкие по тональности чувства (любовь, нежность), и полярные (спокойствие — раздражение, уверенность — сомнение). Отторгнутые от текста и рассматриваемые вне связи с ним, эмотивные смыслы выглядят хаотическим набором, немотивированным и случайным. Только в плоти рассказа они живут естественно, обусловленные замыслом автора и характерами персонажей.

Рассмотрение эмотивных смыслов с различных текстовых позиций позволяет определить их разновидности. Эта типология может быть выявлена путем анализа форм воплощения эмотивных смыслов в тексте (подход от формы к функции) и путем специального рассмотрения и последующего обобщения их текстовых функций.

Диктально-эмотивные смыслы имеют различный ранг значимости в тексте, что обнаруживает анализ их структурно-синтаксического воплощения.

Фразовые эмотивные смыслы

Они характеризуются минимальной развернутостью (только в рамках фразы). В рассказе «Страдания молодого Ваганова» к ним можно отнести чувство неуместной, на первый взгляд, радости, неожиданно испытываемое озабоченным и расстроенным Поповым, когда он приходит со своим горем к следователю: — *Я тут... это... характеристику принес, — сказал мужчина. И, обрадовавшись, что нашел дело рукам, озабоченно стал доставать из внутреннего кармана пиджака нечто, что он называл растерянностью.*

Эта мимолетная радость еще сильнее подчеркивает растерянность и беду Попова. Дальше в тексте эта эмоция больше не повторяется. Так же и чувство удовлетворения, испытываемое Вагановым,

остаётся неразвернутым в тексте, звучит один раз: — *Ну-ну-ну — легче, матушка, — с удовлетворением думал молодой Ваганов. — Подождем пока цыпляток считать.* Обычно эти смыслы имеют сопровождающий, дополнительный характер и уточняют, обогащают эмоциями различные действия и состояния персонажа.

Семантический радиус эмотивной лексики, сигнализирующий эти эмотивные смыслы, ограничивается рамками фразы. Чаще всего подобным образом делается легкий штрих, дополняющий портретную характеристику персонажа и не всегда обнаруживаемый сразу.

Фрагментные эмотивные смыслы

Эти смыслы обычно совпадают с микротемой отдельного текстового фрагмента, сложного синтаксического целого. Так, раскрывая перед читателем психологическую сущность Поповой, В. Шукшин явно использует только две краски, в соответствии с чем выделяется два фрагмента. При первом появлении этой женщины на страницах рассказа, писатель подчеркивает ее фамильярность, грубость, наглость, самоуверенность, прорывающиеся в ее манере говорить. Затем изображается, как под влиянием разговора со следователем в душе Поповой разрушается уверенность, уступая место настороженности, растерянности. Цепочки фраз, показывающие динамику этих эмотивных смыслов, функционируя в рамках одного текстового фрагмента, цементируют и скрепляют его: *Попова насторожилась... Вопросительно посмотрела на молодого следователя, улыбнулась заискивая... / ...Женщина сказала «ага», поднялась, прошла к двери, обернулась, озабоченная... / Женщина вовсе растерялась / От растерянности она пошла опять к столу и села на стул, где только что сидела... / Уходила она не так уверенно, как вошла... / Женщина была сбита с толку. Она даже в голосе поддала.* Здесь, как видим, семантический радиус слова распространяется на все пространство фрагмента. Слова сцепляются, семантически контактируют друг с другом. Весь фрагмент в целом изображает крупным планом, как в замедленной съемке, формирование и развитие одной эмоции — от слабого намека на нее (*насторожилась*) до полного ее раскрытия. И последний аккорд — власть вызревшей эмоции, проявившаяся в жесте (*даже в голосе поддала*). Это лишь один из вариантов реализации фрагментных эмотивных смыслов, которыми богат художественный текст.

Фрагмент — это единица структурного деления текста, имеющая и собственное композиционное устройство, и соответствующие внешние формы повествования, в зависимости от которых выделяются различные типы фрагментов (Золотова, 1984).

По типовому содержанию анализируемые нами текстовые фрагменты сближаются: в них выражаются эмотивные смыслы персонажного уровня. Все они ориентированы на одну тему — тему эмоций

персонажа. По типу речевой организации с учетом контекстно-вариативного членения текста выделяются различные текстовые фрагменты: описание, повествование, размышление, рассуждение (Гальперин, 1982, с. 19; Кожинов, 1964, с. 434). Эта традиционная классификация, обогащенная идеями семантического синтаксиса, получила новую жизнь в концепции регистровых разновидностей речи, предложенной Г. А. Золотовой. Г. А. Золотова на сетку традиционных функциональных типов речи накладывает два типа регистра речи — изобразительный и информативный — и в результате получает 5 основных регистровых разновидностей речи: «I^a — изобразительно-повествовательный, I^b — изобразительно-описательный, II^a — информативно-повествовательный, II^b — информативно-описательный, II^b — информативно-логический регистры» (1984, с. 169).

Если с позиций этой классификации посмотреть на эмотивные текстовые фрагменты, то оказывается, что разного рода эмотивные смыслы способны воплощаться в первую очередь при помощи изобразительного регистра речи. В частности, именно ориентация на изобразительность отличает манеру психологического анализа В. М. Шукшина.

Изобразительно-повествовательный регистр: *Ваганов свернул к почте. Зашел. Взял в окошечке бланк телеграммы, присел к обшарпанному, заляпанному чернилами столику, с краешку, написал адрес Майи... Несколько повисел перышком над линией, где следовало писать текст... И написал: «Приезжай».*

И уставился в это айкающее слово... Долго и внимательно смотрел. Потом смял бланк и бросил в корзину.

Текстовый фрагмент повествует о сомнении и неуверенности, поселившихся в душе Ваганова, но прямо эти чувства не называются. Писатель показывает цепочку действий-жестов персонажа, акцентируя пунктуационно (многоточия) и лексически (*повисел перышком, уставился, долго смотрел*) нерешительность Ваганова. Такой способ косвенного изображения эмоций через повествование о поступках персонажа очень показателен для В. М. Шукшина.

Изобразительно-описательный регистр: *...Часам к четырем утра Ваганов закончил большое письмо. На улице было уже светло. В открытое окно тянуло холодком раннего июньского утра. Ваганов прислонился плечом к оконному косяку, закурил. Он устал от письма. Он начинал его раз двадцать, рвал листы, изнервничался, испсиховался и очень устал. Так устал, что теперь неохота было переписывать письмо. Не столько неохота, сколько, пожалуй, боязно: никакой там ясности, кажется, нету, ума особого тоже. Ваганов все время чувствовал это, пока писал, — все время чувствовал, что больше кокетничает, чем...*

В данном фрагменте писатель тщательно анализирует сложное

эмоциональное состояние персонажа, интенсивность которого вызывает физическую усталость.

Есть точка зрения, в соответствии с которой диалог рассматривается как одна из форм описательного контекста. «Диалогический контекст... средство создания образа, причем этот образ «иконный», т. е. воплощающий в себе подробное описание внешнего и внутреннего облика персонажа» (Гальперин, 1982, с. 28).

Эмотивный диалог является средством психологического самовыражения персонажа. В его структуре встречаются реплики, в разной степени эмотивно заряженные. Приведем фрагмент диалога Ваганова и Попова, где Ваганов, пытаясь разобраться в своем чувстве, обращается за советом к Попову. Бросается в глаза парадоксальность этой ситуации, этого разговора: следовательно и последовательный меняются местами.

— Павел, — в раздумье начал Ваганов про то главное, что томило, — хочу с тобой посоветоваться... — Есть у меня женщина, Павел... Нет, не так. Есть на свете одна женщина, я ее люблю. Она была замужем, сейчас разошлась с мужем и дает мне понять... — Вот теперь только почувствовал Ваганов легкое смущение — от того, что бестолково начал. — Словом, так: люблю эту женщину, а связываться с ней боюсь.

— Чего так? — спросил Попов.

— Да боюсь, что она такая же... вроде твоей жены. Пропадут, боюсь, с ней. Это ж на нее только и надо будет работать: чтоб ей интересно жить было, весело, разнообразно... Ну, в общем, все мои замыслы побоку, а только ублажай ее.

— Ну-у, как же это так? — засомневался Попов. — Надо, чтоб жизнь была дружна, чтоб все вместе: горе — горе, радость — тоже...

— Да постой, это я знаю, — как нужно-то! Это я все знаю.

— А что же?

У Ваганова пропала охота разговаривать дальше. И досадно стало на кого-то.

Как видим, диалог перенасыщен эмотивной лексикой. Это диалог сюжетный (Кожин, Крылова, Одинцов, 1982), ключевой, в нем отражается большое психологическое напряжение персонажа, запутавшегося в полярных чувствах, сомневающегося. Сигнал этого — ключевая фраза, произнесенная в отличие от предыдущих решительно и твердо: *Словом, так: люблю эту женщину, а связываться с ней боюсь*. Дальше идет самоанализ героя, объясняющего, почему он боится любви. Эмотивные смыслы в диалоге передаются синтаксическими сигналами: недоговоренностями (*Есть у меня женщина, Павел...*), перебивками (*Нет, не так*), повторами (*Да постой, это я знаю — как нужно-то! Это я все знаю*), инверсией (*Это я все знаю*), восклицаниями и т. д. Л. Гинзбург, исследуя прямую речь в художественной литературе, говорила о высказываниях персонажей, обнаруживающих эмоции: «Прямая речь персонажей обладает... возмож-

ностями непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний» (1979, с. 50).

Ярким, сильным средством психологической характеристики персонажа в условиях текстового фрагмента являются разные формы внутренней речи, непосредственно направленной на внутренний мир персонажей (Виноградов, 1980, с. 224). Основные разновидности ее — прямая внутренняя речь (в традиционной терминологии — внутренний монолог) и изображенная внутренняя речь (в традиционной терминологии — несобственно-прямая речь) (Гончарова, 1983, с. 96). Обе эти формы активно представлены в произведениях В. Шукшина.

В рассказе «Страдания молодого Ваганова» встречаем цепочку контекстов с внутренней речью Ваганова. Например: *У него так заколотилось сердце, что он всерьез подумал: «Вот так, наверно, падают в обморок». И ничуть этого не испугался...; А сердце нет-нет да и подмывает: «Неужели же она моей будет? Ведь не страну же, в самом деле, едет повидать, нет же. Нужна ей эта страна, как...»; ...Вот теперь вдруг ясно и просто подумалось: «А может, она так? Способна она так любить?»* Ведь если спокойно и трезво подумать, надо спокойно и трезво же ответить себе: *вряд ли*. Приведенные выше контексты — примеры с неразвернутой внутренней речью персонажа, прорывающейся в авторскую речь в моменты накала эмоционального переживания. Об этом свидетельствуют и препозитивно расположенные эмотивные номинации: *заколотилось сердце, сердце нет-нет да и подмывает* и др.

Для ткани рассказа характерны и развернутые текстовые фрагменты с внутренней речью персонажа типа следующего: *...То, что они выложили перед ним, — вот что спутало мысли и чувства. «Ну, хорошо, — вконец обозлился на себя Ваганов, — если уж ты трус, то так и скажи себе — трезво. Ведь вот что же произошло: эта Попова непостижимым каким-то образом укрепила тебя в потаенной мысли, что и Майя — такая же, в сущности, профессиональная потребительница, эгоистка, только одна действует тупо, просто, а другая умеет и имеет к тому неизмеримо больше. Но это-то и хуже — мучительнее убьет. Ведь вот же что ты здесь почувал, какую опасность. Тогда уж так прямо и скажи: «Все они одинаковы!» — и ставь точку, не начав письма. И трусь, и рассуждай дальше — так безопаснее. Крючок конторский!»*

Ваганов долго сидел неподвижно за столом. Он не шутя страдал.

Внутренняя речь Ваганова обрамляется эмотивными номинациями, имеющими комментирующий характер. Препозитивная номинация (*вот что спутало мысли и чувства*) готовит читателя к восприятию самоанализа персонажа, пытающегося разобраться в своих спутанных чувствах. Постпозитивная эмотивная номинация подчеркивает напряженность переживаний персонажа, переросших в страдания.

Внутренняя речь по преимуществу имеет аналитический характер, но может быть выстроена и в форме внутреннего диалога, спора персонажа с самим собой: *...Нету в душе желанной свободы. Нет уверенности, что это не глупость, а есть там, тоже, наверное, врожденная трусость: как бы чего не вышло! Вот же куда все уперлось, если уж честно-то, если уж трезво-то. «Плебей, сын плебея! Ну, ошибись, наломай дров... Если уж пробивать эту толщу жизни, то не на карачках же! Не отнимай у себя трезвого понимания всего, не строй иллюзий, но уже и так-то во всем копать... Это же тоже — пакость, мелкость. Куда же шагать с такой нищей сумой! Давай будем писать. Будем писать не поэму, не стрелы будем пускать в далекую Майю, а скажем ей так: что привезешь, голубушка, то и получишь. Давай так».*

Саморегулятивная по характеру внутренняя речь персонажа изображает новый виток в его психологическом состоянии: от мучительных сомнений, вызывающих у него злость, раздражение, страдание, он начинает избавляться и пытается убедить себя в этом.

Еще один вариант речи персонажа в тексте — несобственно-прямая речь, или изображенная внутренняя речь (Гончарова, 1983), пережитая речь (Арнольд, 1981), непрямая речь (Виноградов, 1980). Она так же, как и внутренняя речь, направлена на внутренний мир персонажа и, по мнению В. В. Виноградова, «уже непосредственно, «прямо» затрагивает вопросы чужого чувства» (1980, с. 224).

В прозе В. М. Шукшина это один из излюбленных приемов раскрытия внутреннего состояния его героев. Например: *Но винить или обижаться на Майю Ваганов не мог: во-первых, никакого права не имел на это, во-вторых ... за что же винить, Ваганов всегда знал: Майя ему не чета. Жалко, конечно, но... А может, и не жалко, может, это и к лучшему: получи он Майю, как дар судьбы, он скоро пошел бы с этим даром на дно. Он бы моментально стал приспособленцем: любой ценой захотел бы остаться в городе, согласился бы на роль какого-нибудь мелкого чиновника... Не привязанный, а повизгивал бы около этой Майи. Нет, что ни делается — все к лучшему, это верно сказано.*

Фрагмент насыщен эмотивной лексикой, особенно в первой части. Вторая часть конкретизирует эмоции, названные в зачине. Эмотивное содержание фрагмента обогащается и синтаксисом фраз: использованием вопросительных предложений, сегментированных конструкций, повторов. В плане аранжировки эмотивных смыслов фрагмент представляет собой самоанализ героя. Эту направленность не прямой речи на психологический анализ отмечал в свое время еще В. В. Виноградов.

Информативно-логический регистр. Обычно эта регистровая разновидность — характерная особенность авторской речи. В прозе В. Шукшина она активно используется при выражении эмотивных смыслов и в репликах персонажей, в диалоге:

— *Я так скажу, товарищ Ваганов < ... > С той стороны, с женской, — оттуда ждать нечего. Это обман сплошной. Я тоже думал об этом же... Почему же, мол, люди жить-то не умеют? Ведь ты погляди: что ни семья, то разлад. Что ни семья, то какой-нибудь да раскосяк. Почему же так? А потому, что нечего ждать от бабы... Баба, она и есть баба.*

— *Семья человеку нужна, это уж как ни крутись. Без семьи ты — пустой ноль. Чего же тогда мы детей так любим? А потому и любим, чтоб была сила — терпеть все женские выходки.*

Все выделенные выше композиционно-стилистические варианты контекста в составе целого текста взаимодействуют, «все они взаимосвязаны и взаимопроницаемы» (Гальперин, 1982, с. 19), так как «синтез повествовательного и описательного контекстов является характерной чертой языка художественной прозы» (там же, с. 21).

Чаще всего в прозе В. М. Шукшина встречается контаминация прямой внутренней речи и авторских описаний с вкраплениями повествования, например: *Так начал Ваганов свое длинное письмо... Он отодвинул его, склонился на руки. Почувствовал, что у него даже заболело сердце от собственной глупости и беспомощности. «Попугай! Что это, Майя? Что это, Майя? Тьфу!... Слизняк». Это, правда, было как горе — эта неопределенность. Это впервые в жизни Ваганов так раскорячился... «Господи, да что же делать-то? Что делать?» Повспоминал Ваганов, кто бы мог посоветовать ему что-нибудь — он готов был и на это пойти, — никого не вспомнил, никого не было здесь, кому бы он не постыдился рассказать о своих муках и кому поверил бы. А вспомнил он только... Попова, его честный, прямой взгляд, его умный лоб... А что? «А что, Майя? — съязвил он еще раз со злостью. — Это ничего, Майя. Просто я слизняк, Майя».*

Возможна контаминация прямой речи и несобственно-прямой речи: — *Опять не сдюжил! Ах ты, господи, — какие ведь мы несдюжливые! — Ваганов встал из-за стола, прошелся по кабинету. Зло брало на мужика, и жалко его было. Причем тот нисколько не бил на жалость, это Ваганов, даже при своем небольшом еще опыте, научился различать: когда нарочно стараются разжалобить, и делают это иногда довольно искусно. — Ведь если ты сдюжил и спокойно подал на развод, то еще посмотрели бы, как вас рассудить: возможно, что и... Впрочем, что же теперь об этом? В этом текстовом фрагменте эмоционально-регулятивная прямая речь персонажа направлена на эмоциональную оценку другого персонажа.*

Встречаются и другие модификации контаминированной речи персонажа, когда, наоборот, прямая речь — его открытое психологическое самовыражение, а несобственно-прямая — диалог-спор с самим собой, регулятивный по направленности: — *Павел, — в раздумье начал Ваганов про то главное, что томило, — хочу с тобой посоветоваться... — Ваганов прислушался к себе: не совестно ли,*

как мальчишке, просить совета у дяди? Не смешон ли он? Нет, не совестно, и вроде не смешон. Что уж тут смешного! — Есть у меня женщина, Павел... Нет, не так. Есть на свете женщина, я ее люблю...

Как считает И. Р. Гальперин, «есть некая модель, матрица чередования видов контекстно-вариативного членения, обусловленная в известной степени и членением объемно-прагматического плана» (1982, с. 27). Видимо, обусловленность здесь имеет прежде всего концептуально-стилистический характер, мотивирована индивидуально-авторскими особенностями. Так, для манеры В. М. Шукшина доминирующей является установка на интроспективный показ внутреннего мира персонажа с активным использованием различных форм несобственно-прямой и изображенной внутренней речи. Подобное использование «приемов интроспективного показа персонажа способствует психологизации его образа и художественного повествования в целом» (Гончарова, 1983, с. 96).

Характерная особенность коммуникативной стратегии эмотивных текстовых фрагментов в идиостиле В. М. Шукшина — интенсивное увеличение напряжения. В плане содержания эти фрагменты характеризуются изображением комплексных, сложных эмотивных смыслов с доминантой какого-либо из них.

Общетекстовые эмотивные смыслы

Условия их бытования — целостный текст. Проводником этих смыслов является в первую очередь эмотивная лексика. Как мы отмечали ранее, фразовые и фрагментные эмотивные смыслы также рождаются эмотивной лексикой, обладающей при этом иррадирующим эффектом, т. е. оказывающей воздействие на контекст и конкретизирующейся в нем. В случае с текстовыми эмотивными смыслами взаимодействие текстовой и лексической семантики иное: возрастает роль и влияние общетекстовой семантики, оплодотворяющей и обогащающей семантику отдельных слов, которые в результате этого включают в свою лексическую семантику новые смыслы и приобретают статус ключевых единиц. Наблюдается одновременно символизация и конкретизация лексической семантики: слово и обобщается в тексте, и конкретизируется текстом.

Одна из труднейших задач лингвистики текста — выделение подобных ключевых элементов текста, ибо они хотя интуитивно и осмысливаются как таковые, но последовательной методикой их обнаружения и анализа пока нет (Новиков, 1982, с. 147).

По общепринятому мнению, которое заключено в следующем высказывании И. В. Арнольд, «семантически, тематически и стилистически наиболее существенными являются повторяющиеся в данном тексте значения, а в плане обозначающего особенно важны редкие слова и слова, выступающие в необычных сочетаниях» (1981, с. 130). Таким образом, основные приемы текстового выдвигания важней-

ших элементов содержания текста — это повтор смысла и средств, его обозначающих, с одной стороны, и использование средств окказиональной номинации, с другой.

Обратимся к конкретному тексту. В анализируемом нами рассказе В. М. Шукшина ключевую эстетическую значимость имеет эмотивный смысл «страдание», характеризующий психологию главного персонажа. Этот смысл вынесен в сильную позицию текста — в заглавие, которое концентрирует на нем внимание читателя, ориентирует на восприятие эмотивного содержания определенной тональности. Весь последующий текст рассказа является художественно-образной конкретизацией эмотивной семантики заглавия.

Содержательно-фактуальная информация начала рассказа не содержит прямых указаний на характер страданий персонажа. Наоборот, первая фраза светла и оптимистична: *Молодой выпускник юридического факультета, молодой работник прокуратуры, молодой Георгий Константинович Ваганов был с утра в прекрасном настроении*. Затем идет серия описаний душевных движений Ваганова, полных противоречий, которые он испытывал в прошлом и о которых ему напомнило полученное письмо: ожидание (*Ждал от жизни всего...*) — неожиданность (*...Но этого письма никак не ждал*); желание (*...Хотелось увидеть Майю*) — досада (*...Не оставляло навязчивое какое-то досадное сравнение*); жалость (*Жалко, конечно...*) — отсутствие жалости (*А может, и не жалко, может, это и к лучшему*); спокойствие (*Так Ваганов успокоил себя...*; *Тем он и успокоился*) — беспокойство (*...Ему казалось, что успокоился; ...В таких делах не успокаиваются*).

В. Шукшин рисует, как, получив письмо от некогда любимой девушки, Ваганов испытал гамму приятных чувств, основу которых составляют волнение, нежность, сладострастное предчувствие встречи. Первый сигнал неблагополучия, диссонирующего с состоянием Ваганова, прорывается из действительности и нарушает равновесие Ваганова: *Но тут дверь кабинета медленно, противно заняла... Ваганов мгновение помедлил и сказал, не очень стараясь скрыть досаду*. Настроение досады, раздражения, злости усиливается из-за прикосновения Ваганова к нелепой жизненной драме семьи Поповых, проникающей в его сознание, смущающей его своей типичностью. Независимо от воли и желания главного персонажа, эта история захватывает его и в ее свете он видит и свое будущее: на его мечты о любви и счастье накладывается история несостоявшейся любви Поповых. Это порождает сложное, мучительное состояние, прорывающееся в следующем внутреннем монологе Ваганова: *Э-э, — с досадой подумал про себя Ваганов, — повело тебя, милый, заезжил. Что случилось-то? Прошла перед глазами еще одна бестолковая история неумелой жизни... Ну? Мало ли их прошло уже и сколько еще пройдет! Что же, каждую примерять к себе, что ли? Да и почему — что за чушь! — почему какой-то мужик,*

чувствующий только свою незащищенность, и его жена, обнаглевшая, бессовестная, чувствующая, в отличие от мужа, полную свою защищенность, почему именно они, со своей житейской неумностью, должны подсказать, как ему решить теперь такое — такое! — в своей непростой, не маленькой, как хотелось и думалось, жизни? И автор далее комментирует: *Но вышло, что именно после истории Поповых у Ваганова пропало желание «обстреливать» далекую Майю. Утренняя ясность и взволнованность потускнели. Точно камнем в окно бросили — все внутри встревожилось, сжалось...*

Мы видим, как сменяющие друг друга всплески чувств Ваганова нарастают, усиливаются, становятся мучительными (досада → волнение → тревога → страх). В этом проявляется особенность функционирования тематических единиц, основанная, по мнению И. Г. Ольшанского, на принципе контрапункта: «...тематически ведущие слова и ключевые предложения как бы поочередно дают «всплески» информации, вступая в отношения гармонии и контраста, взаимно усиливая или нейтрализуя друг друга» (1983, с. 56).

Следующий внутренний монолог уже содержит прямое лексическое указание на эмотивный смысл «страдание»: *...Но это-то и хуже — мучительнее убьет. Ведь вот же что ты здесь почувал, какую опасность. И наконец, следует авторская квалификация психологического состояния Ваганова: Ваганов долго сидел неподвижно за столом... Он не шутя страдает. Впервые появившаяся номинация ключевого для персонажа эмотивного смысла далее изображается вариативно: прямой внутренней речью (*Не отнимай у себя трезвого понимания всего, не строй иллюзий, но уже и так-то во всем копаться...*); описанием внутреннего состояния (*Почувствовал, что у него даже заболело сердце от собственной глупости и беспомощности*); передачей цепочки жестов с констатацией состояния (*Он устал от письма. Он начинал его раз двадцать, рвал листы, изнервничался, испсиховался и очень устал*).*

В тексте наблюдается динамическое становление смысла «страдание», кульминацией его являются фразы: *Это, правда, было как горе — эта неопределенность. Это впервые в жизни Ваганов так раскорячился... Никого не было здесь, кому бы он не постыдился рассказать о своих муках и кому поверил бы.* В целом в изображении страдания Ваганова обнаруживается конвергенция приемов. Многочисленные лексические сигналы эмотивного смысла «страдание» (*мука, мучительно, страдать, горе, испсиховаться, изнервничаться, раскорячиться* в значении «страдать») сопрягаются в тексте с эмотивными смыслами «боязнь», «сомнение», «любовь», «злость», «надежда» и др. Под их воздействием эмотивный смысл «страдание» обрастает различными эмотивными наслоениями и становится в результате этого сложным, многокомпонентным, состоящим из ряда различных, порой полярных эмоций. Компонентами общего смысла

«страдание» оказываются смыслы мучительного разлада героя с самим собой, неуверенности, страха.

Вершину иерархии этих компонентов составляет все-таки сема «страдание», акцентированная заглавием, которое имеет форму внешней аллюзии и представляет собой ассоциацию с всемирно известным произведением И. В. Гете, почти повторяет его название (ср.: «Страдания молодого Вертера» — «Страдания молодого Ваганова»). Текстовые ассоциации — результат сжатия классического сюжета, представленного в заглавии и одновременно возрожденного в развернутом текстовом повествовании в новом варианте. Так, история Ваганова — это и повторение истории Вертера, и новое ее осмысление.

Предтекстовая пресуппозиция, представляющая собой «как бы предзнание определенного текста и... часть наших знаний о мире» (Караулов, 1981, с. 288), играет огромную роль в восприятии этого литературного произведения. История Вертера знакома всем. Подлинный предмет изображения в «Вертере» — любовь, неистовая страсть. Гете внимательно изучает и показывает читателю мельчайшие душевные движения героя. В. Шукшин предлагает нам еще одну версию несчастной любви. Время вносит изменения в сознание и душу человека, а писатель, познавая их, запечатлевает эти изменения в образах своих персонажей. Так, молодой юрист Ваганов уже не сгорает от несчастной любви, его любовь не освещена трагическим светом, скорее ирония автора проглядывает в изображении страдания как любви-сомнения, любви-страха, нерешительной любви. В результате хрестоматийно знакомая роль играет в этом рассказе неожиданно, что и удивляет и привлекает читателя.

Мы выделили три разновидности эмотивных смыслов с учетом семантического радиуса эмотивной лексики (контекст фразы, текстовый фрагмент, целостный текст) и с учетом характера взаимодействия лексической эмотивной семантики и эмотивного содержания текста. Если сопоставить семантическую структуру эмотивного содержания в слове и тексте, то можно отметить некоторый изоморфизм: общетекстовые эмотивные смыслы напоминают по значимости категориально-лексические эмотивные смыслы, фрагментные и фразовые — дифференциально-лексические эмотивные смыслы.

Функционально-текстовые разновидности эмотивных смыслов в структуре образа персонажа

Исследователи категории литературного персонажа отмечают в качестве ее значимых характеристик наличие общего семантического центра, соотносящего серию портретных зарисовок, эпизодов, описаний действий и внутренних состояний и скрепляющего их в определенное единство, функционирующее в многообразных сюжет-

ных ситуациях (Гинзбург, 1977, с. 272; Гончарова, 1983, с. 87). Представление о мире эмоций персонажа, очевидно, также постепенно наращивается в тексте и в результате образует представление о целостном духовном мире, имеющем свой семантический центр, свою эмоциональную доминанту.

Эмотивные смыслы, включаемые в структуру персонажа, неравноценны по значимости в тексте, имеют разную функциональную направленность в создании образа литературного героя, в связи с этим выделяются следующие их типологические разновидности: интерпретационные, изобразительно-жестовые, эмоционально-оценочные смыслы.

Интерпретационные эмотивные смыслы

Это базовые, самые основные эмотивные смыслы, без них не может быть образа персонажа. Они олицетворяют скрытое состояние души персонажа. Представляя эти смыслы читателю, В. Шукшин использует прежде всего лексику состояния, отношения, воздействия, качества и характеристики. Так, в рассказе «Страдания молодого Ваганова» внутренний облик Поповой обозначается при первом же ее появлении характеризующим прилагательным *не робкая* и усиливается описанием типа ее поведения: *с замашками продавцовской фамильярности*. Характер Майи также сразу определяется характеризующим прилагательным *гордая (гордая девушка)*, а затем дополняется повтором одного и того же сравнения: *Майя похожа на деревянную куклу, сделанную большим мастером...; Она женщина, как все женщины, но к тому же изящная, как куклолка*. Это сравнение с куклой, усиленное эпитетом *деревянная*, мгновенно и ясно обнажает равнодушную неискренность, недружелюбность Майи.

В раскрытии внутреннего мира Ваганова, наоборот, доминируют эмотивные глаголы и безлично-предикативные слова, символизирующие подвижность его эмоциональной жизни, сменяемость чувств и их противоречивость. Следует выделить метафорически характеризующие эмотивные смыслы: *Он читал его, обжигаясь сладостным предчувствием... подождал, что под сердцем шевельнется нежность и окатит горячим, но горячим почему-то не окатило*. Показательно, что в анализируемом рассказе подобные смыслы используются именно при образной характеристике эмоциональной сферы Ваганова.

Особую эстетическую значимость в аспекте характеристики персонажа имеют окказиональные эмотивные номинации и окказиональные словоупотребления. Например, в рассказе «Страдания молодого Ваганова» встречаем следующие фразы, включающие подобные номинации: *Не привязанный, а повизгивал бы около Майи...; Все утро сладостно зудилось...; пробьет он ее деревянное сердечко...; Это впервые в жизни Ваганов так раскочерился*. Подобные окказиональные обозначения эмоциональ-

ных состояний преследуют цель передать уникальность эмоций. В художественной речи В. Шукшина встречается много подобных номинаций.

Характерологические эмотивные смыслы в большей степени тяготеют к экспликации, к обязательной манифестации лексическими средствами. В меньшей степени им свойственна текстовая импликация (Арнольд, 1982, с. 88), текстовая суггестия (Торсуева, 1986, с. 70), но в то же время и она имеет место. Так, нерешительность Ваганова, его склонность к сомнениям и внутренним противоречиям передается не только синтагматическим сопряжением далеких, порой антагонистических чувств, но и синтаксисом фраз, порядком следования частей высказывания, активным использованием противительных союзов. Осознание самим Вагановым сложного чувства любви-боязни осуществляется сначала в контексте несобственно-прямой речи: *Пока ясно одно: он любит Майю и боится сближения с ней. Боится ответственности, несвободы, боится, что не будет с ней сильным и деятельным и его будущее — накроется*. Здесь происходит усиление второго компонента этого сложного чувства по типу крендо за счет повтора, развернутой объектной конкретизации. Затем этот мотив начинает звучать громко в прямой речи персонажа, в ряде реплик, направленных Попову: *...Я ее люблю / ...Люблю эту женщину, а связываться с ней боюсь / Да, боюсь, что она такая же... вроде твоей жены. Пропадут, боюсь, с ней... / ...Люблю ее, и знаю, что она... никогда мне другом настоящим не будет*. В этом случае также наблюдается волнообразная текучесть эмоций (*люблю... / люблю, а боюсь; боюсь, что... / боюсь*) с доминированием и конкретизацией боязни. Но окончательного разрешения противоречия в пользу одного из компонентов нет.

Изобразительно-жестовые эмотивные смыслы

Главное их предназначение — символизировать поведением, жестами внутреннюю, скрытую эмоциональную жизнь персонажа. Этот тип индивидуально-художественной эмоциональной изобразительности академик В. В. Виноградов относил к приемам косвенной, побочной символизации переживаний героев (1980, с. 222). По его мнению, система эмоциональной изобразительности в русской литературе обогатилась А. С. Пушкиным, который создал «новые формы литературного театра», новые формы моторной изобразительности (1980, с. 221).

Выявление особенностей моторной экспрессии чрезвычайно важно для анализа художественного текста, ибо оно вскрывает портретную характеристику персонажа. Косвенная символизация переживаний героя редко достигается использованием системно-языковых лексических средств, призванных передавать моторику эмоций, ибо количество подобной лексики в языке невелико. Так, в рассказе «Стра-

дания молодого Ваганова» встретился один развернутый контекст, моторная изобразительность которого базируется на лексике этого рода: *Он читал его, обжигаясь сладостным предчувствием, он его гладил, смотрел на свет, только что не целовал — целовать совестно было, хотя сгоряча такое движение — исцеловать письмо было. Ваганов вырос в деревне, с суровым отцом и вечно занятой, вечно работающей матерью, ласки почти не знал, стыдился ласки, особенно почему-то поцелуев.*

Чаще в повествовании В. Шукшина жесты персонажей изображаются не специализированной для выполнения этой функции лексикой, вторичными предикатами внешнего проявления эмоций. Мотивация жестов эмоциями передается либо зависимыми конкретизирующими словами с эмотивной семантикой, либо включенной дифференциальнойемой эмотивности, либо содержанием всего текстового фрагмента. В итоге обнаруживаем три варианта моторной экспрессии.

Во-первых, это аналитические сочетания обобщенных по семантике вторичных предикатов внешнего проявления эмоций и эмотивно характеризующих слов. В рассказе «Страдания молодого Ваганова» подобным образом изображается речь главного персонажа, который говорит — *не очень стараясь скрыть досаду; с раздражением; с досадой; со злостью; еще раз со злостью; с искренней злостью.*

Во-вторых, это конкретные по семантике предикаты с включеннойемой эмотивности. Например, в этом же рассказе активно используется содержательный глагол речи *воскликнуть* (*воскликнул доверчиво Попов; опять воскликнул Попов; воскликнула женщина у двери*) и глагол *возмутиться* (*возмутилась Попова*).

В-третьих, это окказиональные жестовые номинации, эмоционально заряжаемые окружающим контекстом и только в контексте осмысляемые как средство эмоционально-изобразительной моторики. В текстах В. Шукшина встречается изображение самых разных, порой необычных жестов, таких, например, как в следующей фразе: *Полковник бил себя кулаком по голове и недоумевал* («Срезал»). В рассказе «Страдания молодого Вагачова» к этой группе номинаций тяготеет жестовый предикат *повизгивать*: *Не привязанный, а повизгивал бы около этой Майи.*

Надо отметить, что, создавая психологический образ персонажа, В. Шукшин стремится не повторяться, старается индивидуализировать каждый миг его внутренней психической жизни. С этой целью писатель обращается к ключевым словам моторной экспрессии, имеющим особую эстетико-стилистическую значимость в контексте всего произведения. Эта традиция описания внутреннего мира персонажа с ориентацией на ключевое слово идет от стиля А. П. Чехова (Бабенко, Купина, 1982).

Таким ключевым жестом, обнажающим внутреннее состояние

Ваганова, является трижды повторяемое в рассказе описание ситуации с ответным письмом Майе, которая заканчивается всегда одинаково:

< ... > Он скомжал письмо в тугой комок и выбросил его через окно в огород. И лег на кровать, и крепко зажмурил глаза, как в детстве, когда хотелось, чтобы какая-нибудь неприятность скорей бы забылась и прошла.

< ... > Аккуратно разорвал лист, собрал клочки в ладонь и пошел и бросил их в корзину. Постоял над корзиной... Совершенный тупой покой наступил в душе. Ни злости уже не было, ни досады.

< ... > Потом смял бланк и бросил в корзину... И вышел на улицу. Пошел теперь твердо домой.

Взятые в изоляции от текста предикаты *скомжать, разорвать, бросить* квалифицируются как предикаты разрушения, перемещения объекта. В тексте они обозначают жесты — следствия определенных душевных переживаний. Они обладают эмотивной целенаправленностью. За счет наведенных контекстом эмотивных смыслов меняется и семантический ранг предикатов, начинающих обслуживать сферу психической деятельности персонажа. Таким образом, прием косвенной символизации чувств персонажа базируется на текстовых связях слов, учитывает смысловые наращения.

Эмоционально-оценочные смыслы

Условия их бытования — оценочные высказывания персонажей, которые можно отнести к высказываниям-экспрессивам. Е. М. Вольф, исследуя функциональную семантику оценочных структур, заметила, что «эмоциональные состояния, которые отражаются в оценочных речевых актах, двояконаправлены: они могут касаться как говорящего, так и собеседника» (1985, с. 175). Вследствие этого в тексте выделяются две типологические разновидности оценочных высказываний персонажей.

Эмотивно-оценочные рефлексивы¹. Их отличительная особенность — замкнутость в субъекте, направленность на самого говорящего. Основное средство манифестации — общеоценочная эмотивная лексика, междометия, частицы, коннотативно-эмотивная лексика. В зависимости от характера используемой лексики меняется и степень оценочности высказываний. Так, междометия в большей степени эмотивны, они выражают общую реакцию говорящего на положение дел в мире. Например: — *Фу ты, черт!* — *с досадой сказал Ваганов...*; — *Надо же!* — *женщина даже посмеялась.* — *Ну надо же!*; — *Господи!* — *воскликнула женщина у двери...*; — *Ну, елки зеленые!* — *все больше изумлялся Ваганов.* А коннотативно-эмотивная лексика, наоборот, в большей степени оценочна и в меньшей степени при-

¹ См.: «Если при выражении эмоций объект оценки — это сам говорящий, то перед нами оценочный рефлексив» (Вольф, 1985, с. 175).

способлена для выражения разнообразных эмоциональных тонов В. М. Шукшин активно использует слова этого рода в прямой и не-собственно-прямой речи персонажей. Так, подобные номинации широко представлены во внутренней речи Ваганова. Как только не называет он сам себя: *Крючок конторский!*; *Плебей, сын плебея!*; *Попугай!*; *Слизняк!* Употребление слов с негативной оценкой, во-первых, обозначает чувства неудовольствия, раздражения, испытываемые персонажем. Во-вторых, подобная откровенная негативная самооценка персонажа еще сильнее обнажает дисгармонию его внутреннего мира, нерешительность героя.

Эмотивно-оценочные регулятивы. Этот тип речевых оценочных высказываний характеризуется ориентацией на собеседника, включает при этом все виды похвал и оскорблений. Основное средство их манифестации — коннотативно-эмотивная лексика, ярче всего обнажающая межличностные отношения. Условия ее бытования — прямая речь персонажей. Обычно эмоционально-оценочные высказывания встречаются в повествовании, ориентированном на разговорный стиль, ибо эта лексика несет на себе печать разговорности. В рассказе «Страдания молодого Ваганова» подобная лексика встречается в речи супругов Поповых, выражающих с ее помощью непримиримо-негативное отношение друг к другу: *Ну, не зараза она после этого!* (реплика Попова); *Нахалюга!*; *Дурак необтесанный!* (реплика Поповой).

Подобные высказывания обладают сильной прагматической направленностью. Персонажи, произносящие их, стремятся оказать эмоциональное воздействие на собеседника, заразить его определенными эмоциями. Особенность этих высказываний — сильный перлокутивный эффект. Мотивы использования эмотивно-оценочных регулятивов — самые разные, чаще всего — реакция на поступки других персонажей.

Жизнь души персонажей полна противоречий, вызываемых самыми разными мотивами и соответственно имеющих различные проявления: это может быть внутренний конфликт эмоций (например, антагонизм любви и боязни в душе Ваганова, вызывающий страдание его), межличностный эмоциональный конфликт (отношения супругов Поповых), конфликт персонажа и мира в целом.

Конфликтность эмоциональной сферы персонажа отражает общий закон художественного текста, так как «принцип противоречия — основной движущий механизм поведения литературного героя» (Гинзбург, 1979, с. 103). Противоречия эти не фатальны, по мере развития сюжета они разрешаются, и особую роль в их разрешении играет эмоциональная доминанта характера персонажа. В свою очередь, изображение эмоциональной доминанты литературного персонажа отражает положение дел в мире: психологи давно отмечали в качестве основополагающих черт личности ее эмоциональную направленность, т. е. тяготение каждого человека к той или иной

системе переживаний (Додонов, 1975). Автор литературного произведения таким образом подбирает лексику, что подсказывает читателю, в каком эмоциональном ключе ему следует воспринимать героя.

Итак, образ персонажа вне текстовых связей — схема, скелет, который обрастает телом смысла только в контексте всего произведения в целом и прежде всего в контексте авторских интенций, так как «автор интонирует каждую подробность своего героя, каждую черту его, каждое событие его жизни, каждый его поступок, его мысли, чувства» (Бахтин, 1979, с. 7).

Эмотивные смыслы в структуре образа автора

Концепция образа автора как центральная категория художественного произведения была предложена и разработана В. В. Виноградовым. В дальнейшем она получила развитие в трудах М. М. Бахтина, Л. Гинзбург и других исследователей. «Понятие образа «автора» является конструктивным элементом одного произведения, цикла произведений и творчества писателя в целом», — писал В. В. Виноградов (1971, с. 155). Уникальность этого образа заключается в том, что он — производное всего текста в целом, автор как бы погружен в текст, скрыт за другими персонажами и событиями произведения, лишь в редких случаях он позволяет себе открыто выражать свои чувства («лирические отступления»). В связи с этим говорят об имплицитных и эксплицитных способах его выражения в тексте (Гальперин, 1981; Морозова, 1982; Федосюк, 1988). образу автора свойственна многоплановость ролей, у него могут быть разные «лики», что убедительно показал В. В. Виноградов в блестящих исследованиях стиля А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова.

Еще одна особенность образа автора — его текстовая незавершенность, незамкнутость. Это обуславливает те трудности, которые возникают при изучении образа автора.

Если диктальные эмотивные смыслы опрокинуты в действительный мир человеческих эмоций, то модальные эмотивные смыслы отражают мир субъективных чувств и оценок автора и в то же время они явно прагматичны, направлены на эмоциональное заражение читателя, обладают большой иррадирующей силой. Вследствие этого модальные эмотивные смыслы неоднородны. В их составе можно выделить интенциональные модальные эмотивные смыслы (внутренние, запрограммированные автором, выражающие его эмотивные интенции) и экстенциональные (внешние, направленные на читателя, выражающие его определенными эмоциями).

*Интенциональные
модально-эмотивные смыслы*

Онтологическая природа образа автора определяет бытование в тексте интенциональных модальных значений, или — в иной терминологии — субъективно-оценочной модальности (Гончарова, 1983, с. 91), субъективно-модального плана текста (Солганик, 1984, с. 180) авторской модальности (Барлас, 1987, с. 75; Кухаренко, 1985, с. 100) экспрессивной окрашенности текста (Федосюк, 1988, с. 15), образно-оценочного смысла (Купина, 1983, с. 106).

Художественный текст формируется точкой зрения автора на объект изображения (Гинзбург, 1977, с. 91; Гончарова, 1983, с. 90—91; Храпченко, 1987, с. 324). Выражение эмоционального отношения к тому, что служит объектом творчества, М. Б. Храпченко считает одной из четырех определяющих стихий художественного образа (1982, с. 66—67). Произведение и создается ради выражения этого отношения. Следовательно, интенциональные модальные смыслы — это центр модальных значений текста, а их совокупность составляет «субъективно-модальное единство текста» (Солганик, 1984, с. 180). Изучение интенциональных эмотивных смыслов помогает более полному раскрытию образа автора литературного произведения.

Один из самых важных и трудных вопросов связан с изучением языковых средств выражения интенциональных эмотивных смыслов. Многие исследователи субъективной модальности текста обращают внимание на наличие в языке комплекса способов выражения отношения субъекта к объекту (Вольф, 1985; Гальперин, 1981; Лукьянова, 1986; Майданова, 1987; Матвеева, 1988; Солганик, 1984), среди которых прежде всего выделяются эксплицитные и имплицитные способы выражения. Так как объект рассмотрения в нашей монографии — эмотивная лексика, мы в первую очередь обращаем внимание на эксплицитные способы выражения интенциональных смыслов.

Специализированное средство в системе внутримодальных средств — экспрессивный контекст-мнение, содержащий наряду с фактуальной информацией и эмоциональную информацию, «которая эксплицирует эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету высказывания» (Лукьянова, 1986, с. 183). Контексты такого рода обязательно содержат компоненты, эксплицирующие эмоциональный тон высказывания (там же, с. 176), поэтому можно предположить, что для выявления эмоционального тона надо прежде всего найти именно эти компоненты.

Возьмем, к примеру, ряд экспрессивных контекстов, относящихся к сфере одного персонажа — Попова, с учетом их порядка следования в тексте рассказа, для того, чтобы выявить полную картину формирования субъективно-модальных значений, связанных с этим персонажем.

Первое портретное описание Попова отличается лаконичностью, неразвернутостью эмоционально-оценочных значений: *Мужчина этак под пятьдесят, поджарый, с длинными рабочими руками, которые он не знал, куда девать*. В этом описании выделяется характеризующая деталь, несущая явный положительный заряд, — рабочие руки, которые не привыкли бездельничать.

После первого небольшого диалога Попова и Ваганова следует второе, уже более развернутое портретное описание Попова с парентезой несобственно-прямой речи: *Попов уже достал характеристику и стоял с ней посреди кабинета. Когда-то он, наверное, был очень красив. Он и теперь еще красив, чуть скуласт, нос хищно выгнут, лоб высокий, чистый, взгляд прямой, честный. Но, конечно, помят, несвеж, вчера выпил изрядно, с утра кое-как побрился, наспех ополоснулся... Эхма!* Характеризующие прилагательные сигнализируют сложное субъективно-эмоциональное отношение к персонажу: с одной стороны, явно ощущается симпатия к нему, вызываемая красивой внешностью, честностью и открытостью взгляда. С другой стороны, чувствуется сожаление и неодобрение, усиленные и акцентированные завершающим контекстом междометием *Эхма!*

Третий развернутый экспрессивный контекст представляет собой описание так называемой характеристики Попова, по сути дела являющейся объяснительной запиской: *Ваганов посмотрел пока «бумаги», обвиняющие Попова. Да, люди вели дело к тому, чтоб мужика непременно посадить. И как бойко, как грамотно все написано! Нашелся и писарь. Ваганов пододвинул к себе «характеристику» Попова, еще раз прочитал. Смешной и грустный человеческий документ... Это, собственно, не характеристика, а правдивое изложение случившегося. «Пришел, бритый, она лежит, как удав на перине. Ну, говорю, рассказывай, как ты тут без меня скурвилась? Она видит, дело плохо, давай базлачить. Я ее жогнул разок: ты можешь потише, мол? Она вырвалась и — не куда-нибудь побежала, не к родным — к Мишке опять же дунула. Тут у меня все сердце шило, я не сдюжил...»* В основе фрагмента лежит одна прототипная ситуация, изложенная в двух версиях. Касается она судьбы Попова. В композиционно-структурном отношении фрагмент представляет собой описание с парентезами несобственно-прямой речи, авторской сентенции, прямой речи. Первая версия — обвинение Попова. Отношение к ней хорошо просматривается в синтаксической аранжировке фактов (ср.: *Дело шло к тому, что мужика могут посадить* — нейтрально-объективированное изложение; *Люди вели дело к тому, чтоб мужика непременно посадить* — экспрессивно-оценочное изложение), в экспрессивном синтаксисе (восклицательная интонация, использование фразеологизированной конструкции *нашелся и...*), в привлечении лексики с оценочной семантикой (*бойко, грамотно, написано*). Конвергенция однотональных приемов сигнала

лизирует подтекстовый эмотивный смысл: отношение неодобрения к излагаемым фактам.

Вторая версия подается в форме письма Попова, отличающегося искренностью, доверчивостью, открытостью, что проявляется в подборе лексики, интонации, в используемых сравнениях. Письмо сопровождается также эксплицированной оценкой, которая подается в препозиции, задает определенный настрой, готовит читателя к восприятию письма в определенном ключе: *смешной и грустный человеческий документ; правдивое изложение случившегося*. Все это вместе взятое, репрезентирует подтекстовый эмоционально-оценочный смысл: одобрение, сочувствие, мягкую иронию.

И наконец, как заключительный аккорд, аккумулирующий в прозвучавшие ранее модально-эмотивные оценочные смыслы, звучит следующее описание: *Попов помолчал... Посмотрел серыми своими глазами на следователя. Какие все же удивительные у него глаза не то доверчивые сверх меры, не то мудрые. Как у ребенка ясные, ведь видели же эти глаза и смерть, и горе человеческое, и сам страдал много... не это ли и есть сила-то человеческая — вот так терпеливая и безответная? И не есть ли все остальное — хамство, враждебность и жестокость?* Здесь все: и лексика, и синтаксис фраз, композиция фрагмента — все выражает один модально-эмотивный смысл: одобрение и восхищение.

Как мы увидели, эмоционально-оценочные смыслы, выразители которых является автор, проявляются разнообразно. Можно говорить о локальных, эпизодических оценках, идущих от автора, существующих в тексте в виде вставных вкраплений, дополнительных включений, которые выражаются отдельными эмотивными лексемами — обычно наречиями, прилагательными, интенсификаторами. Можно говорить и о генерализованных способах выражения эмоционально-оценочных авторских смыслов в форме развернутых экспрессивных контекстов.

Экспрессивные контексты-«всплески» фиксируют в концентрированном виде и выражают в наиболее яркой форме субъективные модальные значения в соответствии с сюжетным развитием. При этом компонентами экспрессивного контекста, манифестирующими эти значения, могут быть разные единицы. Безусловно, существует арсенал языковых средств выражения субъективно-модальных эмотивных смыслов в художественном тексте, но это значит, что в каждом тексте обязательно должен быть реализован весь имеющийся потенциал этих средств.

В целом по отношению к Ваганову и Попову доминирует одобрительно-ироническое отношение, а по отношению к Поповой и Майе — неприязнь и неодобрение. Особенность эмоциональной оценки персонажа со стороны автора проявляется в том, что он действует в рамках определенной типологической модели персонажа» (Гончарова, 1983, с. 90). Эта реакция на героя основывается на целостности

отношении к нему. М. М. Бахтин называл подобную авторскую реакцию на героя тотальной (1979, с. 8).

Таким образом, каждый персонаж рассказа выписан в какой-либо эмоциональной тональности, определяемой автором. Совокупность этих тональностей вливается в общий поток эмоциональных смыслов текста.

Эмоциональная тональность текста

В тексте сосуществуют различные эмотивные смыслы, что порождает богатство эмотивного содержания, его эмоциональное многоголосие, полифонизм эмоциональных тонов, отражающих сложную картину мира чувств. Однако совокупность эмоциональных тонов текста не производит впечатления случайного, хаотического набора. В тексте все упорядочено, и эмотивные смыслы в том числе. Ключом к этому служит авторская концепция, сверхидея художественного произведения, то, ради чего и создается оно. Именно она определяет иерархию эмотивных смыслов в тексте и определяет доминанту в их многоголосии, тем самым она фактически задает общую эмоциональную тональность текста.

В научной литературе есть различные точки зрения по поводу этой категории. Так, Н. А. Лукьянова считает, что «выраженная субъективная модальность есть эмоциональный тон высказывания» (1986, с. 185), тем самым она отождествляет субъективную модальность и эмоциональную тональность. Т. В. Матвеева рассматривает создание семантического поля оценок и эмоций как способ выражения субъективной модальности (1988). В этом случае семантическое поле оценок и эмоций предстает частью, компонентом субъективной модальности. На наш взгляд, отношения семантического поля эмоций и субъективной модальности складываются не по типу включения, а по типу семантического пересечения, т. е. семантическое поле эмоций манифестирует не только субъективно-модальные значения, но и объективно-модальные. Особенно это касается тех ситуаций, когда в формировании семантического поля эмоций участвует денотативно-эмотивная лексика (нейтральная лексика эмоций, по традиционной терминологии).

Под тональностью мы понимаем именно эмоциональную тональность¹, которая по своему генезису интенциональна, порождена мировидением автора.

Существенная черта текста — его многокомпонентность, многозвучие. Полифонизм эмоциональных тонов возникает в результате

¹ См. словарные определения: тональность — '3. Иск. Основная эмоциональная настроенность литературного произведения, пьесы, образа и т. п.; 4. Иск. Основной, преобладающий цвет, колорит, сочетание тонов на картине, способствующее созданию той или иной эмоциональной настроенности'.

взаимодействия уровня авторского повествования и уровня образов-персонажей. Но при всей сложности эмоционального содержания текста обычно в нем ощущается ориентация на актуализацию определенного эмоционального компонента, который становится доминирующим и воспринимается как олицетворение эмоциональной тональности всего текста в целом (см.: веселые и грустные рассказы, мрачные и оптимистические трагедии и т. п.). Гармоническое единство тональности скрепляет текст и обуславливает его смысловую целостность.

Особую значимость в ее порождении имеет эмотивная лексика в позиции заглавия. Это связано с тем, что заглавие содержит в сжатом, компрессированном виде информацию текста, «отражает смысловую детерминанту структуры текста» (Колшанский, 1987, с. 40). Заглавие, по словам известного итальянского лингвиста и писателя Умберто Эко, — «ключ к интерпретации. Восприятие задается им» (1988, с. 89). В случае, когда заглавием оказывается эмотивная лексика, она заряжает своей тональностью весь текст. Так, В. Шукшин активно использует в функции заглавий общеоценочную и частнооценочную эмотивную лексику, интерпретирующую в определенном эмоциональном свете события, изображенные в тексте («Страдания молодого Ваганова», «Горе», «Обида», «Верую!», «Упорный», «Чудик» и др.).

Эмоциональная тональность текста создается также неоднократным повторением стилистического приема, поэтому любой повтор — обязательное условие возникновения эмоциональной тональности, а повторная лексическая номинация — ее сильное и действенное средство, особенно если дублируется лексика эмоций. Обычно то, что обозначено в повторе, — центр, предмет писательских устремлений.

Следует различать фразовую и текстовую эмоциональную тональность. Они отличаются и внешне — по конкретным условиям реализации, и внутренне — по функционально-смысловой направленности. Фразовая эмоциональная тональность — фундамент, основа, помогающая осмыслить и воспринять текстовую эмоциональную тональность, которая обычно включает фразовую и опирается на нее.

В тексте наблюдается развертывание фразовой тональности в текстовую. Так, в рассказе «Страдания молодого Ваганова» В. Шукшин показывает сложное эмоциональное состояние персонажа, страстно любящего и боящегося своей любви. Этот комплекс противоречивых чувств подчеркивается и неоднократно анализируется автором в тексте, обнаруживаясь не только в речи самого героя, но и в авторском повествовании. Основная универсальная функция повторной номинации — функция усиления, подчеркивания реализуется здесь и на уровне фразы, и на уровне целого текста, а номинационные цепочки глаголов чувств выдвигают обозначаемые ими

эмоции как самые существенные в центр восприятия. Текстовый повтор — наиболее сильный вид повтора.

В рассказах В. Шукшина чувства персонажей сложны и многоцветны, писатель использует все языковые средства, чтобы передать их многоликость и сложность, и прежде всего разного рода повторную номинацию. Основную роль в порождении эмоциональной тональности текста играет повторная номинация, члены которой связаны отношениями тождества и включения типа: *Так Ваганов успокоил себя...; Тем он и успокоился. То есть ему казалось, что успокоился. Оказывается, в таких делах не успокаиваются.* На уровне фразовой синтагматики актуализируются прежде всего различительные признаки глаголов чувств, участвующих в повторной номинации, и соответственно чувства передаются многоаспектно, объемно, крупным планом. На уровне текстовой парадигматики глаголы воспринимаются как слова близкие, имеющие минимальные стилистические и смысловые различия (глаголы-синонимы, слова различных семантических подгрупп одной ЛСГ слов). Они сближаются, сливаются в одно смысловое поле и зачастую являются основными выразителями доминирующей эмоциональной тональности текста.

Если в области лексической семантики соотношение денотативного и коннотативного значений давно рассмотрено в пользу первого (денотация — основа категориально-лексической семантики), то в области текстовой семантики вопрос соотношения диктальных и модальных смыслов широко не обсуждался и в связи с этим не решен окончательно.

Как-то Л. Н. Толстой заметил, что «цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть... единство самобытного и нравственного отношения автора к предмету» (Толстой, 1951, с. 18—19). Психолингвистические эксперименты, направленные на исследование смыслового восприятия речевого сообщения и текста, также подтверждают, что читатель воспринимает текст концептуально, в его смысловой целостности (Брудный, 1976, с. 153; Павленис, 1987, с. 40; Титоне, 1984, с. 344—345). Вероятно, эмотивные смыслы воспринимаются тоже целостно именно под влиянием эмоциональной тональности текста.

Рассмотрение целостного эмотивного содержания текста и категории эмоциональной тональности поднимает еще одну проблему — проблему экстенционального контекста и экстенциональных эмотивных смыслов, «инстанции читателя», по определению Л. Гинзбург (1979, с. 218).

Экстенциональные эмотивные смыслы

Содержание художественного текста — относительно бесконечно. С одной стороны, автор создает в соответствии со своей концепцией

картину мира и этим выражает к ней определенное отношение, с другой стороны, это отношение никогда не выражено до конца, не обозначено буквально. Требуется определенная работа ума и сердца читателя для постижения истинного смысла художественного текста. «Когда сочиняют, думают о читателе», — утверждает Умберто Эко (1988, с. 89). Это естественно, так как художественный текст — результат речетворческой деятельности автора, стремящегося выразить читателю свое миропонимание и воздействовать на него. Следовательно, художественный текст можно рассматривать и в свете концепции речевых актов, активно разрабатываемой сегодня. Это тем более возможно и потому, что художественное произведение в целом представляет собой развернутое оценочное повествование, оно насыщено оценочными субъектами (сам автор, персонажи), оценочными высказываниями, обнаруживающими разнообразные жизненные стереотипы.

Итак, художественное произведение обладает сильными прагматическими устремлениями, ориентируясь на «заражение, эмоциональный захват, убеждение» (Поляков, 1978, с. 110). В связи с этим можно говорить и об экстенциональных эмотивных смыслах, направленных на эмоциональную сферу читателя, на социальный контекст. С этой стороной искусства связана концепция вчувствования как эстетического сопереживания, теория заражения.

Эмоциональное воздействие литературного произведения на читателя исследуется преимущественно в психологии. Прекрасным образцом исследования текста в этом аспекте являются работы Л. С. Выготского, который считал, что «художественное наслаждение не есть чистая реценция, но требует высочайшей деятельности психики. Переживания искусства не воспринимаются душой, как куча зерен — мешком, скорее они требуют такого прорастания, какого требует семя на плодородной почве» (1986, с. 255). Этот известный психолог и тонкий исследователь художественных произведений утверждал, что задача искусства — не простая коммуникация чувств. Именно в концепции Л. С. Выготского последовательно развивается категория эстетической реакции, основанной на антагонизме изображенных чувств, разрешающемся катарсисом (1986, с. 268).

Ткань произведения неравноценна по силе эмоционального воздействия. В ней выделяются текстовые фрагменты, так называемые эмоциогенные ситуации, обладающие повышенным уровнем эмотивного воздействия (Майданова, 1987). Эмотивное содержание текстовых фрагментов и эмотивное восприятие могут быть гармоничны и согласованы друг с другом, а могут быть и дисгармоничны. Таким образом, может быть совпадение и несовпадение иллюкутивных целей автора и перлюкутивного эффекта произведения в целом или какого-либо его фрагмента. Читатель «нередко сопротивляется оценкам автора. Иногда же писатель сам заставляет читателя путаться в расстановке оценочных акцентов» (Гинзбург, 1979, с. 218).

В результате этого могут быть самые разные, порой непредсказуемые, соотношения эмотивного содержания текста, его фрагмента и восприятия их читателем. Показательно в этом отношении признание А. П. Чехова, сделанное им в письме А. Суворину: «Конечно, было бы приятно сочетать искусство с проповедью, но для меня лично это чрезвычайно трудно и почти невозможно по условиям техники. Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам» (1956, с. 428—429).

Возьмем, к примеру, текстовый фрагмент, рисующий воображаемое Вагановым составление письма к Майе. Этот фрагмент насыщен эмотивной лексикой, передающей взволнованность и влюбленность персонажа. В то же время экспрессивные номинации (*повело тебя, милый, заезжил; все утро сладостно зудилось*), окказиональные развернутые сравнения (*Вот он сядет писать... И будет он эти красивые, оперенные слова пускать, точно легкие стрелы с тетивы — и втыкать, и втыкать их, втыкать их в точеную фигурку далекой Майи. Он их навтыкاته столько, что Майя вскрикнет от неминуемой любви*) вызывают у читателя в первую очередь не сочувствие его переживаниям, а мягкую иронию, смех.

Этот диссонанс эмоций еще более ощущается при восприятии текстового фрагмента «чтении Вагановым его письма к Майе». С одной стороны, усиливается трагичность, мучительность внутреннего состояния Ваганова, о чем говорит лексика письма (*Ради бога!; Умоляю тебя...; Я люблю тебя* и т. п.) и синтаксис (обилие вопросительных и восклицательных предложений, сегментация, повторы), с другой — параллельно акцентируется комизм ситуации. В частности, сигналами этого являются реплики внутренней речи Ваганова: *Попугай! Что это, Майя? Что это, Майя? Тьфу! Слизняк...; — А что, Майя? — съязвил он еще раз со злостью. — Это ничего, Майя. Просто я слизняк, Майя.* Таким образом, у читателя возбуждается прежде всего эмоция сочувственной иронии.

Очень часто в художественной речи как прием эмоционального заражения читателя определенной эмоцией выступает пейзаж. В. Шукшин активно использует это средство. Для его рассказов особенно характерны описания природы в эпилогах. При этом пейзаж обычно несет новый эмоциональный смысл, способствующий разрешению текстового эмоционального конфликта. Так, рассказ «Страдания молодого Ваганова» завершается следующей пейзажной зарисовкой. Сначала идет развернутое описание: *День стоял славнецкий — не жаркий, а душистый, теплый. Еще не пахло польню, еще лето только вступало в зрелую пору свою. Еще молодые зеленые силы гнали и гнали из земли ядреный сок жизни: все цвело вокруг, или начинало цвести, или только что отцвело, и там, где завяли цветки, завязались пухлые живые комочки — будущие плоды. Благодатная, милая пора! Еще даже не грустно, что день стал убы-*

вать, еще этот день впереди. Затем происходит разрыв этого описания: вклинивается эпизод «Ваганов на почте». И заключительным аккордом звучит фраза, структурно и содержательно развивающая пейзажное описание: *И сеном еще не пахло, еще не начинали косить.*

Эта небольшая миниатюра окрашена общей светлой тональностью, которая достигается изображением красочной картины наступления лета с использованием характеризующих прилагательных, открыто выражающих интенциональные эмоциональные смыслы (*День стоял славнецкий...; Благодатная, милая пора!*). Особо выделяется многократное повторение наречия *еще*, вносящего своей семантикой оптимистическую ноту надежды в общее эмоциональное многоголосие рассказа. Контрапунктной представляется фраза: *Еще даже не грустно, что день стал убывать, еще этот день впереди.* Эта фраза поглощает и подавляет выраженные ранее в рассказе диктальные эмотивные смыслы раздражения, злости, страдания и др. и излучает вопреки им надежду и оптимизм. Явно просматривается параллель с началом рассказа, где автор трижды акцентирует молодость Ваганова. На этой оптимистической ноте и заканчивается рассказ. Наблюдается при этом гармония изображенных эмотивных смыслов и суггестированных, воздействующих на читателя.

Такое эмоциональное развитие темы соответствует общей функциональной семантике оценочных структур, которые «предполагают оптимистическую картину мира» (Вольф, 1985, с. 116). Кроме того, подобное эмоциональное разрешение обусловлено природой самих произведений искусства, эстетически преобразующих действительность таким образом, чтобы повлиять на читателя и на ход его практической деятельности. С этим связана и воспитательная роль эмоций, воплощенных в тексте. Именно они регулируют оценки, поведение читателя, указывают читателю, каким он должен быть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмоции отображаются в семантике слова, предложения и текста. Основной проводник эмотивных смыслов в предложении и тексте — прежде всего эмотивная лексика, которая питает их своими эмотивными зарядами, поэтому именно эмотивная лексика является доминирующим средством отображения эмоций в языке. Лексика участвует в создании языковой картины мира чувств, а предложение и текст передают картину жизни человеческих эмоций в их текучести, динамике и взаимодействии.

В лексике мир эмоций отображается безотносительно к их носителю, времени и пространству как самостоятельно существующий, идеально сконструированный человеком мир. Этот сложный мир организуется эмотивными номинациями разного рода: универсальными и индивидуальными, вплоть до окказиональных, нейтральными и образными, простыми и сложными. Эмотивные смыслы при этом могут составлять семантический центр слова, могут осложнять в качестве включенной полупредикативной семы категориально-лексическую семантику, могут эмоционально окрашивать все слово в целом. Обнаруживается дифференциация лексики по способам отображения эмоций. Большую часть эмотивной лексики составляют слова, приспособленные для номинации эмоций и их интерпретации (денотативно-эмотивная лексика), меньшую часть — слова, специализирующиеся на выражении эмоций говорящего (междометия, эмотивы-коннотативы). Эмотивная лексика отражает анатомию чувств, она расщепляет эмоциональную жизнь человека на элементарные эмоциональные компоненты и дает им обозначение. Особое внимание в русском языке уделяется обозначению чувств горя, любви, страха, неприязни, радости. Лексические ряды, включающие эти универсальные эмотивные смыслы, — огромны.

В языке обнаруживаются определенные стереотипные ракурсы изображения эмоций как состояния, становления состояния, воздействия, внешнего выражения, характеристики и качества, по которым

ориентируются первичные и вторичные лексические номинации. Эти стереотипные ракурсы составляют модель эмоциональной психической деятельности человека.

Эмотивная лексика в целом обнаруживает слабые центробежные и сильные центростремительные силы. Она пересекается с лексикой самых разных семантических групп, в том числе с лексикой уничтожения / разрушения, движения, качества, физиологического состояния и болезни, температурных характеристик, отделения / разделения. При этом выявляются универсальные способы ассоциативно-образного изображения эмоций.

Предложения как предикативные знаки фиксируют мгновения эмоциональной жизни определенного лица — их носителя. В миниатюре они отражают диалектику чувств, показывая их динамику и текучесть, с одной стороны, и противоборство и антагонизм, с другой. Но в предложении отображаются и сложные, многокомпонентные чувства, состоящие из ряда элементарных эмоций. Правда, ряд этот обычно невелик, включает до десяти различных номинаций эмоций.

Только законченный художественный текст способен изобразить жизнь чувств в полном объеме: в слиянии с образами — носителями их, в конкретном континууме, во взаимодействии (столкновении и слиянии) с другими чувствами.

Психологи выделяют категорию общего чувства, под которым подразумевается сложность эмоционального состояния человека в определенном временном отрезке (Выготский, 1986, с. 265; Деревин, 1980, с. 115). Искусство обращается именно к таким смешанным чувствам. Сколько людей, столько и уникальных эмоциональных миров, а искусство призвано познавать и отображать эти индивидуальные миры.

Таким образом, исследуя отображение эмоций в лексической, синтаксической и текстовой семантике, мы заметили, что при усложнении номинативного знака (в широком смысле, включая и предложение, и текст) — при переходе от слова к предложению и тексту — усложняются и способы отображения эмоций в языке, расширяются номинативные возможности изображения различных аспектов человеческих чувств. В то же время основные тенденции отображения эмоций, их сути тождественны в языковых единицах разных уровней.

Так, все указанные выше знаки отображают эмоции двояким образом: во-первых, вне зависимости от воли говорящего как нечто существующее в действительности (денотативная семантика — в лексике, диктумные пропозиции — в синтаксисе, диктальные эмотивные смыслы структуры образа персонажа — в тексте); во-вторых, как эмотивные интенции, выражаемые говорящим (коннотативная семантика — в лексике, модусные смыслы — в предложении, модально-эмотивные смыслы — в художественном тексте). Наличие исходных принципов изображения эмоций в слове, предложении и тексте, а также существование аналогичных семантических компонентов

в их семантической структуре — проявление семантического изоморфизма этих единиц.

В плане дальнейших изысканий в области эмотивной семантики необходимо расширять сопоставительные исследования. Представляется плодотворным сопоставление корпуса эмотивной лексики в различных языках. Это позволит точнее выявить ядро эмотивной лексики, ее универсальную основу, и в то же время обнаружит национальную специфику в изображении эмоций в разных языках. Дальнейшего углубленного исследования требует проблема текстовых манифестаций и модификаций эмотивных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аветян Э. Г. Смысл и значение. Ереван, 1979.
- Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: (Синонимические средства языка). М., 1974.
- Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном русском языке и методика ее исследования. Л., 1966.
- Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981.
- Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопр. языкознания. 1982. № 4.
- Артемова Е. Ю. Психология субъективной семантики. М., 1980.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: (Логико-семантические проблемы). М., 1976.
- Арутюнова Н. Д. Языковая метафора: (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: (Оценка. Событие. Факт). М., 1988.
- Бабенко Л. Г. Обозначение эмоций в языке и речи. Свердловск, 1986.
- Бабенко Л. Г. Эмотивная лексика в структуре предложения // Классы слов в синтагматическом аспекте. Свердловск, 1988.
- Бабенко Л. Г., Купина Н. А. Лексические средства, изображающие чувства персонажей: (на материале рассказов А. П. Чехова) // Проблема языка и стиля А. П. Чехова. Ростов н/Д, 1982.
- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
- Баранов А. Г. Деривационные процессы в формировании текста // Деривация в речевой деятельности: (Общие вопросы. Текст. Семантика). Пермь, 1988.
- Барлас Л. Г. Источники текстовой выразительности // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987.
- Бахтин М. М. К методологии литературоведения // Контекст, 1974: (Литературно-теоретические исследования). М., 1975.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бологов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности: (Основы эмотивной стилистики текста). Ташкент, 1981.
- Бондарко А. В. К теории поля в лингвистике. Залог и залоговость // Вопр. языкознания. 1972. № 3.
- Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Брудный А. А. Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
- Буряков М. А. К вопросу об эмоциях и средствах их языкового выражения // Вопр. языкознания. 1979. № 3.
- Вайгла Э. Л. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода: (на русско-эстонском материале): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
- Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
- Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.
- Васильев Л. М. Семантические модели предложения // Исследования по семантике. Уфа, 1976.
- Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1980.
- Васильев Л. М. Семантика русского глагола: (Глаголы психической деятельности). М., 1981.
- Васильев Л. М. Типы значений и их структурных компонентов // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев, 1982.
- Васильев Л. М. Значение как предмет современной лингвистической семантики // Исследования по семантике. Уфа, 1983.
- Васильев Л. М. Значение в его отношении к системе языка. Уфа, 1985.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. О своеобразии отражения мимических жестов вербальными средствами // Вопр. языкознания. 1981. № 1.
- Виллюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
- Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
- Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
- Виноградов В. В. О языке художественной прозы: (Избранные труды). М., 1980.
- Винокур Г. О. Поэтика. Лингвистика. Социология // ЛЕФ. 1923. № 3.
- Винокур Т. Г. Закономерности использования языковых единиц. М., 1980.
- Витт Н. В. Речь и эмоции. М., 1984.
- Вольф Е. М. Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
- Вольф Е. М. Состояние и признаки. Оценки состояния // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1986.
- Гайсина Р. М. Способы лексического представления понятия отношения // Исследования по семантике. Уфа, 1980.
- Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981.
- Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М., 1971.
- Гак В. Г. О семантической организации текста // Лингвистика текста. М., 1974.
- Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Гак В. Г. К эволюции способов речевой номинации // Вопр. языкознания. 1985. № 4.
- Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. статей по языкознанию. М., 1958.
- Галунов В. И. Речь, эмоции и личность: (Проблемы и перспективы) // Речь, эмоции и личность: Материалы и сообщения Всесоюзного симпозиума, 27—28 февр. 1978 г. Л., 1978.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гальперин И. Р. Сменность контекстно-вариативных форм членения текста // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.
- Гарипова Н. Д. К семантической характеристике имен качества // Исследования по семантике. Уфа, 1982.
- Гиндик С. И. Советская лингвистика текста: Некоторые проблемы и результаты (1948—1975) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36. № 4.
- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977.
- Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л., 1979.
- Говердовский В. И. Опыт функционально-типологического описания коннотации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.

- Говердовский В. И. История понятия коннотация // Филол. науки. 1979. № 2.
- Говердовский В. И. Диалектика коннотации и денотации: (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // Вопр. языкознания. 1985. № 2.
- Гончарова Е. А. Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном тексте // Лингвистические исследования художественного текста. М., 1983.
- Григорян А. Г. Некоторые проблемы системного и исторического изучения лексики и семантики // Вопр. языкознания. 1983. № 4.
- Гридин В. Н. К вопросу о систематизации эмоциональной лексики // Переводная и учебная лексикография. Русский язык. М., 1979.
- Гридин В. Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
- Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М., 1982.
- Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции. Л., 1980.
- Додонов Б. И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности // Вопр. психологии. 1975. № 6.
- Дридзе Т. М. Текст как иерархия коммуникативных программ: (Информативно-целевой подход) // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
- Другова Г. Л. Предложения с именами психических состояний: Дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1984.
- Ермакова Н. В. Экспрессивно-стилистические возможности лексики, называющей чувства и эмоции // Контрастивная и функциональная грамматика. Калинин, 1985.
- Жуковская Е. Е. Семантический анализ некоторых глаголов эмоционального состояния и их производных. М., 1975.
- Жураковская Н. В. Из наблюдений над средствами выражения эмоциональности в говорах среднеобского бассейна // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974.
- Журинская М. А. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
- Загоровская О. В. Образный компонент в значениях слов // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983.
- Зализняк А. А. Функциональная семантика предикатива внутреннего состояния: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г. А. К вопросу о конститутивных единицах текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.
- Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
- Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1970. Вып. 13.
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
- Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Квасюк И. И. Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Ковалева М. С. Глаголы смеха в русском и английском языках // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981.
- Кожевникова К. В. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // Синтаксис и стилистика. М., 1976.
- Кожевникова Н. А. О метафорической номинации персонажей в художественных текстах // Структура и семантика текста. Воронеж, 1988.
- Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы речи. М., 1982.
- Кожина М. Н. Актуальные проблемы стилистики текста в аспекте современной теории языка // Теоретические проблемы стилистики текста. Казань, 1985.
- Кожина М. Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987.
- Кожин В. В. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. М., 1964.
- Козирева Н. В. К проблеме сопоставления синонимических рядов в английском и русском языках: (на материале глаголов отрицательных эмоций) // Семантические категории сопоставительного изучения языка. Воронеж, 1981.
- Колесов В. В. Любы и любовь // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987.
- Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопр. языкознания. 1961. № 1.
- Колшанский Г. В. От предложения к тексту // Сущность развития и функции языка. М., 1987.
- Копыленко М. М., Попова З. Д. Об употреблении термина «денотат» // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981.
- Кошель Г. Г. Оценочные предикативные номинации в современном английском языке: (на материале дерогативных наименований лиц): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: (Семантика производного слова) // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- Куорякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- Кузнецова Э. В. О путях выделения компонентов значений при описании лексико-семантических групп // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972.
- Кузнецова Э. В. Грамматические классы и лексико-семантические группы // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1974.
- Кузнецова Э. В. Части речи и лексико-семантические группы слов // Вопр. языкознания. 1975. № 5.
- Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980.
- Кузнецова Э. В. Итоги и перспективы семантической классификации русских глаголов. Свердловск, 1982.
- Кузьмин В. Ф. Объективное и субъективное: (Анализ процесса познания). М., 1976.
- Кущина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингво-смыслового анализа. Красноярск, 1983.
- Кухаренко В. А. Средства выражения и функции образа автора в художественном прозаическом тексте // Теоретические проблемы стилистики текста. Казань, 1985.
- Левина Д. Ш. Семантика глаголов эмоционального отношения в современном испанском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1982.
- Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
- Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
- Ли А. Д. Синонимико-антонимические группы имен прилагательных, обозначающих черты характера человека и его эмоционально-психические состояния: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Локшина Т. Ф. К проблеме выражения экспрессии в языке // Вестн. Харьк. ун-та. 1984. № 258.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: (проблемы семантики). Новосибирск, 1986.
- Лысенко В. С. Опыт компонентного анализа тематического ряда: (Сопоставительное исследование лексических обозначений для импульсивно-отрицательных эмоций) // Основы компонентного анализа. М., 1969.
- Майданова Л. М. Очерки по практической стилистике. Свердловск, 1987.
- Макарова Е. А. Прилагательные характеристики лица как функционально-семантическая группа качественных прилагательных // Языковые единицы русского языка в функциональном аспекте. Иркутск, 1985.
- Макарова Е. А. Textoобразующие потенции слова: (на материале прилагательных характеристики лица) // Языковые единицы русского языка в функциональном аспекте. Иркутск, 1985.
- Мальцев В. А. К вопросу о выявлении эмоциональной лексики в английском языке // Вопросы лексикологии и грамматики иностранных языков. Минск, 1963.

- Матвеева Т. В. Средства выражения тональности в литературно-художественном тексте // Культура речи в различных ситуациях общения. Челябинск, 1982.
- Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.
- Матвеева Т. В. Некоторые способы выражения субъективной модальности в публицистическом тексте // Структура и семантика текста. Воронеж, 1988.
- Михайлова О. А. Глаголы со специализированными предметными семами в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.
- Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики: (Анализ слов со значением «времени» в русском языке). М., 1977.
- Морозова Е. Л. Субъективно-оценочная модальность как самостоятельная категория художественного текста // Структура предложения и текст. М., 1982.
- Мурзин Л. Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1983.
- Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984.
- Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.
- Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.
- Новиков А. И. Лингвистическое толкование художественного текста. М., 1979.
- Новиков А. И., Чистякова Т. Д. К вопросу о теме и денотате текста // Изв. АН СССР Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 1.
- Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
- Носенко Э. Л. Влияние состояния эмоционального напряжения на восприятие речи // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
- Одинцов В. В. О структурных единицах текста // Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов. Калинин, 1979.
- Ольшанский И. Г. Взаимодействие семантики слова и предложения // Вопр. языкознания. 1983. № 3.
- Опыт семантической классификации русской глагольной лексики: (Обзор лексико-семантических групп) / Урал. ун-т. Свердловск, 1982. Деп. в ИНИОН АН СССР 16.02.83. № 12305.
- Павиленис Р. И. Понимание языковых и неязыковых текстов: (Интенциональность, интенциональность, индексальность) // Язык и логические теории. М., 1987.
- Пальчун Г. П. Предложения с предикатами аффекта: Дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1983.
- Петенева З. П. Об употреблении глаголов чувства в исторических песнях XVII в. о Степане Разине // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974.
- Петренко В. Ф. Экспериментальная психосемантика: (Исследования индивидуального сознания) // Вопр. психологии. 1982.
- Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.
- Пименова Г. А. Доминантное поле души в романе-сказке М. П. Пришвина «Осударева дорога» // Проблемы семантики. Рига, 1982.
- Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М., 1978.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: (Внутренняя организация. Категориальный аппарат и приемы изучения). Воронеж, 1984.
- Постовалова В. И. Язык и человек в лингвофилософской концепции В. Гумбольдта // Сущность, развитие и функционирование языка. М., 1987.
- Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Похмелкина В. Е. Лексико-семантическая группа глаголов отрицательного эмоционального состояния как проявление системности лексики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
- Прокуденко Н. А. Синтаксическая сочетаемость глаголов внутренних психических переживаний: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1969.
- Рас топчинская О. В. Сопоставительная характеристика семантических полей слов со значением «страх» во французском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1973.
- Рейнвальд Н. И. Теория дифференциальных эмоций // Психол. журнал. 1985. Т. 6. № 2.
- Роль человеческого фактора в языке: (Язык и картина мира). М., 1988.
- Ротова М. С. Лексико-фразеологические поля обозначения смеха и плача в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. 1.
- Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.
- Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.
- Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.
- Сакиева Р. С. Уровни языка и эмоциональность // Тр. Тбил. ун-та. 1984. Т. 245. Сер. Языкознание. № 8.
- Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Сергеева Л. Н. О соотношении объективных и субъективных факторов в значениях эмоционально-оценочных прилагательных в современном русском языке // Исследования по семантике. Уфа, 1982.
- Серебрянников Б. А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- Серебрянников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- Симонов П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970.
- Симонов П. В. Проблема классификации эмоциональных состояний в свете информационной теории эмоций // Речь, эмоции и личность: Материалы и сообщения Всесоюзного симпозиума, 27—28 февр. 1978 г. Л., 1978.
- Скворецкая Е. В. Экспрессивные возможности глаголов психического воздействия в русском языке // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983.
- Сквородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: (Опыт системного исследования). Томск, 1981.
- Солганик Г. Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционально-грамматические категории. Текст и контекст. М., 1984.
- Сретенская Е. Е. Семасиологическое исследование и лексикографическое описание глагольной синонимии: (на материале эмотивных глаголов современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Степанов Г. В. К проблеме речевого варьирования: (Автор и адресат) // Контекст. 1983. М., 1984.
- Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
- Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
- Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
- Сулименко Н. Е. Общие вопросы типологии лексических значений слов одного лексико-грамматического класса // Глагол в лексической системе русского языка. Л., 1981.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Телия В. Н. Метафора как проявление антропоцентризма в естественном языке // Язык и логические теории. М., 1987.
- Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- Тимофеев К. А., Бабкин А. М. [Рецензия] // Вопр. языкознания. 1955. № 2. Реч. на кн.: Современный русский язык: Лексика: (Курс лекций) / Е. М. Галкина-Федорук. М., 1955.
- Титон Р. Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики // Психолингвистика. М., 1984.
- Толстой Л. Н. Письмо Н. Н. Страху, 23 апр. 1976 г. // Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1951. Т. 30.
- Торсуева И. Г. Эмоциональность в речи // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
- Торсуева И. Г. Детерминированность высказывания параметрами текста // Вопр. языкознания. 1986. № 1.
- Трусов К. П. Выражение эмоций на лице // Вопр. психологии. 1982. № 5.
- Тураева З. А. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). М., 1986.

- Уфимцева А. А. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- Уфимцева А. А. Лексическое значение: (Принципы семиологического описания лексикона). М., 1986.
- Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- Федосюк М. Ю. Способы передачи информации в художественном тексте // Филол. науки. 1983. № 6.
- Федосюк М. Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. М., 1988.
- Фролова О. П. Эмоционально-оценочные существительные в лексике и фразеологии японского языка // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983.
- Фролова О. П. Экспрессивные характеристики человека в китайском языке: (семантика и типы) // Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1984.
- Фрумкина Р. М. Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- Фрумкина Р. М. Смысл и сходство // Вопр. языкознания. 1985. № 2.
- Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русс. яз. в школе. 1976. № 3.
- Харченко В. К. Взаимодействие коннотативных признаков, созначений в семантике слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983.
- Хидекель С. С., Кошель Г. Г. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языковых знаков. Воронеж, 1983.
- Ходина Н. Т. Обозначения жестов как знаки психологических состояний в русском и английском языках // Семантические категории изучения языка. Воронеж, 1981.
- Храпченко М. Б. Горизонты образа. М., 1982.
- Храпченко М. Б. Текст и его свойства // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987.
- Хьюз Р. Лисица на чердаке. Деревянная пастушка. М., 1987.
- Цвет Л. Я. О компонентных комплексах в семантическом пространстве лексической группы // Проблемы лексической и категориальной семантики. Симферополь, 1980.
- Черемисина Н. В. Вопросы эстетики русской художественной речи. Киев, 1981.
- Чернухина И. Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста: (факторы текстообразования). Воронеж, 1977.
- Чернухина И. Я. Замысел — произведение (текст) — «вторичное произведение» (интерпретация) // Семантика и структура текста. Воронеж, 1988.
- Чехов А. П. Письмо А. С. Суворину, 1 апр. 1890 г. // Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 11.
- Чудинов А. П. Семантическое варьирование русского глагола. Свердловск, 1984.
- Чудинов А. П. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердловск, 1986.
- Шапилова Н. И. Глаголы чувств в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1967.
- Шапилова Н. И. Структурно-семантический анализ группы глаголов внутреннего психического чувства // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974.
- Шахова Л. И. Структурно-функциональная характеристика ЛСГ существительных «чувственные переживания» в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1980.
- Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.
- Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
- Шведова Н. Ю. Лексическая классификация русского глагола // Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983.
- Шестопалова Л. С. Эмоционально-оценочный компонент значений и их функционально-стилевое распределение // Вопросы германской филологии. Новосибирск, 1982.
- Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М., 1971.
- Шмелев А. Г. Традиционная психометрика и экспериментальная психосемантика: (Объектная и субъектная парадигма анализа данных) // Вопр. психологии. 1982. № 5.
- Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии. М., 1964.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
- Шмелев Д. Н., Петрищева Е. Ф. Стилистические изменения в лексике // Русский язык и советское общество: Лексика современного русского языка. М., 1964.
- Шукшин В. М. Страдания молодого Ваганова // Шукшин В. М. Беседы при ясной луне. М., 1975.
- Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностр. лит. 1988. № 10.
- Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

развинтиться / развинчиваться₂, разойтись / расходиться₁₀, раскипятиться₂, распалиться / распалиться₂, растравиться / растравляться, растравливаться₂, трогаться / тронуться₃.

Эмоциональное воздействие

- I. Баламутить, будоражить, булгачить / взбулгачить, взбаламутить / взбаламучивать, взбудоражить / взбудораживать, волнительный, всполошить / полошить, взвинтить / взвинчивать, встревожить / тревожить, докучать, докучный, забеспокоить, заботить, набаламутить, насторожить / настораживать, неловкий, нервировать, обеспокоить / обеспокоивать, переволновать, переполошить, перетревожить, побеспокоить / беспокоить, потревожить, пронзительный, психоз, разволновать, растревожить, растрогать, тревожить, трогательный, хлопотный
- II. Беспокоить / обеспокоить, взволновать / волновать₂, возбудить₂, возбуждающий₂, горячить / разгорячить, замутить / мутить₃, мутить / замутить, мять₇, перемутить, потрясающий₂, пронизывающий₃, проникновенный₂, раздражить / раздражать₂, смутить / смущать, мутить₂, трогать / тронуть₃, утрудить / утрудить
- III. Берeditь, всколыхивать / всколыхнуть₂, дергать₄, задеть₂, зажигательный₂, накалять / накалить₂, охмелить₂, подвинтить, подогреть / подогреть₂, потрясти₃, приподнять / приподнимать, приподымать₂, пробудить / пробуждать₃, разгорячить / горячить, разжечь / разжигать₂, разогреть / разогреть₂, раскалить / раскалять₃, растравить / растравливать, растравлять₂, сверлить₂, сотрясать / сотрясти₃, сразить / сразить₂, щекотать₂, электризовать / наэлектризовать₂.

Эмоциональное отношение

- I. Забота, озаботиться / озабочиваться, предчувствие, предчувствовать.

Внешнее выражение эмоций

- I. Азартничать, вострепетать, горячиться, заботливый, неистовость, неистовствовать, неспокойный.
- II. Забыться₃, неистовствовать₂, нервный, нервозный₂.
- III. Занести / заносить₅, хлопать, трястись₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Баламут, беспокойный, возмутитель, горячка, докучливый, задористый, маетный, первозный, неспокойный, неугомонный, неуравновешенный, переполошенный, порох, суетливый, суматошливый, суматошный, темпераментный, тревожный.
- II. Заводной₃, развинченный₂, суетный₂, шумный₄, эмоциональный₂.
- III. Горячий₃, лихорадочный₂, мутный₄, раздерганый₂.

Эмоциональное качество

- I. Азартность, докучливость, заботливость, зажигательность, иступленность, лихорадочность, неистовость, нервность, нервность, неуравновешенность, пронзительность, развинченность, темперамент, темпераментность, трепетность, трогательность, экзальтированность, эмоциональность.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Исходные эмотивные смыслы и их лексическое выражение в современном русском языке¹

Беспокойство

Эмоциональное состояние

- I. Ажитация, азарт, аффект, беспокоиться, беспокойство, будоражиться, взвинтиться, взвинченность, взволнованность, возбуждение, возбужденность, всполох, встряска, исступление, испуганный, колгота, колготиться, маета, маетно, мястись, наволноваться, натерпеться, неистовость, неистовствовать, неистовый, нервничать, нерво-трепка, неспокойный, обеспокоиться / обеспокоиваться, переполох, перетревожиться, побеспокоиться, погорячиться, покипятиться, понервничать, потерянная, потревожиться, потрясение, почесаться, смятение, смятенность, смятенный, транс, тревога, тревожность, тревожный, шумиха, экзальтация, экзальтированность, экзальтированный.
- II. Беспокойно₃, спокойный₂, взвинченный₂, волнение₂, волноваться₂, докуча₂, заботиться₂, забыть₃, настороженный₂, нервный₃, 5, неспокойно₃, обеспокоенный₂, оживление₃, озабоченный₃, переживать₂, подъем₃, потерянный₂, разгоряченный₃, раздражение₂, раздраженный₂, растроганный₂, смутно₂, смутный₂, смущение₂, смущенный, сполох, томиться₂, томление₂, тревожно₂, трепет₂, трепетать₂, трепетный₂, трепещущий₂, угрызение₂, шумливый₃.
- III. Ажиотаж, взволнованный₂, горячка₂, ершиться₂, зуд, кипение₂, кипятиться₃, лихорадить₂, лихорадка₃, накал₃, опьяненный, пароксизм₂, пениться₃, повертеться₂, сгореть₆, сотрясаться / сотрястись, шатание₃, шум₃.

Становление эмоционального состояния

- I. Взбаламутиться / взбаламучиваться, взбудоражиться / взбудораживаться, взвинтиться / взвинчиваться, всполошиться / полошиться, встревожиться / тревожиться, задориться, занервничать, изволноваться, изнервничаться, насторожиться / настораживаться, перенервничать, переполошиться, разволноваться, разгорячиться, разжечься / разжигаться, разнервничаться, растревожиться, растрогаться, смутиться / смущаться.
- II. Взволноваться₂, возбудиться / возбуждаться₂, замутиться / мутиться₃, 4, потрясенный₂, раздражиться / раздражаться₂, разыгаться / разыгрываться₃, содрогнуться / содрогаться₂, теряться / потеряться₄.
- III. Всколыхнуться₂, вспрыгнуть, завестись / заводиться₅, накалиться / накаляться, накаливаться, потрястись / потрясаться, пробудиться / пробуждаться, пробуждение,

¹ Эмотивная лексика приводится в приложении с учетом типа значения и категориально-лексической семьи. В связи с этим внутри денотативных классов выделяются семантические подгруппы, а тип значения условно обозначается цифрами: I — основное, II — номинативно-производное, III — метафорически-производное.

Вдохновение

Эмоциональное состояние

- I. Вдохновение, вдохновенный, восторг, наитие, одухотворение, одухотворенность, патетический, пафос, порыв, прекраснодушие, прекраснодушный, приподнятость, экстаз, экстатичный.
- II. Воодушевление₂, воодушевленный₂, одухотворенный₂, одушевленный₂, подъем₃, порывистый₃, самозабвение₂, торжественный₂, увлечение₂.
- III. Муза₂, окрыленный₃, опьянение, парение₂, парить₂, пламень, пламя₂, пыль₂, угар₂.

Становление эмоционального состояния

- I. Вдохновиться / вдохновляться, воодушевиться / воодушевляться, одушевиться / одушевляться, одушевление.
- II. Загореться / загораться₃, расцвести / расцветать₃.

Эмоциональное воздействие

- I. Вдохновить / вдохновлять, воодушевить / воодушевлять, окрылить / окрылять.
- II. Одухотворить / одухотворять₂, одушевить / одушевлять₂.
- III. Зажечь₃, опьянить / опьянять, пьянить₂, поднять / поднимать₇, приподнять / приподнимать, приподымать₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Одухотворенный, экстатичный.
- II. Одушевленный₃.

Эмоциональная характеристика

- I. Вдохновитель, прекраснодушный, самозабвенный.

Эмоциональное качество

- I. Окрыленность, патетичность, порывистость, самозабвенность.

Вера

Эмоциональное состояние

- I. Вера, вериться, самонадеянный, самообман, самоуверенность, фанатичный.

Эмоциональное воздействие

- I. Убедить / убеждать, уверить / уверять.
- II. Приручить / приручать₂, укрепить / укреплять.

Эмоциональное отношение

- I. Верить, верование, веровать, доверие, доверять, доверяться / довериться, извериться / извериваться, поверить, повериться, преданность, приверженность, убедиться / убеждаться, уверенность, увериться / уверяться, уверовать, фатализм.
- II. Преданный₂, приручиться / приручаться₂, уверенный₂, укрепиться / укрепляться₂, фанатизм₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Доверить / доверять, клясться, клятва, самонадеянный.
- II. Преданный₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Благонадежный, верный, доверчивый, легковёрный, приверженный, приверженец, простодушный, самоуверенный, убедительный, фанатический, фаталист.
- II. Преданный₂, уверенный₃, фанатик₂.

Эмоциональное качество

- I. Верность, доверительность, доверчивость, легковерие, легковёрность, преданность, приверженность, самонадеянность, фанатичность.

Влечение

Эмоциональное состояние

- I. Дерзание, дерзновение, домогательство, маньячество, одержимый, похотливый, увлекательный.
- II. Вождение₂, вожделье₂, инстинкт₂, искушение₂, пафос₂, поманить₂, прельщение₂, тягость₃, чувство₄.
- III. Огонек, опьяненный₂, помешательство₂, порываться₂.

Становление эмоционального состояния

- I. Завлечься / завлекаться, оболститься / оболщаться, пристраститься.
- II. Впитаться / вливаться, помешаться₂.

Эмоциональное воздействие

- I. Вскружить, завертеть, заманить / заманивать, захватить / захватывать, искушать / искутить, оболстить / оболщать, охмурить / охмурять, привлекательный, приворожить / привораживать, прилучить / прилучать, соблазнительный.
- II. Влечь₂, манить₂, прельстить₂, привлечь / привлечь₂, приметный, присушить / присушивать₂, сманить / сманивать₂.
- III. Забирать / забирать₄, завлечь / завлекать₂, завоевать₂, зачаровать / зачаровывать, клонить, обмануть, приманить / приманивать, тяготеть₄, тяготиться₃, тянуть / потянуть₉.

Эмоциональное отношение

- I. Влечение, дерзать, искушаться, платонизм, пристрастие, симпатия, устремленность.
- II. Желание₂, искание₂, любить₃, любовь₂, прельститься₂, расположение₅, слабость₅, страсть₂, стремление₂, тяга₇, тяготение₃, тяготить₄, устремление₂, ярость₃.
- III. Стремиться₃, уйти_{1,2}.

Эмоциональная характеристика

- I. Завлекательный, заманчивый, искуситель, искусительница, маньяк, обольститель, обольстительница, обольстительный, похотливый, привлекательный, приманчивый, притягательный, соблазнитель, соблазнительница, хобби.
- II. Завороженный₂, искатель₂, манящий₂, обольщение₂, одержимый, платонический, ферт₂, чувственный₃, ярый₄.
- III. Приманка₂.

Эмоциональное качество

- I. Завлекательность, заманчивость, обольстительность, одержимость, порывистость, похотливость, привлекательность, притягательность, соблазнительность, увлекательность.
- II. Чувственность₂.

Высокомерие

Эмоциональное состояние

- I. Барский, высокомерный, заносчивый, погордиться, пренебрежительный, спесивый, тщеславие, тщеславный.
- II. Барство₂, гордиться₂, гордость₃, гордый.

Становление эмоционального состояния

- I. Загордиться, превознести / превозноситься.
- II. Занестись / заноситься₃.

Эмоциональное отношение

- I. Бравировать, высокомерие, пренебрежение, пренебречь / пренебрегать, чванство.
- II. Снисхождение₃.

Внешнее выражение эмоций

- I. Важничать, задаваться, кичиться, осанистый, провешать, спесивиться, спесивый, тщеславиться, форсить, ходульный, чваниться.
- II. Победоносный₂, сановитый₂, снисходительный₃, увиваться₂, фуфыриться₃.
- III. Дуться.

Эмоциональная характеристика

- I. Гордец, задавака, надменный, покровительственный, форсистый, форсун, форсуня, чванный.
- II. Начальственный₂, неприступный₂, пава₂, цаца₂.
- III. Козырь₃, ходули₂.

Эмоциональное качество

- I. Апломб, высокомерность, заносчивость, кичливость, надменность, пренебрежительность, спесивость, спесь, тщеславие, фанаберия, форс, форсистость.
- II. Важность₂.

Горе

Эмоциональное состояние

- I. Беда, несчастный, боль, выстрадать, горе, горевать, горевой, горюниться, горюшко, злоключение, злополучие, злосчастье, изведать / изведывать, изнеможение, изнеможенный, изнуренность, казнить, крест, лихо, маяться, многострадальный, мука, мучение, мученичество, мучиться / измучиться, мытариться / измытариться, мытарство, набедоваться, набедствовать, недоля, недуг, нелегко, несчастье, огорчение, огорчительно, огорчиться / огорчаться, отведать, переведать, перестрадать, перетерпеть, перечувствовать, погоревать, познать / познавать, полгоря, помучиться, потрясение, претерпевать / претерпеть, принять / принимать, прискорбие, промаяться, промаячить, скорбеть, скорбность, скорбь, страдание, страдать, страдательный, страдающий, терзание, томиться, томление, травма, тужиться, угнетенность, угрызаться, угрюмиться.
- II. Больно₂, зарез₂, знать₅, изжить / изживать₂, изнурение₂, испытать₂, испытывать₃, маяться₂, набраться / набираться₅, надрываться₃, напасть₃, наплакаться₂, наприиматься₂, невтерпеж, невыносимо₂, огорченный₃, отжить / отживать₂, переживание₂, перестрадать₂, плохоз, поруха, прискорбно₂, расстроенный₆, расстройство₃, скорбный, столбняк₂, страдательный₂, страдний₂, страдный₂, терпеть₃, потерпеть, томно₂, трагизм₂, трудно₄, тягать, тягостно₂, тяжело₄, убитый₁, угнетение₂, удрученный_{2,3}, ужас₃, ужасно₃, худо₂, чахнуть / зачахнуть.
- III. Ад, болеть₂, казнь₃, камень₄, надлом₃, надрыв₄, накипеть / накипать₂, накип₂, переболеть₂, плакать, понюхать, пытка, разрываться₂, рана₂, стонать₃, сулить, терние₂, трагедия₂, тяга₈, тяжесть₇, убиваться₃, удар, хватить₄, хлебнуть₃, ярмо.

Становление эмоционального состояния

- I. Выболеть, домучиться / домучиваться, загоревать, замучиться / замучиваться, затомиться, изболеть, известись / изводиться, изгореваться, измаяться, измотаться / изматываться, измучиться / измучиваться, мучиться, измытариться / измытариваться, мытариться, изнемогать / изнемочь, изнуриться / изнуряться, истерзаться, истомиться / истомляться, намориться, переиспытаться, перемяться, перемучиться, сбрендить, смяться / смаиваться, угрюметь, удручиться / удручаться, умаяться/умаиваться.
- II. Впасть₂, пережить/переживать_{2,3}, перенести/переносить₆, потрясенный, расстроиться/расстраиваться₆, сломиться/сламываться.
- III. Истрепаться/истрепываться₂, надорваться/надрываться₃, надсадить.

- I. Глумиться, затерзать, затомить, измять, измытарить / измытаривать, мытарить, изнузить / изнужать, истирать, истомить / истомлять, истязать, мучать, мучительный, мучительство, мучить / замучить, измучить, мытарить / замытарить, измытарить, накликать/накликать, накликивать, огорченный, огорчить/огорчать, перемучить, помучить, прискорбный, сгубить/губить, сдвить/сдавливаеть, тиранствовать, томительный, томить, травмировать, угрызать, угрызение, удручить / удручать, уесть / уедасть, умять / умаивать.
- II. Болезненный₃, замучить / мучить, запилить / запиливать₃, извести / изводить₃, измучить₂, лютый₂, мурыжить₂, наморить, наслать / насылать₂, недобрый₃, несчастный₃, опасный₂, перемучить₂, проманежить₂, раздрающий₂, расстроить / расстраивать₆, свирепый₂, сломить / сламывать, сокрушить / сокрушать, томительный₂, тревожить₂, тягчить, тяжелый₉, 10, убить / убивать₁₁, угнетать / угнести₂, удручающий₂, удручить / удручать₂.
- III. Вогнать/вгонять₂, глодать₂, грызть₃, душить₂, жечь₃, загрызть₂, 3, заесть/заедать₁, заклевать, затормозить, затравить, измочалить/измочаливать₂, измять₄, истерзать₂, истрепать / истрепывать₂, казнить₃, манежить, мучить₂, надломить₃, надорвать / надрывать₂, ноша, одолеть, палить₆, перевернуть / перевертывать₄, преследовать₃, пропечь / пропекать₂, пытать, раздраять₃, ранить₂, растерзать₃, резать₇, сгрызть / сгрызть₂, скрести, сметь₄, снестать₂, солёный₅, сосать₆, сушить / высушить₃, съесть / съесть₄, терзать / растерзать₂, точить₅, травить / затравить₈, тяготеть₅, тяготить₃, убийственный₃, ударить / ударять₂, удушливый₃, ущемить / ущемлять₂, ущипнуть₂, язвить₁.

Грусть

Эмоциональное состояние

- I. Безнадежность, безотрадность, безысходность, грустить, грустный, грусть, депрессия, журиться, задавленность, затосковать, ипохондрия, кручина, кручиниться, кручинушка, крушиться, кукуться, меланхолия, назола, наскучаться, натосковаться, невеселый, нерадостный, ностальгия, отчаяние, пессимизм, пессимистический, печалиться / опечалиться, печаловать, печаль, печальный, подавленность, подосадовать, покручиниться, понурость, поскучать, потомиться, потосковать, потужить, сгрустнуться, сетовать/посетовать, скука, скучать, скучища, скучный, сожаление, сокрушаться, соскучиться, сплин, томный, тоска, тоскливость, тоскливый, тосковать, унылость, унылый, уныние, утомление, хандра, хандрить, хмуро, хмурь.
- II. Грустно₂, невесело₂, нерадостно₂, неудобно₃, нехорошо₄, нудиться₂, нудно₂, омраченный₁, пакостно₂, паршиво₂, печально₂, погано₂, подавленный₃, пришибленный₂, прозябает₂, прозябание₂, раздосадованный₂, скверно₃, скучать₂, скучно, 3, страдать₃, сумрачно, сумрачный₂, томиться₂, тоска₂, тоскливо₂, 3, уныло₂, черно₃.
- III. Киснуть₂, минор, минорный₂, мрак₂, мрачный₃, оскомина, пасмурно₃, темно₃, тянуть / потянуть₂₂, элегия₃.

Внешнее выражение эмоций

Становление эмоционального состояния

- I. Возрыдать, выплакать, выплакаться, замереть / замирать, мученический, оплакать / оплакивать, плакать, плач, подкоситься / подкашиваться, полуживой, полумертвый, поплакать, прискорбный, причитать, проплакать, проплакаться, прослезиться, развыться, разнюниться, разреветься, разрыюниться, рыдание, рыдать, слеза, столбенеть / остолбенеть, стон, страдающий, траур, угрюмый, хныкать.
- II. Млеть₂, несчастный₂, обмереть / обмирать₂, подломиться / подламываться₂, подступить / подступать₄, потрясенный₂, реветь₂, сгорбиться₂, скорбный, убитый₃.
- III. Излияние₂, податься / подаваться₂, растерзанный₃, сохнуть / высохнуть₃, таять₂, хохлиться / нахохлиться.

Эмоциональная характеристика

- I. Горемыка, горемычный, горюн, горюня, горюша, драматический, злополучный, злосчастный, изнеможенный, многострадальный, мученик, мученица, мучитель, мучительница, навязчивый, невыносимый, непереносимый, несчастливцев, несчастливца, несчастливый, несчастный, палач, роковой, слезливый, страдалец, страдалец, страдальческий, страдотерпец, угнетатель, угнетательница, угнетательский, угрюмый.
- II. Жгучий₂, жертва₅, измочаленный₂, истомленный₂, обманчивый, огорченный₂, победный₂, проклятие₄, томный₂, трагический₂, трудный₂, тягостный₂, тягость₂, тяжелый₉, 10, угнетающий₂.
- III. Затравленный, истерзанный₄, истрепанный₃, каторжный₂, ранимый₂, тернистый₂, тиран₃, тиски₃, тошный₂, угнетенный₃.

Эмоциональное воздействие

- I. Грустный, заунывный, мрачный, надоедливый, надоедний, наскучить, невеселый, неотвязный, неотвязчивый, несносный, нудный, опечалить / опечаливать, печалить, осточерть, потомить, прискучивать, протомить, раздосадовать, скучный, унывный, утомительный, утомить / утомлять.
- II. Лезть₆, неловкий₄, нудить₂, 3, омрачить/омрачать₂, мрачить₂, печальный₂, подавить/подавлять₆, подавляющий₃, пристать/приставать₃, сокрушать/сокрушить, сокрушительный₂, стеснить/стеснять₅, страшный₂, сумрачный₃, томить₂, тоскливый₂, унылый₂.

- III. Зудеть₂, придавить / придавливать₂, прицепиться / прицепляться₂, пришибить₂, раздавить / раздавливать₃, растравить / растравливать, растравлять₁, теснить₃, щемить₁.

Эмоциональное отношение

- I. Сожалеть.
II. Вздыхать₂, сожалеть₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Нерадостный, отчаянный, печальный, понуриться, скучливый, скучный, томный, тоскливый, унылый, хмурый.
II. Нюни₂, поехать₃, раздосадованный₂, скучающий₄.
III. Нахохлиться / нахохливаться, хохлиться₂, теснить / стеснить₅, туман₁.

Эмоциональная характеристика

- I. Безнадежный, безотрадный, безрадостный, занудный, зуда, кисляк, кручинный, меланхолик, меланхолический, меланхоличка, муторный, мымра, назойливый, опечаленный, отчаянный, пессимист, пессимистка, печальник, печальница, понурый, скучливый, скучный, смурной, сушь, хмурый, элегичный.
II. Гнетущий₂, задавленный, кислотина₂, мертвящий, монотонный₂, назола₂, переутомленный₂, придавленный₃, прилипала (прилипало)₂, смурый₄, сумрачный₃, тоска₃, туманный₄, элегичный₂.
III. Глушитель₃, гнет, панихидный₂, постный₃, прилипчивый₃, свинцовый₃, согбенный, сумеречный, темный₃, тягучий₄, черный₁₂, щемящий₃.

Эмоциональное качество

- I. Меланхоличность, мрачность, надоедливость, назойливость, пессимистичность, смурость, сокрушительность, элегичность.

Доброта

Эмоциональное состояние

- I. Альтруизм, беззлобие, безропотный, бескорыстие, бескорыстный, благодарность, благодарный, благожелательный, благой, благосклонный, добродушный, доброжелательный, добронравный, добросердечный, добрый, доброхотный, забота, мягкосердечие, мягкосердечный, незлобие, оберегаться / оберечься, обуза, признательность, признательный, попечение, провозиться, радушный, своекорыстие, сердоболые, солидарный, участливый, хлопотно.
II. Внимательный₂, докука₂, обязанный₂, печаль₃, сухота₄.

Становление эмоционального состояния

- I. Добреть / подобреть, облагородиться / облагораживаться, озаботиться / озабочиваться, умилосердиться, умилоствиться.

II. Смягчиться / смягчаться₂.

III. Трогаться / тронуться₃.

Эмоциональное воздействие

- I. Задобрить / задабривать, оберегать / оберечь, обиходить / обихаживать, облагодетельствовать, облагородить / облагораживать, озаботить / озабочивать, поощрять / поощрить, раздобрить / раздобривать, соблаговолить / соблаговолять, благоволить, умилосердить, умилоствить / умилоствивлять.
II. Обязать₂, поручить / поручать₂, смягчить / смягчать₂.
III. Замаслить / замасливать₂, мягчить / смягчать₂, навалиться / наваливаться, подмаслить / подмасливать₂, трогать / тронуть₅.

Эмоциональное отношение

- I. Благоволение, благосклонность, доброжелательство, доброхотство, милость, патронаж, патронировать, поблажать, покровительство, попечительство, попустительствование, потворство, предостеречь / предостерегать, предосторожность, предупредительность, приязнь, радеть / порадеть, радушие, соблезнование, соблезновать, солидарность, ухаживать, участливый, фавор, филантропия, холя, хранительный, хранить / сохранить.
II. Беречь₃, беспокоить₂, внимание₂, глядеть₃, думать₄, заступление₂, милость₂, опека₃, печаловать₂, печься₂, побережь₂, поболеть₂, промылять₃, прощение, ревновать₃, смотреть₃, снизойти / снисходить₄, снисхождение₂, сочувствие₂, сочувствовать₂, старание₂, уход₂, уходить₂, участие₂.
III. Страховать / застраховать₃.

Внешнее выражение эмоций

- I. Благодарение, благодарить, благожелать, возблагодарить, доброжелательствовать, заботиться, нахмуривать / нахмурить, хмурить, нюни, нюнить, осторожничать, отблагодарить, откланиваться, побережься, поклон, помиловать / миловать, помилосердствовать, попустительствовать, потакать, потворствовать, признательный, пришаркнуть / пришаркивать, провить, проголосить, простить / прощать, простосердечный, радушный, рукопожатие, свеликодушничать, сердобольничать, смилостивиться, соблезновать, советовать, стяжать, тюткаться, холить, шадить / пошадить.
II. Внимательность₂, миндальничать₂, нахмуренный₂, опекать₂, пожать / пожимать₂, подумать₄, ревнивый₃, рыцарство₃, стараться₂, ходить₁₁, хороший₃, чуткий₄.

Эмоциональная характеристика

- I. Альтруист, благожелатель, благонравный, доброжелатель, доброхот, добряк, добрячка, душевный, заветный, заступник, заступница, заступнический, кроткий, милостивец, милостивица, милостивый, незлобивый, незлобный, незлой, незлопамятный, оберегатель, осторожный, отец, отзывчивый, патронесса, поборник, поборница, подопечный, понимающий, попечитель, попечительница, потворщик, приязненный, простосердечный, протеже, радетель, радетельница, радетельный, рачитель, рачительница, рачительный, самоотверженный, своекорыстный, сердобольный, старатель, холеный, ходатай, человечный, филантроп, филантропический, филантропиза, шкурник, щедрый.
II. Бережливый, бережный, внимательный, любовный₂, ограда₂, печальник₂, печаль-

ница₂, подвижнический₂, ревнивый₃, рука₆, рыцарский₂, рыцарь₂, сердечный₄, снисходительный₂, хлопотливый₂, хороший₇.

III. Ангельский, голубиный₂, мягкий₅, нянька, патрон₂, подпора₂.

Эмоциональное качество

I. Беззлобность, безропотность, бережность, бескорытность, благодушие, благожелательность, благость, великодушие, добродушие, доброжелательность, добронравие, добросердечие, добросердечность, доброта, душевность, заступничество, кротость, мягкосердечность, мягкотелость, незлобивость, незлопамятность, озабоченность, осторожность, отзывчивость, предупредительность, простосердечие, рачительность, своекорыстие, умилительность, участливость, чуткость, щедрость, щедрота.

Дружба

Эмоциональное состояние

I. Благорасположенный, дружелюбный, либеральный, мирный, приветливый, приветный.

Становление эмоционального состояния

I. Подружиться, сдружиться / сдруживаться, сжиться / сживаться, сродниться / родниться.
II. Приблизиться / приближаться₃, родниться / породниться, сродниться₂, соединиться / соединяться.
III. Спаяться / спаиваться₂, спеться₂, сплотиться / сплываться₂.

Эмоциональное воздействие

I. Подружить, приблизить / приближать, приветливый, примирить / примирять, мирить, сдружить / сдруживать, сроднить / роднить.
II. Сковать / сковывать₂, спаять / спаивать₂, сплавить / сплавлять, сплестись / сплестаться, сплотить / сплывивать.

Эмоциональное отношение

I. Благоволение, благорасположение, добрососедство, дружба, дружелюбие, дружество, дружить, дружиться, контактироваться, ладить, общаться, общение, поблажка, приближенность₂, приветить, приветливость, приязнь, приятельство, приятельствовать, спознаться / спознаваться.
II. Близость₂, контакт₃, принять / принимать₈, сблизиться / сблизиться₂, свести / сводить₂, связаться / связываться₂, связь₃, совет₅, согласие₃, ₂, сойтись / сходитьсь₄, товарищество₂.
III. Смычка₃, спайка₃, срастись₂, узы₃.

Внешнее выражение эмоций

I. Благоволить, дружеский, привет, приветствовать, удружить / удружать, ужить-ся / уживаться.
II. Брататься₂, объединиться / объединяться₂.

Эмоциональная характеристика

I. Друг, дружественный, дружный, дружок, закадычный, конфиденциальный, кореш, корешок, миролюбивый, наперсник, наперсница, общежительный, общественный, общительный, подружка, приближенный, приветливый, примирительный, приязненный, приятель, приятельский, родной, уживчивый.
II. Братия₂, братский₂, интимный₂, контактный₃, короткий₃, ладный₄, родственный₃, свойский₂, сестра₂, согласный₄, спаянный₂, товарищ₃.
III. Кровный₆, сплоченный₃, тесный₂.

Эмоциональное качество

I. Дружественность, интимность, либеральность, общительность, примирительность, родственность, согласованность, уживчивость.
II. Короткий₂.

Жалость

Эмоциональное состояние

I. Жалость, жаль, каяться / покаяться, милосердие, раскаяние.
II. Жалко₂, сочувственный₂.

Эмоциональное воздействие

I. Жалкий, жалобить, разжалобить.
II. Плачевный₂, слезный₃.

Эмоциональное отношение

I. Жалеть / пожалеть, милость, откликнуться / откликаться, раскаяние, раскаяться / раскаиваться, сострадание, сострадать, сочувствие, сочувствовать.
II. Отозваться₂, пощадить₂, сожаление₂, уважение₂.

Внешнее выражение эмоций

I. Жалобиться / пожалобиться, жалобный, жалостный, иеремиада, кляуза, мило-сердный, милосердствовать, пени, пенять, плакаться, поплакаться, пощада, пощадить, пронуть, раскаяться / раскаиваться, сжалиться, скулить, слезница, соизволить / соизволять, сострадательный, сочувственный, хныкать.
II. Ныть₂, сетовать / посетовать₂, скулеж₂, скулить.
III. Самобичевание₂, скулить₂, стон₂, стонать₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Жалобщик, жалостливый, кляузный, милосердный, плачевный, самобичующий, сострадательный.
- II. Плакальщик₂.
- III. Слезливый₂.

Эмоциональное качество

- I. Жалость, милосердие.

Желание

Эмоциональное состояние

- I. Вожделение, желание², задумка, изволение, намерение, попользование, потребность, притязание, прихоть, причуда, хотеть.
- II. Алкать, желание₂, мечта₃, охотка₂, подмывать₂, рад₂, угодно.
- III. Жадность₂, жажда₂, настроение₃, тянуть / потянуть₁₀.

Становление эмоционального состояния

- I. Захотеться, лститься / польститься, перехотеться, польщенный, приохотиться / приохочиваться, разохотиться.
- II. Разлакомиться.

Эмоциональное воздействие

- I. Взманить, побудить / побуждать², попутать, приохотить / приохочивать, разманить / разманивать, разохотить, соблазнительный, соблазнить / соблазнять.
- II. Предрасполагать₂, раздражить / раздраживать₂.
- III. Разлакомить, распалить / распалить₃.

Эмоциональное отношение

- I. Вожделеть, восхотеть, желание, желать, зариться / позариться, намереваться / намериться, охотиться, пережелать, перехотеть, польститься / лститься.
- II. Изволить₂, побуждение, претензия₂.
- III. Жаждать₂, лелеять₂, погоня₃, тянуться₅.

Внешнее выражение эмоций

- I. Капризничать, пожелание, пожелать, самовластие, своевольный, соблазниться / соблазняться, фокусничать.
- II. Подписаться / подписываться₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Вожденный, желанный, капризный, капризуля, прихотливый, произвольный, разборчивый, своевольный, соблазн, уросливый.

Эмоциональное качество

- I. Капризность, прихотливость, произвол, своеволие, своевольность.

Жестокость

Эмоциональное состояние

- I. Беспощадный, бесчеловечный, жестокий, жестковатый.
- II. Неистовость₂, ожесточение₂, ожесточенный₃, свирепость₂.

Становление эмоционального состояния

- I. Звереть / озвереть, ожесточиться / ожесточаться, озверение, свирепеть / освирепеть, рассвирепеть, стервенеть / остервенеть.

Эмоциональное отношение

- I. Изуверство, истязательство, палачество.
- II. Тиранство₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Зверство, зверствовать, истязание, истязать, лютование, лютовать, свирепствовать, свирепый, суровый.

Эмоциональная характеристика

- I. Безжалостный, дракон, драконовский, жестокосердный, живоглот, изверг, изувер, изуверка, изуверский, ирод, истязатель, истязательница, истязуемый, кровопивец, кровопийца, кровосос, лютый, мачеха, немилосердный, нещадный, озверелый, свирепый, суровый, тиранский, шкуродер.
- II. Варварский₃, живодер₂, животное₂, звериный, зверский₂, зверь₂, зверюга₂, истукан₂, нехристь₂, ожесточенный₂, тиран₂, тиранический₂, тяжелый₇.
- III. Животный, инквизитор₂, инквизиционный, каннибал₂, каннибальский₂, окаменелый₃, сатрап₂.

Эмоциональное качество

- I. Безжалостность, беспощадность, бесчеловечность, жестокосердие, жестокость, живодерство, инквизиторство, кровопийство, лютость, ожесточенность.
- II. Варварство₂, садизм₂.
- III. Каннибализм₂.

Злость

Эмоциональное состояние

- I. Злиться, злоба, злوبيлся / озлобиться, злобный, злобствовать, злодейство, злоехидный, зложелание, злой, злорадный, злорадствовать, злость, лиходейский, мстительный, неблагонамеренный, остервенение, погнеться, подуться, позлиться, посердиться, раж, сердиться / рассердиться, сердчат. фуфыриться, хмуриться, худо¹, яриться, яростный, ярость, ярый.
- II. Бешенство², дуться², злоз, озлобление², озлобленный², разгневанный², раздражение^{2, 3}, раздраженный³, разъяренный², свирепость², сердитый², ужас⁴.
- III. Кипятиться³, пузыриться³, сердце⁴, шетиниться/ошетиниться³, яд², язва³.

Становление эмоционального состояния

- I. Злеть / озлеть, злиться / озлиться, обозлиться, разозлиться, озлобиться / озлобляться, остервенелый, остервениться / остервеняться, очертенеть, прогнеться, пылить², разгневаться, раздосадоваться, разжечься / разжигаться, разлютоваться, разъяриться/разъяряться, рассердиться/сердиться, рассерчать, сатанеть/осатанеть, свирепеть/освирепеть, рассвирепеть, сердиться, стервенеть/остервенеть,
- II. Осатанеть², перебеситься², раздражиться / раздражаться³, рассерженный², расфуфыриться².

Эмоциональное воздействие

- I. Дразнить, злить / обозлить, разозлить, злوبيть, зловерный, озлобить / озлоблять, остервенить / остервенять, очернить / очернять, чернить, побесить, позлить, поиздеваться, поизмываться, прогнеть, разгнеть, раздражить / раздражать, разъярить / разъярять, рассердить / сердить, ярить.
- II. Довести⁵, раздражающий^{2, 3}, раздражить/раздражать³.
- III. Колоты, подтравить / подтравливать³, сорвать / срывать⁹, темный⁴.

Внешнее выражение эмоций

- I. Бешенствовать, ерепениться / взерепениться, ехидничать, злобствование, злопыхательство, злопыхательствовать, злословие, злословить, каверзить, каверзничать, мечь, мстить, пакостить / напакостить, побеситься, поддразнивание, подковырка, поехидничать, позлорадствовать, позлословить, прищкнуть/прищкивать, развоеваться, рявкнуть, сбьчить, сбьчиться, свирепствовать, супиться, топать / топнуть, яростный.
- II. Выместить², зеленеть / позеленеть², колкость², мщенье², подковырнуть / подковыривать², проклясть / проклинать², проклятие², прорычать², прошипеть², рычать², сердитый², супостат².
- III. Жалить², огрызнуться / огрызаться², подколоты⁴, прорвать / прорывать³, прорваться/прорываться³, разбушеваться², фыркать², язвить³.

Эмоциональная характеристика

- I. Бесовка, демонический, дьявольский, ехида, злец, зложелатель, зложелательный, злокозненный, злонамеренный, злонаправный, злопамятный, злоречивый, злоумышленник, злоумышленный, злыдень, злюка, злючка, злющий, каверза, каверзник, каверзница, каверзный, кипяток, коварный, лиходей, лиходейка, лихой, мефисто-

фельский, нехороший, осатанелый, отходчивый, раздражительный, сардонический, сердитый, чертовский.

- II. Аспид, вредный², ехидна³, змея², сатанинский², фурия.
- III. Адский, зменный², колкий², колючий³, окрыситься², черный¹³, ядовитый², язва⁴.

Эмоциональное качество

- I. Ехидство, злобность, зловерность, злонаравие, злопамятность, злорадство, злостность, злоязычие, каверзность, коварность, свирепость, сердитость, злобленность, раздраженность, раздражительность, свирепость, сердитость.

Искренность

Эмоциональное состояние

- I. Бесхитротный, задушевный, искренний, простоватый, простодушный, прямодушный.
- II. Невинный², ребячливый².
- III. Простой⁸.

Внешнее выражение эмоций

- I. Наивничать, откровенничать, открыться / открываться, прямить, прямодушный, разоткровенничаться.
- II. Откровение⁴.
- III. Раскрыться / раскрываться⁵, распахнуться / распахиваться².

Эмоциональная характеристика

- I. Искренний, младенческий, наивный, неподдельный, непосредственный, непритворный, нехитрый, откровенный, простак, простачок, простушка, простыня, простяга, ребенок.
- II. Настоящий⁴, натуральный⁴, проникновенный², прямой⁴, сердечный³.
- III. Открытый⁶, провинциальный², свежесть³, чистый¹⁰.

Эмоциональное качество

- I. Бесхитротность, искренность, наивность, откровенность, проникновенность, простоватость, прямодушие.
- II. Невинность², проникновение².

Лицемерие

Внешнее выражение эмоций

- I. Двоедушничать, двуличничать, заискивать, лживый, лицемерить, лстить, маскироваться / замаскироваться, притворство, притворствовать, фальшивить, ханжество, ханжить.

- II. Егозить₂, лицедействовать, фарисейство₂, хитрость₂.
- III. Перекраситься / перекрашиваться.

Эмоциональная характеристика

- I. Двоедушный, двуличный, двурушник, елейный, криводушный, лицемер, лицемерка, лицемерный, лстыивый, наигранный, лстец, натужный, неискренний, поддельный, притворщик, притворщица, притворный, ханжа, ханжеский.
- II. Заискивающий₂, комедиант₂, комедиантский₂, мнимый₂, неестественный₂, ненастоящий₂, ненатуральный₂, фальшивый₄, фарисейский₂, фарс₄.
- III. Маска₂, масляный₃, медовый₃.

Эмоциональное качество

- I. Двоедушие, двуличие, двуличность, комедианство, криводушие, лицемерие, лицемерность, лстыивость, наигранность, неестественность, неискренность, притворность, притворство.
- II. Комедия₃, фальшь₂.

Любовь

Эмоциональное состояние

- I. Взаимность, влюбленность, влюбленный, гуманный, зазноба, изнеженность, любить, нежный, обаятельный, очарование, очарованный, прелесть, пылкий, страстишка, страстный, страсть, умиление, умилительный, умильный, усердный.
- II. Любиться₂, любящий, нежность₂, обаяние₃, поклонение₂, привязанный₂, расположенный₂, страстный₃, страсть₃, тепло₃, увлеченный₃, умилительно₂, чарование₂, чувствительный₂.
- III. Жар₂, зачарованный₂, кипеть₆, огневой₄, огненный₄, огонь, пламенеть, пламенный₃, пламень₂, пламя₂, пыл₂, пылать₂, теплеть₃.

Становление эмоционального состояния

- I. Влюбиться / влюбляться, изнежиться, отлюбить, очароваться / очаровываться, развежничаться, расчувствоваться, умилиться / умиляться.
- II. Влопаться₃, развежниться / развеживаться₂, расположиться / располагаться₂, умиленный₂.
- III. Врезаться₂, пригреться / пригреваться₂, распалиться / распаляться₂, растаять / растаивать, таять₃.

Эмоциональное воздействие

- I. Влюбить / влюблять, зазнобить, изнежить / изнеживать, нравиться / понравиться, обворожительный, пленительный, подмазаться / подмазываться, полонить, полюбиться, предрасположить / предрасполагать, прельстить, приворожить / привораживать, причаровывать / причаровать, симпатичный, улестить / улещать, улещивать, умилительный, умилить / умилять.
- II. Желанный₂, заморозить / замораживать₂, любовный₃, нежить₂, отбить / отбивать₄, очаровать / очаровывать, чаровать, покорить₂, привадить / приваживать₂,

привязать / привязывать₃, приятный₂, развежить / развеживаться₂, расположить / располагать₂, сблизить / сблизать₂, связать / связывать₅, увлечь₃, чаровать₂, чародейный₂, чарующий₂, чары₂.

- III. Заколдовать / заколдовывать, закружить, заполнить / заполонять, околдовать / околдовывать_{1, 2}, пленить / пленять₂, подкупить / подкупать, подлипать₂, прикормить / прикармливать, присушить / присушивать₂, притянуть / притягивать₃, склонить / склонять₂, сразить / сражать, теплить, увлечь₄, умаслить / умасливать₂.

Эмоциональное отношение

- I. Боготворить, возлюбить, втрескаться, втюриться, гуманизм, излюбить, ласковость, любить, любиться, любовь, обоготворение, обоготворить / обоготворять, обожание, патриотизм, плениться / пленяться, победить / побеждать, поглынуться, подластиться / подлащиваться, поклоняться, покоить, полюбить, полюбоваться, прельститься, привыкнуть / привыкать, привязанность, приглынуться, принадлежать, приобвыкнуть, пролюбить, свыкнуться / свыкаться, симпатизировать, симпатия, слюбиться / слюбливаться, спознаться / спознаваться.
- II. Гулять₄, жаловать₂, желать₃, жить₅, интрига₃, крутить₆, любить₂, обожание₂, обождать₂, ответ₂, ответить₃, поклоняться₂, расположение₄, роман₂, сблизиться / сблизаться, связаться / связываться₃, связь₂, семейственность₂, сжиться / сживаться₂, склонность₂, спутаться / спутываться, путаться₄, уважат₂, увлечение₄, увлечься / увлекаться₃, удержать / удерживать₃, хороводиться, чувство₇, шашни₂.
- III. Закрутить / закручивать₅, молиться₂, прикипеть / прикипать₂, прилепиться / прилепляться, прилепливаться₂, прилипнуть / прилипать, липнуть₃, сохнуть / высохнуть, срастись₂, тепло₅.

Внешнее выражение эмоций

- I. Ворковать, голубить, кокетничанье, кокетничать, куртизанить, ласка, ласкать, ласкаться, ласковый, ластиться, лелеять, лобзание, лобзать, лобзаться, лобызанье, любезничать, миловать, миловаться, миндальничать, нежничанье, нежничать, нежный, обласкать, обнять / обнимать, обняться / обниматься, объятие, объять, огладить / оглаживать, перецеловать, перецеловаться, поласкать, поласкаться, поцеловать / поцеловываться, поцелуй, поцелуйный, приволокнуться / обнять, помиловаться, поухаживать, поцелуй, поцелуйный, приволокнуться / приинкнуться / приинкать, приударить / приударять, проворковать, свидание, расцеловать / расцеловывать, расцеловаться / расцеловываться, сердцеед, сердцеедка, трепать, уластить / улащивать, умилительный, усердствовать, ухажерство, ухаживание, целование, целовать / поцеловать, целоваться / поцеловаться, чмокаться.
- II. Буйство₂, лизать₂, лизаться₃, льнуть / прильнуть₂, нежить₂, нежность₃, очарованный₃, приложиться / прикладываться₂, проволочиться₂, сгрести / сгребать₃, симпатия₂, снизоити / снисходить₃, страстный₃, таскаться₄, ухаживать₂, хороший₃, чмокать₂.
- III. Клокотать₃, пригреть / пригревать₂, прилипнуть / прилипать, липнуть₇, умаслиться / умасливаться₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Богиня, божество, вздыхатель, влюбчивый, избранник, кокетка, кокетливый, лада, ласкательный, любя, любвеобильный, любезник, любимец, любимица, любимчик, любо, любовный, любушка, миленок, милка, милый, миляга, ненаглядный, обожатель, обожательница, очарованный, очарователь, очаровательница, пассия, патриот,

патриотка, подруга, полюбивший, полюбивший, полюбивший, прелестник, прелестница, прелеститель, прелестительница, прелестительный, приворотный, привязанность, привязчивый, пылкий, слащавый, соперник, соперница, сударка, сударушка, сударь, уветливый, увлекающийся, ухажер, ухажерка, ухаживатель, фаворит, фаворитка, хахаль, чувственник.

II. Божок₃, возлюбленный₂, дорогой₃, зазноба₂, излюбленный₂, изнеженный, любезный₂, ₃, любимый₂, ₃, любовник₂, любовница₂, милашка₂, милая₃, миленький₂, милушка₂, милый₃, паточный₂, подкупающий₂, поклонник, поклонница, предмет, присуха₂, пламенный₂, расположенный₃, романический₂, сердечный₄, сладостный₂, солнце₄, хороший₆, ₁₀, чаровница₂, чародей₄, чародейка₄.

III. Буйный₃, голубица₂, горячий₂, знойный₂, идол₂, кипучий₂, колдовской₂, кумир₂, миндальный₃, огневой₄, огненный₄, огонь, пламенный₃, теплый₄.

Эмоциональное качество

I. Влюбчивость, горячность, гуманность, кокетливость, любвеобильность, любовь, нежность, обаяние, обаятельность, обворожительность, очаровательность, патриотичность, пленительность, привязчивость, пылкость, расположенность, сердечность, слащавость, страстность, уветливость, увлеченность, умильность, умильный, усердие, чувственность, чувствительность.

Любопытство

Эмоциональное состояние

I. Заинтересованность, любопытство, любопытствовать / полюбопытствовать.
II. Занятно₂, интересно₂, любопытно₂, безразлично₂.

Эмоциональное воздействие

I. Заинтересовать / заинтересовывать, заинтриговать / заинтриговывать, интриговать, занимательный, интересничать, интересный, интересовать.
II. Интриговать₂, безразличный₂, увлечь₃.

Эмоциональное отношение

I. Заинтересоваться / заинтересовываться, интерес, поинтересоваться.

Внешнее выражение эмоций

I. Глазеть, интересоваться, любопытничать, любопытный, равнодушие, полюбопытствовать.
II. Заняться₂, зевать₂, увлечься / увлекаться₂.
III. Ухватиться / хватываться₃.

Эмоциональная характеристика

I. Зевака, любознательный, безразличный, безынтересный, равнодушный, пытливый, ротозей, увлекательный.

II. Заинтересованный₂, занятный.

Эмоциональное качество

I. Занимательность, любознательность, пытливость.

Наглость

Эмоциональное состояние

I. Беззастенчивый, беспардонный, бесстыдный, бесстыжий, циничский.
II. Циничный.

Становление эмоционального состояния

I. Наглеть, растленный, растлиться / растлеваться, хаметь / охаметь.
II. Разнузданный₃, разнуздаться / разнуздываться₂, распоясаться / распоясываться₂, распуснуться / распускаться₂.

Эмоциональное воздействие

I. Растлить / растлевать.

Эмоциональное отношение

I. Цинизм₂.

Внешнее выражение эмоций

I. Бесстыдничать, нахальничать, охальничать, развязный, фамильярничанье, фамильярничать, циничный.
II. Хамство₂.

Эмоциональная характеристика

I. Бесцеремонный, наглец, наглый, нахал, нахалка, нахальный, нахрапистый, нецеремонный, охальник, панибратский, панибратство, развязный, фамильярный, халда, хамка, хамоватый, хамье, циник.
II. Иезуит₂, распущенный₂, резкий₅, хам₂.

Эмоциональное качество

I. Беззастенчивость, беспардонность, бесстыдность, бесстыдство, бесцеремонность, иезуитство, наглость, нахальство, нахрап, нецеремонность, разнузданность, фамильярность, циничность.
II. Распущенность₂.

Надежда

Эмоциональное состояние

1. Надежда, уповательный, чаяние.

Эмоциональное воздействие

1. Обнадежить / обнадеживать.
- II. Обнадеживающий₂.

Эмоциональное отношение

1. Заждаться, надеяться, поджидать, подождать, положиться / полагаться², понадеяться, сулить, упование, уповать, чаять.
- II. Ждать₂, льститься / польститься₂, ожидание₂, ожидать₂, расчет₂.

Эмоциональная характеристика

1. Надежный.

Неверие

Эмоциональное состояние

1. Неверие, нелестный, пессимизм, разочарование, ревность, упадничество, упадочность.
- II. Разочарованный₂, скептический, упадочный₂.

Становление эмоционального состояния

1. Разувериться / разуверяться.

Эмоциональное воздействие

1. Подозрительный, разочаровать, разочаровывать, разуверить / разуверять.
- II. Погрешить / грешить₃.

Эмоциональное отношение

1. Заподозрить / заподозривать (заподозривать), неверие, подозревать, подозреваться, подозрение, разочароваться / разочаровываться, ревность, скепсис, скептицизм.
- II. Подозрительность₂.

Внешнее выражение эмоций

1. Исподлобья, скептический.
- II. Подозрительный₂, разочарованный₂.

Эмоциональная характеристика

1. Мнительный, неблагонадежный, недоверчивый, ненадежный, ревнивец, ревнивица, ревнивый, упадочнический.
- II. Критический₃, неверный₂, подозрительный₂, упадочник₂.

Эмоциональное качество

1. Неблагонадежность, недоверчивость, ненадежность, разочарованность, ревнивость, скептичность.

Недовольство

Эмоциональное состояние

1. Бесноваться, взбешенный, возмущение, гнев, гневаться / разгневаться, прогневаться, гневный, досада, досадовать, завистливый, зависть, издерганность, негодование, негодовать, недовольный, недовольство, неудовольствие.
- II. Беситься₂, бешенство₂, возмущенный₂, волноваться₃, досадно₃, дуться₂, завидно₂, зло₃, мутно₃, негодующий₂, неприятно₂, неудовлетворенность₂, нехорошо₃, опалиться / опаливаться, опалиться₂.
- III. Желчь₁, ₂, топорщиться₄, топыриться₃, тошнить₂, тошно₃.

Становление эмоционального состояния

1. Взбелениться, взбеситься / беситься, взъерепениться, взъяриться, возмутиться / возмущаться, вознегодовать, вспетушиться, вспылить, звереть / озвереть, злеть / озлеть, злиться / озлиться, издергаться.
- II. Вспыхнуть / вспыхивать.
- III. Взвиться₂, взъерошиться₂, вскипеть / вскипать₃, вскипятиться₂.

Эмоциональное воздействие

1. Бесить / взбесить, взбеленить, взъерепенить, взъярить, возмутительный, возмутить / возмущать, гневить, досадить / досаждать, досадливый, издергать, неприятный.
- II. Волнующий₂.
- III. Взорвать₂, мутить / замутить, взмутить₃.

Эмоциональное отношение

1. Завидовать, позавидовать, приревновать, раздор, ропот, тяготиться.
- II. Претендовать₂.
- III. Трещина.

Внешнее выражение эмоций

- I. Брюзжать, жалоба, жаловаться / пожаловаться, накричать, нахмурить / нахмуривать, нахмуриться / нахмуриваться, хмуриться, недовольный, обвинения, отмахиваться, пенять, претензии, придирки, притопнуть, пробрюзжать, пробурчать, роптание, роптать, ретировать, упрек, упрекать / упрекнуть, фрондировать, шебаршить, шебаршиться.
- II. Бушевать₂, вспышка₂, гроза₂, дуться₂, кривиться / скривиться₂, напасть / нападать, негодующий₂, отплеываться₂, проборка₂, пробрать / пробирать₂, проворчать₂, продрать / продирать, раскудахтаться₂, шипеть₂.
- III. Взорваться₂, кислый₂, налететь / налетать₄, самобичевание₂, точить₆, трепать₆, твякать, шевелиться₂, шпиговать₃, шпынять₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Безобразие, бесноватый, брюзгливый, вспльчивый, гневливый, завидуший, завистник, завистница, запальчивый, проклятый, проклятый, ругатель, ругательный, ругательница, ругань, самобичующий, стерва, стервец, стервоза, фрондерский.
- II. Досадно₂, издерганный₂.
- III. Гроза₃, желчный₂, нахотенный₃, пигмей₂, фрондер₂.

Эмоциональное качество

- I. Возмутитель, вспльчивость, завистливость, запальчивость.

Неприязнь

Эмоциональное состояние

- I. Брезгливый, гадливость, гадливый, злоба, мерзостно, недоброжелательный, недоброжелательный, нелюбовь, ненавистничать, ненавистничество, ненависть, неодобрительный, неприветливый, неприветный, неприязненность, неприязненный, омерзение, омерзительно, порицательный, размолвка.
- II. Гадко₂, гнусно₂, мерзко₂, предубежденный₂, противно₂.
- III. Тошнота₂.

Становление эмоционального качества

- I. Омерзеть, опротиветь.
- II. Осатанеть₂.
- III. Столкнуться / сталкиваться₁.

Эмоциональное воздействие

- I. Гадкий, гнусный, излаять, мерзить, мерзкий, ненавистный, отвратительный, отвращать / отвратить, отрицательный, отталкивающий, перебранить, предубедить / предубеждать, рассорить, скверный, смутить / смущать, мутить, ссорить / поссорить.

- II. Восстановить₄, коробить / покоробить₄, оттолкнуть / отталкивать₂, поганый₂, презренный₂, презрительный₂, претить₂, скверность₂.
- III. Грязный₃, клеймить / заклеить₃, столкнуть / сталкивать, стравлять¹, тошнотворный₂, тошнотный₃, усыкать.

Эмоциональное отношение

- I. Брезгать / побрезгать, брезгливость, брезговать / побрезговать, возненавидеть, вражда, враждебность, враждовать, гнушаться / погнушаться, гонение, кидаться, манкировать, мизантропия, невзлюбить, неглижировать, недоброжелательство, недоброхотство, недобрый, недолголюбивый, недружелюбие, недружелюбный, немилость, ненавидеть, неодобрение, неприязнь, нерасположение, неуважение, остода, осудить / осуждать, отвергнуть / отвергать, отверженный, отринуть, ошибка, попирать, попрание, порочить / опорочить, предубеждение, предубежденность, презирать, презрение, презрительность, размолвка, разонравиться, распря, рассориться, рознь, самообличение, самоосуждение, склока, ссора, стычка, схватка, усобица, хулить.
- II. Осуждение₂, отвращение₂, переваривать₂, попирать₂, презрение₂, разброд₃, расстройство₄, скандал₂, столкновение₂, судить₂, сцена₄.
- III. Коситься₂, начихать₃, отвернуться / отвертываться₈, отворотиться / отворачиваться, плевать₂, расплеваться / расплевываться₂, рвать¹ / разорвать, порвать₂, рваться / разорваться, порваться₂, трение₂, швыряться₂, шутить₄.

Внешнее выражение эмоций

- I. Забранить, избранить, изругать, кара, карать, корить, костить, крестить, кукиш, лаять, лаяться, набзуть, напустить / напускаться, нареkanie, наругаться, недоброжелательный, недружелюбный, неодобрительный, неприязненный, обвинить, облаять / облаивать, обличить / обличать, обложить, обругать, обругиваться, обрушиться / обрушиваться, опорочить / опорочивать, отповедь, отрицать, отругать / отрубать, отругать, отругиваться, отчитать / отчитывать, охаять / охаивать, хаять, ошкаты, перебраниваться, перебранка, перекоры, перекоряться, переругиваться, пересуд, песочить / пропесочить, побранить, покор, покорить², поносить², поношение, попрек, попрекать / попрекнуть, порицание, порицать, поругать, поругаться, похаять, презрительный, придираться / придраться, придирка, проклясть / проклинать, проклятие, проработать / прорабатывать, противник, протянуть / протягивать, разбранить / разбранивать, разбраниться, раздраконить / раздраконивать, разругать, разругаться, раскритиковать / раскритиковывать, распечь / распекать, расхаять / расхаивать, расчихвости́ть, ругать / выругать, ругаться / выругаться, ругня, сволочить, сволочиться, сгубить, собачить, собачиться, ссориться / поссориться, столкновение₃, упрекать / упрекнуть, хлестать, хула, хуление, чернить / очернить, чихвости́ть / отчихвости́ть, шельмование, шельмовать / ошельмовать.
- II. Выпаз, клясть₂, кричать₄, наброситься / набрасываться₃, немилостивый₂, ненавидящий₂, ненавистный₂, оговорить / оговаривать₄, покрыть / покрывать₂, проташить / протаскивать₄, прохватить / прохватывать₃, процедить / процеживать₂, пушить / распушить₂, разнос₂, раскритичаться₂, распатронить / распатронивать₂, распушить / распушать, пушить₂, содрогание, срезаться / срезаться, срезываться, цапаться / поцапаться, честить₃, шерстить₃, шикать₃.
- III. Вылазка₂, изрыгать / изрыгнуть₂, казнить₃, наскочить / наскакать₃, ополчиться / ополчаться, опрокинуться / опрокидываться₄, перегрызться₂, плевать₃, погрызться, пощипать₃, прокатить / прокатывать₄, разить, разнести / разносить², раскатать / раскатывать₇, уничтожающий₄, холодный₆, царпанье₃, царпанься₃, чистить₄, чихать₃, язвить₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Брезгливый, гад, гадость, гадюка, гнида, гнусь, крыса, мерзавец, мерзопакостный, мизантроп, мизантропический, мразь, неблагожелательный, недоброжелатель, недоброжелательный, недоброхот, недруг, неконтактный, некорректный, неласковый, нелюбезный, нелюбимый, немилый, ненавистник, ненавистница, неприятель, неучтивый, нечисть, ниспровергатель, обличитель, обличительница, омерзительный, отверженец, отвратный, пакостный, порицатель, постылый, предосудительный, придира, придиричивый, противный, сварливый, хулигатель.
- II. Неблаговидный₂, ненавистник₂, ненавистница₂, неуважительный₂, пес₂, порочный₂, слякоть₂.

Эмоциональное качество

- I. Гнусность, мерзость, неблагожелательность, недоброжелательность, некорректность, неласковость, нелюбезность, неприветливость, неприязненность, неуважительность, неучтивость, одиозность, омерзительность, предубежденность, презрительность, придиричивость.

Обида

Эмоциональное состояние

- I. Афронт, бесчестье, обида, обидеться / обижаться, придавленность, приниженность, самоунижение, самоуничижение, укоризненный, униженность, унижительность, уничижительность.
- II. Обидно₂, обиженный₂, оскорбленный₂, униженный₂, ущемленный₂, уязвленный₂.
- III. Оплеуха, пощечина, щелчок₃.

Становление эмоционального состояния

- I. Изобидеться, оскорбиться / оскорбляться, разобидеться, унизиться / унижаться, уничижаться.
- II. Надуться₄.

Эмоциональное воздействие

- I. Заушательный, заушательство, издеваться, изобидеть, надругаться, обидеть / обижать, оскорбить / оскорблять, принизить / принижать, разобидеть, унизить / унижать, уничижать.
- II. Осквернить / осквернять, сквернить₂, отомстить / отомщать, мстить, оплатить / оплачивать, смеяться₂, умалить / умалять₂.
- III. Задеть₂, затронуть / затрагивать, заушение₂, лягать₂, оплевать / оплевывать₂, пригнест / пригнетать₂, придавить / придавливать₂, пришить / пришивать₃, распотать / распотывать, ронять₅, топтать₂, укол₃, уколоть₂, уничтожить / уничтожать₃, ущемить / ущемлять₂, уязвить, царапать / оцарапать.

Эмоциональное отношение

- I. Кошунство, укорительность.

- II. Шутить₂.
- III. Святотатство.

Внешнее выражение эмоций

- I. Издевательство, измывательство, измываться, кошунствовать, надругание, напеть₄ / напевать, натешиться, обида, обиженный, принизиться / принижаться, укоризна, укорить / укорять, унижение, эпатаж.
- II. Обозвать / обзывать, оскорбление₂, улюлюкать₂, униженный₃.
- III. Изрыгать / изрыгнуть₂, надуть₅, прорвать / прорывать₃, прорваться / прорываться₃.

Эмоциональная характеристика

- I. Издевательский, измывательский, кошунственный, обидный, обидчивый, обидчик, обидчица, оскорбитель, оскорбительница, оскорбительный, оскорбленный, мимоза, недотрога, униженный, унижительный.
- II. Небезобидный₂, придавленный₃, приниженный₂, унижение₂.
- III. Пария₂.

Эмоциональное качество

- I. Обидчивость, оскорбительность.

Одиночество

Эмоциональное состояние

- I. Одиноко, одиночество, отрешенность, покинутость, разрозненность, разъединение, разъединенность, сиротливость, сиротство, уединенность.
- II. Нелюдимо₂, отчужденный₂, пусто₃, сиротство₂, уединение₂.
- III. Пустота₂, холодно₄.

Становление эмоционального состояния

- I. Замкнуться / замыкаться, обособиться / обособливаться, обособляться, отчуждаться, отъединиться / отъединиться, раздружиться, разлучиться / разлучаться.
- II. Задичать / дичать₂, отойти / отходить, отстать / отставать, разойтись / расходиться₄, сиротеть / осиротеть₂, удалиться / удаляться₄.
- III. Отгородиться / отгораживаться, откачнуться, отодвинуться / отодвигаться₂, порваться / порываться, рваться₂, раздражиться, размежеваться₂, разрушиться / разрушаться₂, разъединиться / разъединяться, расколотиться / расколачиваться₂.

Эмоциональное воздействие

- I. Отчуждать / отчудить¹, отъединить / отъединять, покидать / покинуть, раздружить, разлучить / разлучать.

- II. Разделить / разделять, делить₂, разладить / разлаживать₃, разрознить / разрознивать₂, рознить₂, удалить / удалять₃.
- III. Осиротить, отвести / отводить, отгородить / отгораживать, порвать / порывать¹, рвать₂, раздробить / раздроблять, дробить₂, разобщить / разобщать, разорвать / разрывать₃, разрушить / разрушать₂, разъединить, расколоть / раскалывать₂.

Эмоциональное отношение

- I. Отрезанность, отчуждение, отшатнуться / отшатываться, разобщенность, расстаться / расставаться, уединиться / уединяться, чуждаться.
- II. Отдалиться / отдаляться, разбиться / разбиваться₄, розниться₃, сочувствовать₂, убогаться₄, чураться₂.
- III. Отмежеваться / отмежевываться, оторваться₃, разорваться / разрываться, рвать₃, расплеваться / расплевываться₂, рвать¹ / разорвать, порвать₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Избегать / избежать, избегнуть, отчураться, уединение, уединиться / уединяться.
- II. Сторониться₃, холодок₅.

Эмоциональная характеристика

- I. Нелюдимка, нелюдимый, необщительный, отшельник, отшельнический, отщепенец, отщепенка, разлучник, сиротливый, сиротский.
- II. Замкнутый₂, затерянный₂, одинокий₂, отрешенный₂, покинутый₂, раздробленный₃, разобщенный₂, разрозненный₃, сырый₂, чужак₂, чуждый₂, чужой₆.
- III. Изгой₂, стена₄, холодный₈.

Эмоциональное качество

- I. Замкнутость, затерянность, нелюдимость, необщительность, отчужденность, раздробленность.

Одобрение

Эмоциональное воздействие

- I. Восхитительный, восхитить / восхищать.

Эмоциональное отношение

- I. Дорожить, восхититься / восхищаться, налюбоваться, одобрение.
- II. Благословение₂, дифирамб₂, отметить₄, покровительство₂, признание₃, успех₂, ценить / оценить₃.
- III. Подпевать / подпеть₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Аплодировать, аплодисменты, захвалить / хвалить, лесть, наградить / награждать, нахвалить, овация, одобрительный, одобрить / одобрять, перехваливание, перехвалить / перехваливать, поддакивать, подхвалить, положительный, похвала, похваливать, похвальба, превознесение, превознести / превозносить, приветствовать, расхвалить / расхваливать, расхвалиться, рекомендовать / отрекомендовать, порекомендовать, рукоплескания, рукоплескать, самовосхваление, сентиментальничать, славить / прославить, славословить, хваление, хвалить, хвалить / похвалить, хвалиться / похвалиться, хлопать.
- II. Благословить₂, плескаться₆, поощрение₂, признать / признавать₄, прославить / прославлять, славить₄, рассыпаться / рассыпаться₅, хвала, чествование₂.
- III. Гимн₂, кадить, панегирик₂, фимиам₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Поощрительный, похвальный, учтивый, хвалебный, хвалитель, ценитель.
- II. Благоприятный, сентиментальный_{2, 3}, хороший₅, шикарн₂.
- III. Герой₃, панегирист₂, подпевала₂.

Протест

Эмоциональное состояние

- I. Настойчивый, упорство.
- II. Вызов₃.

Становление эмоционального состояния

- I. Заупрямиться.

Эмоциональное отношение

- I. Вызов, отринуть, отрицать, протест.
- II. Негативизм₂, ожесточение₂.
- III. Отпор, отрубить / отрубать, оттолкнуть / отталкивать.

Внешнее выражение эмоций

- I. Возразить / возражать, демонстрация, ерепениться / взъерепениться, настойчивый, упорствовать, упрямитесь, упряместовать, фордыбачить, фордыбачиться.
- II. Дурить.
- III. Корячиться, упереться / упираться₄.

Эмоциональная характеристика

- I. Закоренелый, крепколобий, крутой, строптинец, строптеница, строптивный, упористый, упорный₂, упрямец, упряница, упрямый, характерец.
- II. Осел₂.

Эмоциональное качество

1. Неутомимость, стропливость, упорность, упрямство.

Равнодушие

Эмоциональное состояние

- I. Апатия, аполитизм, безразличие, безразличный, бессердечие, бессердечный, индифферентный, обломовщина, пресыщенность, прострация, равнодушный.
- II. Бесчувственный, вялый₂, невнимание₂, пресыщение₂, пресыщенный₂, равнодушие₂.
- III. Охлаждение₂, спячка₂.

Становление эмоционального состояния

- I. Загрубеть, охолодеть.
- II. Задеревенеть, закаменеть₃, закиснуть/закисать₂, зачерстветь/черстветь, одеревенеть₂, окаменеть / окаменевать₃, каменеть₃, остывать / остыть, остынуть₂, остылый₂, охладеть / охладевать₂, перегореть / перегорать₄, пресытиться / пресыщаться₂.

Эмоциональное воздействие

- I. Обездушить / обездушивать, охолодить, очерствить / очерствлять, черствить, расхолодить / расхоложивать.
- II. Наплевать₃, охлаждающий₂, охладить / охлаждать₂, пресытить / пресыщать₂, сушить / высушить₄.

Эмоциональное отношение

- I. Безучастие, индифферентизм, равнодушие.
- II. Бесчувствие₂, невнимательность₂, нечуткость₂.
- III. Холод₅.

Внешнее выражение эмоций

- I. Апатичный, безучастный, оттолкнуть / отталкивать, равнодушный.
- II. Невнимание₂, плевать₃, потухший₂.
- III. Каменеть₂, наплевать₄.

Эмоциональная характеристика

- I. Бездушный, бессердечный, замороженный, нечувствительный, очерствелый.
- II. Дуб₂, загрубелый₂, идол₃, кукла₂, нечуткий₂, отдаленный₄, отрешенный₂, отсутствующий, пеня₂.
- III. Глухой, деревянный₂, каменный₃, одеревелый прохладный₂, пустой₂, рыбий₂, сухой₁₀, толстокожий₂, черствый₂.

Эмоциональное качество

- I. Аполитичность, бездушие, бездушность, безучастность, бессердечность, индифферентность, очерствелость, пресыщенность.

Радость

Эмоциональное состояние

- I. Беззаботность, бодрость, веселиться, веселый, веселье, восторг, восторженность, восторженный, жизнерадостный, забавляться, оптимизм, отрада, пересмех, пересмешки, планида, повеселиться, позабавиться, поликовать, порадоваться, поразвлекаться, посмеиваться, потеха, потешаться, потрафить, рад, радоваться, радостный, радость, разгулье, смех, смехота, счастливый, счастье, талант, тешиться, удача, утеха, фарт, фартить, фортуна.
- II. Весело₂, легкость₂, лукавство₂, лукавый₂, оживление₂, оживленно₂, оживленный₂, отрадн₂, приподнято₃, радостно₂, развлекать / развлекаться₂, светло₃, сладко₃, 4, сладостно₂, смешно₂, торжество₄, торжествовать₃, фортуни₂, умора₂, уморительно₂.
- III. Звезда, мажор₂, петь₂, плавать₄, праздник₄, проветриваться / проветриться₃.

Становление эмоционального состояния

- I. Веселеть / повеселеть, взбодриться / взбадриваться, взвеселиться, возвеселиться / возвеселяться, возликовать, возрадоваться, восторгаться, животвориться, навеселиться, нарадоваться, ободриться / ободряться, обрадоваться, оконфузиться, опростоволоситься, повеселелый, приободриться / приободряться, развеселиться, разгуляться / разгуливаться, раззадориться / раззадориваться, размяться, распотешиться, счастливиться, увеселяться, юнеть.
- II. Оживиться / оживляться₂, промяться / проминаться₂, размяться / разминаться₂, свежень / посвежень₂.
- III. Воскреснуть / воскресать, ожить / оживать, освежиться / освежаться₂, просветлеть₃, просветлеть / светлеть₂, пьянеть / опьянеть₂, раскататься / раскатывать₃, расцвести / расцветать₂.

Эмоциональное воздействие

- I. Благодатный, бодрить, веселить / развеселить, взбодрить / взбадривать, взвеселить, возвеселить / возвеселять, восторгать, живить, животворить, забавить, забавлять, забавный, насмешить, ободрение, ободрительный, ободрить / ободрять, ободряющий, одурачить / одурачивать, оконфузить, осмеять / осмеивать, осчастливить, отрадн₂, пересмеивание, пересмеивать / пересмеять, повеселить, подбодрить / подбодрять, подзуживать / подзудить, позабавить, порадовать, поразвеселить, поразвлечь, посмешить, посмеяние, потешать / потешить, приободрить / приободрять, просмеять / просмеивать, прохладить / прохлаждать, радовать, развлечение, развлечь / развлекать, раззадорить / раззадоривать, разыграть / разыгрывать, разутешить, распотешить, рассмешить, смехотворный, смешить, смешной, счастливить, тешить, увеселять, уморить.
- II. Благодать₄, забавно₂, оживить / оживлять₂, поддержать / поддерживать₂, помешаище₂, продернуть / продергивать₂, разгулять / разгуливать₂, счастливый₂, торжественный₂.
- III. Воскресить / воскрешать, крепиться, освежить / освежать₂, поднять / поднимать, проветрить / проветривать, просветлеть / просветлять₂, пьянить / опьянить₂,

раззудить₂, раскачать / раскачивать₄, растормошить₃, расшевелить / расшевелить₂, шевелить, светить₃.

Внешнее выражение эмоций

- I. Беззаботный, бодриться, забава, зубоскалить, зубоскальство, иронизировать, ирония, ликование, ликовать, насмеяться, насмешка, насмешничать, насмеяться, нахохотаться, обхохотаться, ослабиться / ослабляться, склаться, осмеяние, отсменваться, паясничать, пересменваться, перешихикиваться, подсмеиваться / подсмеяться, подтрунивание, подтрунить / подтрунивать, подшихикивать, подшутить / подшучивать, полуулыбка, порскнуть / порскать, посмеяться, пошихикивать, пошихикать, похохатывать, похохотать, пошутить / пошучивать, приосаниться / приосаниваться, проказа, проказничать, радостный, рассмеяться, резвиться, резвунья, резвушка, смех, смешок, смеяться, счастливый, улыбаться / улыбнуться, улыбка, усмехнуть / усмеяться, усмешка, ухмылка, ухмыльнуться / ухмыляться, хиханьки, хихиканье, хихикать, хохма, хохот, хохотанье, хохотать, хохотнуть, хохотня, хохоток, шутить, шутка, шериться / ошериться.
- II. Гулять₃, обрадованный₂, оживленный₂, оскалиться, праздник₂, прогулять / прогуливать, просветленный₃, прыснуть / прыскать₄, ржание₂, ржать₂, сияние₂, сиять₃, сияющий₂, торжествующий₃, улыбчивый, цвести.
- III. Осветить / освещать, просиять₂, расплыться / расплываться₄, свет₇, светить₆, светиться₃, светлеть / осветлеть₄, просветлеть₃, светлый₇.

Эмоциональная характеристика

- I. Беспечный, бесшабашный, бодряк, весельчак, жизнеутверждающий, забавник, забавница, зубоскал, комичный, курьез, курьезный, насмешливый, насмешник, насмешница, неунывающий, озорной, оптимист, паяц, пересмешник, пересмешница, посмешище, потешник, потешный, проказник, проказница, разбитной, развеселый, резвый, смежливый, счастливец, счастливца, счастливчик, увеселитель, увеселительный, удачливый, удачный, уморительный, усмешливый, фартовый, хохмач, хохотун, хохотунья, хохотушка, шутистый, шутик, шуточка, шуточный.
- II. Игривый₂, комический₃, легкий₅, праздничный₃, приподнятый₃, розовый₃, сияющий₃, шутишка₂, шутовской₂, юморист₂, юмористка₂, юмористический₂, юмористичность₂.
- III. Красный₄, легкокрылый₂, лучезарный, мажорный₂, перец₄, пьяный₂, поддержка, радужный₂, светлый₇, светозарный, сладкий₄, солнечный₄.

Эмоциональное качество

- I. Беспечность, бодрячество, веселость, животворность, комичность, курьезность, насмешливость, проказливость, смехотворность, смешливость, удачливость, шутишь.
- II. Светозарность.

Смелость

Эмоциональное состояние

- I. Бесстрашный, бойкий, доблестный, мужественный, смель / посмель, хорохориться, храбриться.

Становление эмоционального состояния

- I. Осмелиться / осмеливаться, смелеть / осмелеть.
- II. Отвердеть / отвердевать₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Дерзость, мужаться, отважный, продерзость, решительный, решиться / решаться.
- II. Дерзать₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Дерзновенный, дерзостный, напористый, настойчивый, неробкий, неустрашимый, отважный, паладин, решитель, смелый, смельчак, сорвиголова, твердокаменный, храбрец, храбрый.
- II. Дерзкий₂, орел₂, орлиный₂, пробойный₂, решительный₂, сокол₃.
- III. Пробивной₂, стальной₂, стонческий₂, твердый₃.

Эмоциональное качество

- I. Бесстрашие, доблесть, кураж, молодечество, мужественность, мужество, настойчивость, неустрашимость, отвага, отважность, решимость, решительность, смелость, стойкость, храбрость.
- II. Напор₃, отчаянность₂, характер.
- III. Стоицизм₂.

Смирение

Эмоциональное состояние

- I. Вытерпеть, платиться / заплатить₃, послушание, потерпеть, протерпеть, слабодушие, слабость, смирение, смиренничать, смиренномудрие, смиренномудрый, смиренный, стерпеть, стерпеться, терпеть, терпеливый, терпение.
- II. Размягчение₂, размягченный₂, смягченность₂, терпеливый₃.

Становление эмоционального состояния

- I. Дотерпеть, обтерпеться, ослабеть / ослабевать, слабость, приручить / приручать, приручиться / приручаться, присмиреть, сдюжить, смириться / смиряться, смиренность / посмирнеть, унять / униматься, усмирить, усмириться / усмиряться.
- II. Выдержать / выдерживать₂, вынести / выносить₄, замириться / замиряться₂, смягчиться / смягчаться₂, уладиться / улаживаться₂, умягчиться / умягчаться.
- III. Отмякнуть / отмякать₂, размягчиться / размягчаться₂, размякнуть / размякать₂, снести / сносить₃, укоротиться, укротиться / укрощаться, утихнуть / утихать₆.

Эмоциональное воздействие

- I. Ослабить / ослаблять, перемирить, подчинить / подчинять, приручить / приручать, смирить / смирать, умягчить / умягчать, унять / унимать, усмирение, усмирить / усмирать.
- II. Мирить₂, смягчить₂, согласить / соглашать₂, успокоить / успокаивать₂.

- III. Обнажить / обнажать₆, размягчить / размягчать₂, скрутить₃, согнуть / сгибать₃, укротить₃, укротить / укрощать₂.

Эмоциональное отношение

- I. Подчиниться / подчиняться, потешаться, примириться / примиряться, притерпеться, снисхождение, терпеть, уладить / улаживать.
II. Гнуться, переварить₄, перемирие, склониться / склоняться, съесть / съедать, есть₅.

Внешнее выражение эмоций

- I. Принизиться / принижаться, скромничать, смалодушествовать, смалодушничать.
II. Мириться / примириться₂, размягченный₂, смиренный₂, терпеливый₃, укоряющий₂, уступка₂, фыркать₄.

Эмоциональная характеристика

- I. Безропотный, долготерпеливый, кроткий, овечий, овечка, поклонный, покоритель, покорительница, послушливый, послушный, прирученный, сговорчивый, скромник, скромница, скромный, слабодушный, слюнтяй, смиренный, смиренница, смиритель, смирный, снисходительный, теленок, усмиритель, уступчивый, фарсер, христосик.
II. Невольник₂, приниженный₂, размягченный₂, ручной₃, слабый₂, subtilный₂, телятина₂, терпимый₂.
III. Рыхлый₃, телячий₂, шелк₅, шелковый₃.

Эмоциональное качество

- I. Безропотность, долготерпение, кротость, покорность, прирученность, размягченность, сговорчивость, скромность, слюнтяйство, смиренность, снисходительность, терпеливость, терпение, терпимость, уступчивость.
II. Смирение₃.

Сомнение

Эмоциональное состояние

- I. Недоуменный, нерешимость, нерешительность, нерешительный, неуверенность, посомневаться, психастения, разлад, рефлексия, скептический.
II. Колебание₃, колебаться₄, недоумение₂, поколебаться₄, развенчанность₂, раздвоение₃, сомневаться₂, сомнительно₃.

Становление эмоционального состояния

- I. Засомневаться.
II. Раздвоиться / раздваиваться₂.

Эмоциональное воздействие

- I. Колебать / поколебать, сомнительный.
II. Колебать / поколебать₃, разлагающий₂, разладить / разлаживать₂.
III. Раздирать₂.

Эмоциональное отношение

- I. Посочувствовать, поусомниться, приревновать, ревновать, ревность, сомневаться, сомнение, усомниться.
II. Скепсис₂, скептицизм₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Замяться / заминаться, нерешительный, скептический, усомниться.
II. Жаться₃, нетвердый₃.

Эмоциональная характеристика

- I. Неуверенный, ревнивый.
II. Нетвердый₃, ревнивый₂.

Эмоциональное качество

- I. Нерешительность, неуверенность, сомнительность.

Спокойствие

Эмоциональное состояние

- I. Бесстрашие, выдержка, покой, примиренность, самообладание, самоуспокоенность, сдержаться / сдерживаться, скованность, умиротворенность, успокоение, успокоенность, хладнокровный.
II. Мир₂, облегчение₂, облегчиться / облегчаться₃, покойно, скрепиться₂, спокойно₃, спокойный₃, спокойствие₂, тихоз₄, успокоенный₂, уютно₃.
III. Пристань₃, равновесие₄, тишина.

Становление эмоционального состояния

- I. Выровнять / выравнивать, отлечь / отлегать, отогреться / отогреваться, поспокойтаться, присмиреть, притихнуть / притихать, прояснить / прояснить, умиротвориться / умиротворяться, успокоиться / успокаиваться, утешиться / утешаться, утихомириться / утихомириваться, утишиться / утишаться.
II. Перебеситься₃, проясниться / проясниться₄, распусться / распускаться₂, сгладиться / сглаживаться₃, смириться / смириться₂, стихнуть / стихать₄, умиротворенный₂, утихнуть / утихать₄, уходить₃.
III. Остывать / остыть, остынуть₂, перебродить, перекипеть / перекипать₂, просветлеть / светлеть₂, простынуть, простыть, рассеяться / рассеиваться₄, стынуть₇, стыть₇, укротиться / укрощаться, яснеть / прояснеть₄.

Эмоциональное воздействие

- I. Миротворный, самоуспокоение, угомонить / угомонять, умиротворение, умиротворить / умиротворять, успокаивание, успокоительный, успокоить / успокаивать, утешение, утешительный, утешить / утешать, утихомирить / утихомиривать, утишить / утишать.

- II. Облегчить / облегчать₄, примиряющий₂, прояснить / прояснять₃, сгладить / сглаживать₃, смирить / смирать₂, тешить₃, уговорить / уговаривать₂, успокаивающий₂, утомить / утомлять, уютный.
- III. Отогреть / отогревать, рассеять / посеивать₃, согреть / согревать₃.

Внешнее выражение эмоций

- I. Бесстрастный, миротворство, флегматичный, хладнокровный.
- II. Облегченный₄, спокойный₂.
- III. Светлеть / посветлеть, просветлеть₃, ясный₃.

Эмоциональная характеристика

- I. Безмятежный, невозмутимый, неторопливый, примиренный, сдержанный, смиренный, тихоня, умиротворитель, умиротворительница, успокоитель, успокоительница, утешитель, утешительница, флегматичный, хладнокровный.
- II. Закаленный₂, мирный₄, покойный₃, степенный, тихий₄, уравновешенный₂, утешение₂, эпический₂.
- III. Ровный₅, светлый₈, скованный₂, ясный₃.

Эмоциональное качество

- I. Безмятежность, бесстрастность, невозмутимость, примирительность, сдержанность, уравновешенность, успокоительность, утешительность, уютность, хладнокровие.
- II. Расслабленность₂.

Страх

Эмоциональное состояние

- I. Беречься / поберечься, боязливый, боязно, бояться, жуткость, жуть, заботиться, испуг, испуганный, малодушие, напугаться / пугаться, опасаться, опасение, опаска, опасливый, оробелый, паника, паниковать, перепуг, перетрусить, перетрухнуть, перетрястись, побояться, пугаться / испугаться, напугаться, робеть / оробеть, смятение, страсть, страх, страшиться, струсить, струхнуть, трусить, трусость, ужас, ужасть.
- II. Встревоженный₂, запуганный₂, дикий₈, жутко₂, перепуганный₂, робкий₂, сторожкий₂, страшно₂, трепетный₃, угрожающий₂, холод₄.
- III. Дрожать₂, трепет₃, трепетать₃.

Становление эмоционального состояния

- I. Заробеть, испугаться / пугаться, оробеть / робеть, перепугаться, сробеть, тушеваться, ужаснуться / ужасаться, утрашиться / утрашаться, холодеть / похолодеть.

Эмоциональное воздействие

- I. Встревожить / тревожить, грозный, жуткий, запугать / запугивать, настращать, остережение, острастка, отпугнуть / отпугивать, панический, перепугать, постра-

щать, пристращать / пристращивать, пугать / испугать, напугать, распугать / распугивать, спугнуть / спугивать, страховитый, страхолюдный, страшенный, страшить, стращать, терроризировать, угрожаемый, ужаснуть / ужасать, ужасный, утрашение, утрашительный, утрашить / утрашать, чудовищный, шантаж.

- II. Пугающий₂, стращать₂, утрашающий₂.
- III. Леденить, леденящий₂, холодить₃.

Эмоциональное отношение

- I. Побаваться, поостерегаться, рутинна, сторониться, убояться.
- II. Трястись₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Вопль, малодушествовать, малодушный, робкий, отняться / отниматься, отыматься, паникерство, паникерствовать, погрозить / грозить, погрозиться / грозиться, пригрозить, прикрикнуть / прикрикивать, угрожать, угроза.
- II. Костенеть₂, мяться₂, 4, обомлеть/обомлевать₂, робкий, стеснительный, труситься₂.
- III. Леденеть / заледенеть, оледенеть, окаменеть / окаменевать₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Жупел, опасливый, паникер, паникерский, паникерша, пуганый, пугливый, робкий, рутинер, рутинный, сторожкий, страшило, страшилище, страшливый, трус¹, трусиха, трусишка, трусливый, чудовище, шантажист, шантажистка.
- II. Забитый₂, дикарка₂, дикарь₂, дичок, пугало₂, стеснительница, угроза₃.
- III. Кошмар₂, кошмарный₂, темный₅.

Эмоциональное качество

- I. Дикарство, опасливость, осторожность, пугливость, робость, трусливость.

Стыд

Эмоциональное состояние

- I. Конфуз, оторопь, позор, посовеститься, постесняться / стесняться, постыдиться, растерянность, сконфуженность, смущение, смущенность, совеститься / усовеститься, совесть, срам, срамота, стыд, стыдиться, стыдоба.
- II. Зазорно₂, замешательство₂, неловко₃, неловкость₃, неудобно₃, неудобство₂, оконфуженный, посрамление₂, совестно₂, стеснение₂, стесняться / постесняться₂, стыдно.

Становление эмоционального состояния

- I. Засмущаться, засовеститься, застесняться, застыдиться, конфузиться / оконфузиться, обесславить / обесславливать, озадачиться / озадачиваться, оторопелый, оторопь, перекофузиться, позориться / опозориться, скандализироваться, срамить-

ся / осрамиться, усовеститься / усовещиваться, совеститься, устыдиться / устыжаться.
II. Дрогнуть₂, замешаться / замешиваться₃, мешаться / смешаться₄, растеряться₂, смутиться / смущаться₂, стушеваться / стушевываться, тушеваться₂.

Эмоциональное воздействие

- I. Застыдить, клевета, клеветать, клепать, конфузить / оконфузить, конфузный, обескуражить / обескураживать, обесславить / обесславливать, обесчестить / обесчестивать, озадачить / озадачивать, ославить / ославлять, очернить / очернять, чернить, переконфузить, позорить / опозорить, позорный, порицание, поругание, посрамить, постыдить, пристыдить / пристыжать, скандализировать / скандализовать, скандальный, срамить / осрамить, стыдить, стыдный, усовестить / усовещать, совестить, устыдить / устыжать.
- II. Оскандалить₃, поругать₂, постыдить₂, смешать / смешивать, мешать₄, смутить / смущать, мутить₃.
- III. Грязнить₂, запачкать₂, запятнать / пятнать₂, корезить₆, пачкать₂, поганить / опоганить, подсесть / подсесть₄, срезать / срезать₄, срезывать₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Оторопелый, пожиматься, поперхнуться, посрамление, скандалить, стыдливый.
- II. Закраснеть₂, замяться / замяться₂, озадаченный₂, перемянаться₂, растерянный₂, сконфуженный.
- III. Заклеймить / клеймить₂, клеймо₃, краснеть₃, окостенеть / окостеневать, окоченеть / окоченевать, коченеть.

Эмоциональная характеристика

- I. Зазорный, застенчивый, клеветник, конфузливый, постыдный, скандалить, совестливый, совестный, срамник, срамной, стыдливый.
- II. Обескураженный₂, смутный₂, стеснительный₃.

Эмоциональное качество

- I. Конфузливость, скандальность, совестливость, стеснительность, стыдливость.

Уважение

Эмоциональное воздействие

- I. Импонировать, почтенный.
- II. Импонирующий₂.
- III. Освятить / освящать₂.

Эмоциональное отношение

- I. Благоговение, благоговеть, пиетет, почет, почитать², почтение, почтительность, предпочтительность, разуважить, респект (решпект), уважать, уважение, фетишизировать.

- II. Предпочтение₂, преклонение₂, преклоняться₂, признать / признавать₂, признание₃, ценить / оценить₃, честь₂, чтить₂.
- III. Фетишизм.

Внешнее выражение эмоций

- I. Величать, кланяться₁, коленопреклонение, почести, почтить, раскланяться / раскланиваться, расшаркаться / расшаркиваться, фетишизирование, чествовать, честить.
- II. Кланяться₂, преклониться / преклоняться₃, уважить₂, чествование₂.

Эмоциональная характеристика

- I. Достоуважаемый, досточтимый, многоуважаемый, почетный, почитатель, почитательница, почтенный, предпочтительный, признанный, сакраментальный.
- II. Лояльный₂, святой₄, священный₂, уважаемый₂, уважительный₃, честь₄.
- III. Фетиш₂, фетишист.

Эмоциональное качество

- I. Почтенность, почтительность, уважительность.

Удивление

Эмоциональное состояние

- I. Изумление, недоумевать, недоумение, недоуменный, подивиться, поразиться / поражаться, удивиться / удивляться, удивление.
- II. Красота₆, ошеломленный₂, странно₂, умора₂, чудно₂, чудо₄.

Эмоциональное воздействие

- I. Дивить, дивный, диво, изумиться / изумляться, надивить, огоршить / огоршивать (огорашивать), ошеломительный, подивить, поразительный, разительный, сногшибательный, странный¹, удивительный, удивить / удивлять, умопомрачительный, чудаковатый, чудный, эпатировать.
- II. Ошарашить / ошарашивать₂, ошеломляющий₂, поразить / поражать₄, странность, удивительно₂, чудо₂.
- III. Оглушить / оглушивать, оглушить / оглушать, глушить, ослепительный₂, ослепить / ослеплять.

Эмоциональное отношение

- I. Дивиться, дивоваться, изумительный, изумить / изумлять, надивиться, надивоваться.
- II. Пикантный₂.

Внешнее выражение эмоций

- I. Выращивать / выращивать, онеметь / онемевать, неметь, остолбенелый, эпатаж.
- II. Выпучить / выпучивать₃, выпучиться, замаслиться / замасливаться₂, изумленный₂, недоумевающий₂, ошеломленный₂, удивленный.

Эмоциональная характеристика

- I. Упомрачительно, чудак.
- II. Упомрачение₂, фантастический₂, 4, чудодейственный₂, чудотворец₂.

Эмоциональное качество

- I. Разительность, чудаковатость.

Удовольствие

Эмоциональное состояние

- I. Благо, блаженный, блаженство, блаженствовать, восхищение, довольный, довольство, довольствоваться / удовольствоваться, жуировать, кейф, кейфовать, млеть, насладиться / наслаждаться, нега, недурно, нежиться, нирвана, отрада, поблаженствовать, повадно, предвкушать, предвкушение, самодовольствие, самодовольство, самоудовлетворение, самоудовлетворительность, самоуслаждение, удовольствие, упоение, услада, эйфория.
- II. Воодушевленный, доля₂, идиллия₂, нега₂, отлично₂, повадно₂, пожить₂, приятно₂, приятность₂, прохладяться, процветать₂, славно₂, сладко₃, сладостно₂, тешиться₂, томиться₃, томление₃, удовлетворение₂, удовлетворенный₂, упиться₂, упоенный₂, утомительный₂, хорошо₃.
- III. Купаться / выкупаться, испускаться, насытиться / насыщаться, нирвана, праздник₄, рай₃, сладострастие, сладость₃, сладь₂, смак, смаковать₂.

Становление эмоционального состояния

- I. Восхититься / восхищаться, разнежиться / разнеживаться, ублаготвориться / ублаготворяться, удовлетвориться / удовлетворяться, усладиться / услаждаться, утомиться.

Эмоциональное воздействие

- I. Баловать, восхитительный, восхитить / восхищать, насладить / наслаждать, побаловать, приятный, радовать, разнежить / разнеживать, сладостный, ублаготворить / ублаготворять, ублажить / ублажать, угодить / угождать, угождение, удовлетворить / удовлетворять, удовольствоваться, усладительный, усладить / услаждать, усладный.
- II. Лстить₂, нежить₂, потешить₂, славный₂, тешить₂, томительный₃, томно₅, упоить₂, утешить / утешивать₂.
- III. Ласкать₂, просветлить / просветлять₂, райский₂, сахар₂, сахарный₂, сладкий₅.

Внешнее выражение эмоций

- I. Кряканье, любоваться, самодовольный, угодничество, услаждение.
- II. Крякать₂, уважить₂.
- III. Облизываться, просиять₂, светиться₃.

Эмоциональная характеристика

- I. Благодарственный, жуир, угодливый, угодник, угодница.
- II. Идиллический, удовольствие₂, хорошо₂, эпикурец₂.

Эмоциональное качество

- I. Приятность, уважительность, угодливость, удовлетворительность, упонтельность, утомительность.
- II. Нежность₄.
- III. Эпикуреизм₃.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЭМОЦИИ И ЯЗЫК (основные проблемы и аспекты изучения)	5
Эмоции и действительность. Эмоции и человек	6
Эмоции и языковая картина мира	7
Эмоции и оценка	9
Эмоциональный лексический фонд	10
Категория эмотивности	14
Эмотивное значение. Место эмотивного компонента в семантической структуре слова	14
ЭМОТИВНЫЕ СМЫСЛЫ В СЕМНОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА	19
Денотация и коннотация. Типология сем	19
Эмотивные смыслы в аспекте семной семасиологии	21
Категориально-эмотивные смыслы	25
Дифференциально-эмотивные смыслы	31
Коннотативно-эмотивные смыслы	53
СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЭМОЦИЙ	62
Основной принцип классификации эмотивной лексики	62
Основные классы эмотивной лексики	64
Пересекаемость эмотивной лексики с другими лексическими множествами	82
Структура лексического поля эмоций	86
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (стилистические функции в контексте фразы)	89
Конкретизация эмоций в речи	89
Изображение динамики, текучести и изменчивости чувств	99
ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ. ЭМОТИВНЫЕ СМЫСЛЫ В СОДЕРЖАНИИ ТЕКСТА	102
Эмотивные смыслы в структуре образа персонажа	106
Эмотивные смыслы в структуре образа автора	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	133
ЛИТЕРАТУРА	136
ПРИЛОЖЕНИЕ	144

Научное издание

Людмила Григорьевна Бабенко

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Технический редактор *Т. Д. Рязанова*
Корректор *Т. С. Сергеева*

ИБ № 311

Сдано в набор 10.06.89. Подписано в печать 28.11.89. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,7.
Усл. кр.-отт. 10,93. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 3200 экз. Заказ 1748. Цена 2 р.

Издательство Уральского университета. 620219, Свердловск, ГСП-830,
просп. Ленина, 136.

Тип. упр. издательств, полиграфии и книжной торговли.
623400, г. Каменск-Уральский, ул. Ленина, 3.